РОМАНЫ «ЛУРД»—«РИМ»—«ПАРИЖ» Э. ЗОЛЯ И ИХ СУДЬБА В РОССИИ

по рукописным и архивным материалам*

Публикация М. Эйхенгольца

Подготовительные рукописные материалы Золя к серийным его романам—«Ругон-Маккары», «Три города» и «Четыре евангелия»—представляют большой научный интерес. Это не предварительные редакции текста того или иного романа, а непосредственные высказывания, суждения писателя о своих произведениях, исповедь о замыслах, данная как бы в беседе с самим собою. Рукописи Золя не только раскрывают «секреты» творческой его лаборатории и знакомят с техникой его литературной работы, но и помогают лучше понять смысл его произведений.

Черновые рукописи Золя к каждому из романов, входящих в названные серии, состоят из нескольких категорий (обозначения различных рубрик рукописных материалов, взятые нами в кавычки, принадлежат самому Золя):

- 1. «Наброски» (ebauches)—идеологический, по преимуществу, анализ романа. Мысли писателя излагаются здесь, обычно, не вполне систематически, а так, как они зародились в процессе его размышлений над своим произведением. В них сказываются колебания писателя, сомнения, искания. Тем больший интерес вызывает эта категория рукописей Золя. Естественно, что, наряду с идейным анализом произведения, писатель касается здесь различных деталей фабулы и своих формальных задач.
- 2. «Персонажи» (personnages)—характеристики действующих лиц, значительно более подробные, чем у драматургов. Золя не оставляет без внимания даже второстепенных персонажей романа. Он рисует психо-физиологический и социальный облик каждого лица. Эта рубрика рукописей Золя более систематична, чем его «наброски»; в последних встречаются лишь отдельные черты действующих лиц.
- 3. «Планы» (plans). Помимо кратких планов, Золя анализирует каждую главу будущего романа, обращая особое внимание на развитие фабулы. При этом во второй, более распространенной, редакции (обычно имеются две редакции аналитических «планов») налицо уже моменты художественного оформления произведения. Те или иные образы и эскизы сцен переходят зачастую в окончательный текст, правда, в значительно более развитом виде.
- 4. Этю ды с натуры—зарисовки жанровых сцен или пейзажей, свидетельствующие о непосредственных наблюдениях писателя. К этой же рубрике можно отнести и записи более технического характера, насыщенные фактическими данными.

Наконец, среди рукописей Золя встречается много документальных данных: выписки из книг, вырезки из газет, статистические таблицы и т. п. Изучение всех видов подготовительных материалов Золя позволяет судить о всем творческом процессе писателя.

Мы печатаем ниже рукописные материалы, относящиеся к творческой лаборатории романов Эмиля Золя из серии «Три города» — «Лурд», «Рим», «Париж». Руко-

^{*} Перевод рукописей к «Лурду» и «Риму» сделан И. Цыпиной, к «Парижу»— Т. Ириновой. Редакция переводов—М. Эйхенгольца.

писи эти завещаны были вдовой писателя, Александриной Золя (ум. в 1925 г.), библиотеке Межан в Экс - Прованском (Bibliothèque Méjanes, Aix-en-Provence), на юге Франции, в родном городе Золя, где он прожил годы своего детства и юности. Ввиду значительного количества этих рукописей (к «Лурду» и «Парижу» насчитывается почти по тысяче рукописных страниц, а к «Риму»—более тысячи), в нашу публикацию включены лишь литературно организованные, систематические материалы, к тому же, наиболее показательные.

Помимо общего очерка под названием «Три города—Лурд, Рим, Париж», мы печатаем «наброски» ко всем трем романам Золя, как самые значительные в идейном отношении рукописные материалы этой серии. Лишь ввиду больших размеров «набросков» к «Риму» и «Парижу», мы допускаем в них некоторые купюры, касающиеся повторений и малосущественных деталей. Из аналитических «планов» нами избраны по две примерные главы во второй редакции, главы, в которых наиболее ярко выражены художественные особенности каждого романа. В качестве примерных характеристик действующих лиц, мы печатаем характеристики Мари де Герсен из «Лурда» и Бенедетты из «Рима». Наконец, в нашу публикацию входят два этюда—«Париж. Отправление белого поезда» («Лурд») и «Виды Парижа» («Париж»).

Рукописные материалы Золя к «Трем городам» печатаются впервые. Они не были опубликованы до сих пор не только в русском переводе, но и во французском подлиннике, за весьма малым исключением, именно: в «Полном собрании сочинений Золя» с примечаниями и комментариями Мориса Ле Блон напечатаны лишь начальные 1—20 страниц «наброска» к «Риму», которые мы печатаем в переводе, чтобы читатель имел перед собой этот «набросок» в целом виде, а также характеристика Пьера Фромана (194—206 стр.), значительные элементы которой входят в другие рукописные материалы из серии «Три города», и «Великий писатель, человек толпы» (366—367 стр.), относящиеся к роману «Париж».

Рукописи Золя, публикуемые на страницах «Литературного Наследства» впервые, списаны для нас от руки архивариусом библиотеки Межан, г. Анри Вьелем (M-r Henri Vieil), которому мы выражаем здесь благодарность. Мы пользуемся случаем также выразить благодарность директору библиотеки Межан, г. Эдуарду Оду (M-r Edouard Aude), любезно разрешившему использовать рукописные материалы Золя и произвести с них фотоснимки.

«Три города» Золя (1894, 1896, 1898) посвящены современности. Важнейшим моментом этой серии романов явилось изображение спиритуалистической реакции 90-х годов, захватившей науку, литературу и искусство. Избрав главным героем своих романов священника Пьера Фромана, переживающего душевный кризис, который приводит его к естественно-научному мировоззрению, Золя, как писатель-социолог, антирелигиозно настроенный, хотел, по его словам, дать критическую, «развернутую картину всего неокатолицизма, всех тенденций к нему; пробуждение мистицизма, усилия спиритуалистов» (очерк «Три города»).

Золя непосредственно наблюдал все эти явления. Известно, что он совершил поездку в Лурд, был в Риме, где добивался свидания с папой, что ему сделать не удалось, благодаря интригам враждебных кругов; парижская жизнь была предметом его многолетних наблюдений. Сверх того, в соответствии с обычным для Золя методом работы, он пополнял живые впечатления данными из книжных источников. Об этом свидетельствуют многочисленные материалы, сохранившиеся среди его рукописей.

В романах Золя имеется несколько подлинно исторических персонажей (папа Лев XIII и Бернадетта, о которой, собственно, лишь повествуется). Но зато многие из персонажей имеют в качестве своих прототипов лиц исторических. Это относится, главным образом, к «Парижу». Действительно, анархисту Сальва прототипом послужил Вайян,

Матису—Эмиль Анри, в лице депутата Межа Золя изобразил Жюля Геда, барон Дювильяр, видимо,—барон Рейнак и Субейран, министр Барру списан с Флоке, Монферран—с Рувье и Констана; ученый Бертеруа—не кто иной, как знаменитый химик Бертело; редактор консервативной газеты «Глобус»—это Эбрар, главный редактор «Тан», Санье и его «Глас Народа» напоминают реакционного журналиста, католика и антисемита Дрюмона и его «Свободное Слово», в лице Шансонье Легра, поющего песенку «Цветы с мостовой», видимо, изображен монмартрский шансонье Аристид Брюан и т. д. В отношении многих из перечисленных лиц имеются прямые указания в рукописных материалах Золя.

Нужно отметить, что для творчества Золя в целом портретность нехарактерна. Члены семьи Ругон-Маккаров, например, не имеют прототипов,—это типические образы, созданные творческим воображением писателя, за некоторым исключением, разумеется. Что же касается «Парижа», то, в смысле документированности, роман этот можно отнести к категории исторических.

Идеалистическая реакция 90-х годов была направлена против естественно-научного (механистического) материализма, выдающимся представителем которого в литературе являлся натуралист Золя. Значительный размах спиритуалистической реакции объясняет и резкость, остроту противодействия этому движению в «Трех городах». Достаточно привести ряд фактов.

Характерной фигурой того времени был, например, Ф. Брюнетьер, автор книги «Натуралистический роман» (1892), направленной против «материалистических» романов Флобера, Гонкуров и Золя. В этой книге имеется статья, озаглавленная «Банкротство натурализма». Брюнетьер прочел в 90-х годах ряд публичных докладов (они вошли в его книги «Боевые речи, 1896—1904 гг.»), среди них речь о возрождении идеализма (1896), в которой он выступает противником позитивизма в философии, реализма и натурализма в литературе и живописи,—против Тэна и Литре, Леконт де Лиля и Флобера, Александра Дюма-сына, Курбе и др. Защита идеалистической философии сочетается у Брюнетьера с пропагандой католицизма («Потребность в вере»—доклад в связи с конгрессом католической молодежи, 1898), шовинистического национализма («Враги французской души», «Латинский гений», 1899) и милитаризма («Нация и армия», направленная против Дрейфуса, 1899).

Брюнетьер был не одинок. Наряду с ним можно назвать Жюля Лемэтра, Мельхиора де Вогюэ и др. Анкета журналиста Жюля Юре (1891) «об эволюции современной литературы» прошла под знаком ликвидации натуралистического движения. Количество противоборствующих групп было значительно: разнообразные представители символистской литературы, эпигонствующие романтики с католическими тенденциями, как Барбе д'Оревильи, представители магизма и сатанизма—Сар Пеладан и Жюль Буа, наконец, писатели, отошедшие от натурализма, как Гюисманс, ставший яростным католиком и мистиком, или Дюма-сын, написавший к роману Марселя Прево «Исповедь любовника» предисловие, в котором он предсказывает «невиданное устремление молодежи к спиритуализму» и восхваляет «мораль сына Марии».

Даже среди представителей научного естествознания заметна была некоторая склонность к спиритуализму. По крайней мере, Герберт Спенсер стал развивать теорию «непостигаемого». Химик Бертело, оставшийся убежденным сторонником естественно-научного мировоззрения, констатировал «наступательное движение мистицизма против науки». Против «мнимого банкротства науки» (так названа одна из рубрик рукописных материалов Золя) выступил в своих романах «Три города» и Золя.

Известно, что многие романы из серии «Ругон-Маккаров» политически заострены, злободневны («Карьера Ругонов», «Чрево Парижа», «Жерминаль» и др.). Такой же характер носят и романы из серии «Три города». Но они в большей мере публицистичны: тенденция их обнажена, декларативна. В «Трех городах» Золя проявил себя,

как радикальный мелкобуржуазный писатель и общественный деятель. Защита Дрейфуса (1898) явилась естественным продолжением литературной деятельности автора «Парижа» (1898). В этом смысле социальная функция романов Золя из серии «Три города» была объективно положительной, хотя, в конечном счете, восприятие современного общественного движения и пропаганда социальных идеалов у Золя не вышли за пределы реформизма, характерного для последнего периода его творчества.

Рукописные материалы, которые мы ниже печатаем, с большой остротой передают основные идеи романов Золя.

І. ОБЩИЙ «НАБРОСОК» К «ТРЕМ ГОРОДАМ»

Первый публикуемый очерк, по типу относящийся к категории «набросков», — «Три города: Лурд—Рим—Париж», —Золя написал, видимо, после того, как роман «Лурд» был им уже задуман. В этом очерке устанавливается связь всех трех романов серии.

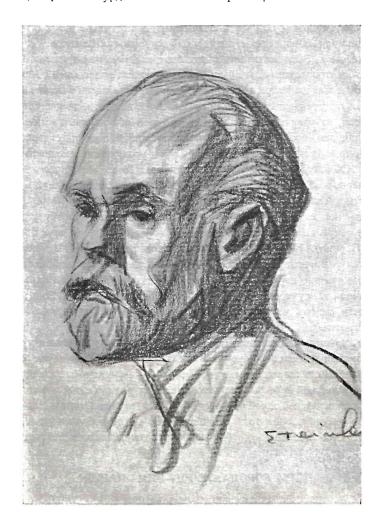
По замыслу Золя, эволюция идей главного персонажа трилогии, Пьера Фромана, такова: в «Лурде» показана «религия человеческого страдания», Пьер прибегает к «вредной поддержке иллюзий», веры в чудеса. Стремясь к исцелению человеческих бедствий, Фроман, несмотря на охлаждение его религиозной веры, руководствуется «милосердием». В «Риме» попытка вернуть первоначальную веру «побуждает его обратить свои взоры к первобытной христианской общине и поддержать идеи неокатолического движения». Как пишет Золя, Фроман еще считает, что ни наука, ни труд не могут удовлетворить непонятной жажды сверхъестественного, заложенной в человеке. На этом основании он и стремится реформировать христианство. Все же, в «Риме» поставлена проблема «примирения христианского учения с современной наукой». Лишь в конце анализируемого первого очерка, после значительных колебаний, Золя дает синтетическую характеристику своих романов. Весь рукописный очерк ценен для исследователя возможностью определить мысль писателя в динамике. И здесь следует выделить тему о «любви к жизни». Идея эта, как лейтмотив, проходящая через три романа, связывает «Три города» Золя со всем его творчеством, с культом вечной жизни в биологическом ее понимании.

Источником человеческих бедствий в «Лурде» является ущербность физиологическая. В «Риме» же выступает социальное осмысление религиозных чаяний (если оставить в стороне сочетание чувственных и религиозных порывов у Бенедетты). Именно в этом романе обрисовано разочарование Пьера в действенности и искренности социальных чаяний неокатолицизма, поскольку они выражены папской церковью.

Наконец, в «Париже» религия «милосердия» отходит на задний план. Выступает в полной мере проблема социальной «справедливости». В «Париже» Золя хочет «показать социальную борьбу во всей ее остроте...». В «Париже», как и в «Жерминале», «бездна человеческого страдания... Это будет находиться в соответствии с «Лурдом», где я показываю страдания физические». Так постепенно заостряется антирелигиозный мотив романов Золя. Писатель подчеркивает, что «идея о будущей (загробной) жизни окончательно обанкротится в связи с развитием науки», и это приведет к иной «социальной базе, основанной на справедливости». Такова проблематика Золя.

Уже на основании очерка «Три города» можно судить, что романы «Лурд», «Рим» и «Париж» должны носить обнаженно-публицистический характер. Романы эти полны размышлений главных героев—Пьера и Гильома Фроманов. Разумеется, нельзя отождествлять Пьера Фромана—«необыкновенного человека», священника, переживающего религиозный кризис, хотя и приводящий его к естественно-научному мировозэрению, с самим писателем. Антирелигиозный характер творчества Золя в целом не требует доказательств. Помимо отдельных мотивов его, можно указать на роман «Проступок аббата Муре», направленный против спиритуализма и христианства, или на анти-

клерикальный роман «Покорение Плассана» (70-е годы). Но и в 90-х годах Золя не переживал никаких колебаний в отношении своем к религиозным проблемам. Об этом красноречиво свидетельствуют его письма и статьи этого периода («Был ли Рим когда-либо христианским?», «Наука и католицизм»). «Паломничество» Золя в Лурд в качестве наблюдателя было ложно воспринято католическими кругами, как свидетельство «обращения Золя», и роман «Лурд» вызвал большое разочарование католических кругов

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ
Рисунок Т. Стейнлена
Выставка революционного искусства Запада, Москва, 1926 г.

(см. ниже о полемике по поводу «Лурда»). Не менее разочарованы были церковники поездкой Золя в Рим. Никоим образом не отождествляя Золя с Пьером Фроманом, нужно, все же, отметить, что в ряде случаев Золя вкладывает в уста Пьера Фромана свои собственные суждения, что особенно явственно видно при изучении рукописей, где эти мысли выражены в прямой форме, от лица автора (хотя бы суждение о социальном характере религии и отрицательное отношение к евангелию).

То же можно сказать и о Гильоме Фромане, который, в известной мере, является выразителем идей (porte parole) самого Золя. Вот почему Золя стремился связать анархизм Гильома с эволюционной теорией, последователем которой он сам являлся. Но, вместе с тем, Золя пишет в «наброске»: «Ввести в теорию об эволюции момент насилия. Эволюция не всегда происходит равномерно и постепенно, ее размеренный ход нарушают катаклизмы».

У Золя была даже попытка ввести себя непосредственно в действие романа в лице «человека свободной мысли, трезвого анализа, который верил бы только в прогресс науки» («набросок» к «Лурду»), или в образе писателя—«человека толпы», который «все видит и обо всех судит» (рукописи к «Парижу»). Аналогичное намерение Золя ранее осуществил в романе «Творчество», введя в фабулу писателя Сандоза.

В конечном счете, Золя заставляет обоих братьев Фроманов притти к культу труда и плодородия, к гимну жизни, что было его собственной философией. Как бы отождествляя конечные выводы Пьера и Гильома со своими, Золя писал в очерке «Три города»: «Я не в силах пожертвовать убеждениями всей моей жизни, я за постепенное образование общества, за удовлетворение всех нужд, всех общечеловеческих потребностей, против католицизма, который считает землю нечестивой, а жизнь скверной». И дальше: «Я хочу, чтобы мой роман [«Париж»] был над уровнем современности; это как бы предвидение XX века, блаженный город будущего». После «критической» серии Золя «Ругон-Маккары», «Три города» занимают переходное место к серии утопических романов «Четыре евангелия».

В анализируемом нами очерке видно стремление Золя оживить фабулу романов, создать драматическую интригу. Много внимания он уделяет борьбе двух братьев, Пьера и Гильома («Париж»). Но она не имеет личного характера, это борьба идеологий. И тут Золя допускал различные варианты. Он предполагал вначале изобразить «жестокое, кровавое столкновение двух миров». Пьер «подчинялся церковной охранке, Гильом был представителем научного и общественного свободомыслия». Но Золя, как обычно, избег опасности создать мелодраму (вначале у него братья «готовы были перегрызть друг другу глотки»).

Поскольку идейная борьба является центром «Трех городов», романической интриге уделено в романах значительно меньшее внимание. Первоначально же Золя предполагал обратное: «Было бы так романтично устроить как можно больше драм». Можно сказать, что в известной мере романтическим мотивам придан символический характер, они связаны с философской темой произведения. Так, любовь Пьера и Мари в «Париже» иллюстрирует тему плодовитости. Иной характер носят побочные романические детали фабулы. Они характеризуют бытовой фон развивающегося действия.

Текст «наброска»:

ТРИ ГОРОДА: ЛУРД-РИМ-ПАРИЖ

[2]* Я мыслю все три романа тесно связанными между собой. В «Лурде», как я уже говорил,—вера молодости, призыв неизлечимо страдающего человечества к всемогущей воле божества. Священник делает последнюю попытку сохранить эту веру, но безуспешно. Он, однако, с уважением относится к этой вере: ведь она приносит беднякам облегчение. Его трогают страдания, и он не хочет закрыть перед людьми грот, где они находят утешение и исцеление.

По сути, это религия человеческого страдания. И все же, в конце, нужно, чтобы священник поставил перед собой вопрос: а хорошо ли поддерживать суеверие? Быть может, лучше смело разоблачать обман и трудиться над тем, чтобы сделать человечество [3] мудрым и рассудительным, научить его брать жизнь такой, какова она есть, не прибегая к шаткой и вредной

^{*} Цифры в скобках обозначают пагинацию рукописей Золя.

поддержке иллюзии? Поддерживать иллюзию, распространять ее из сострадания к несчастному, которому она дает утешение,—значит укреплять тяжкое наследие слабости и нищеты, значит поддерживать одно из уродств человеческих. Тогда как, разоблачая иллюзии и суеверия, трудишься над тем, чтобы сделать человека смелым: он постепенно учится смотреть жизни прямо в глаза, мужественно идет вперед, живет и действует на благо ближнего. Только так вырабатываешь в себе непреклонность и мужество. Труд—совершенное творение, к которому мы идем.

Итак, «Лурд» можно закончить тревожным вопросом, который ставит священник. Он не разрешит его [4], он останется в том же тревожном недоумении, так как я хочу закончить роман милосердием, терпимым отношением к человеческим страданиям. И все это проникнуто большой тоской, трепетным чувством долга, повелевающим бороться с суеверием, и глубоко уязвленным чувством жалости, которое удерживает от борьбы: ведь это отнимет последнее утешение у стольких несчастных верующих, так сильно нуждающихся в иллюзии. Это еще более широко даст мне момент самоотверженности. Что же касается борьбы против суеверия, я дам ее в третьем томе-«Париже». Он будет служить как бы связующим звеном для всех трех романов. Третья книга может быть борьбой справедливости против милосердия; ниже я раскрою это. Но остается второй том-«Рим». [5] Я уже говорил, что священник, после тщетных попыток вернуть первоначальную веру («Лурд»), пытается («Рим») примирить католицизм или, по крайней мере, христианское учение с современной наукой, современным обществом, прогрессом. Но и тут его ждет неудача. Я дам развернутую картину всего неокатолицизма, всех тенденций к нему; пробуждение мистицизма, усилия спиритуалистов. Правильно изучить всю обстановку. Мораль, борьба духа против страстей во имя добродетели; отказ от идеи, будто человек есть высшее существо; чистота; девственность; борьба против природы, плодовитости, жизни. Я хочу, чтобы все это дала мне женщина-римлянка. [6] Она страстно любит, обладает пылкой душой и идет на мученичество, только чтобы побороть свое чувство. Словом, показать их пресловутую психологию, вся суть которой сводится к борьбе между чувством долга и страстью.

Я поставлю мою героиню в такие условия, где у нее будет множество случаев пасть: муж уродливый и жестокий; тупая, грубая среда. Детей нет или, быть может, неблагодарные дети. Показать, как она приносит себя в жертву религии, долгу. И результат. Я, конечно, за торжество природы, за свободное чувство. Как раз тут можно дать жесточайшую иронию. Но чего мне хочется всего больше—это показать [7] страсть, готовую вырваться наружу, которую всячески сдерживают. Итак, центром произведения будет страсть; подобно солнцу, она озарит всю книгу: ведь в «Лурде» любовной интриги нет, и в «Париже» ее, должно быть, также не будет. Итак, это состояние я дам как раз в середине трилогии. Как мне кажется, развитию основной фабулы—священник, пытающийся примирить церковь с современностью,—любовная интрига не помешает.

Священник отправится в Рим с епископом. Быть может, героиня будет поверять ему свои тайны. Со своей стороны, священник через нее захочет добиться торжества своей идеи. Но [8] героиня падает жертвой этой идеи, так и не добившись успеха.

Интрига вокруг папы, чтобы вынудить его принять какое-то решение. Более отдаленные цели. Не забывать о том, что я не хочу Италии созер-

цательной, Рима в обычном представлении о нем. Я дам современный Рим—кричащий модернизм на фоне старины, измельчавший современный народ и современную буржуазию. Все это необходимо изучить на месте. Здесь я даю лишь основную мысль. В заключение должно показать бессилие католической церкви, ее неспособность примениться к веку, [9] настолько обновиться, чтобы отвечать требованиям современности. Носителем революционной идеи—поднять малых сих против власть имущих, против собственности и праздной жизни—будет кардинал, представитель высшего духовенства.

Христианский социализм ведет к анархии: разрушить современное общество и заменить его обществом примитивным, обществом евангельских времен. Революция, пусть кровавая, под руководством Христа. Вернуться к традициям Христа, который боролся революционным словом в Иудее (примерно, эти мысли высказывались в 48-м году). Быть может, священник будет сторонником этих идей и сделает римлянку своей ученицей, попытается в своих целях использовать ее страсть. Однако, все попытки священника тщетны. Он видит, [10] что со старой, изношенной машиной католицизма ничего не сделаешь. Идея милосердия пережила себя, всюду берет верх идея справедливости. Вот на этом и будет построена моя третья книга—«Париж».

В этой книге мне хотелось бы дать борьбу между двумя братьями (священником и его братом). Это нужно обдумать и в общих чертах наметить уже в «Лурде». Брата сразу дать бунтарем. Можно сделать из него анархиста, второго Суварина¹. И хорошо непосредственно поставить братьев во враждебные отношения. После неудачи в «Риме» священник погрузился в безмолвное отчаяние, [11] полное бессилие. Он не мог обрести веры рядового человека («Лурд») и не смог обновить католицизм, сделать его милосердной, человечной религией («Рим»). Таким образом, священник с самого начала считает, что человек нуждается в религии. Ни наука, ни труд не могут всецело удовлетворить непонятную жажду сверхъестественного, заложенную в человеке, которого точное определение тех или иных проявлений жизни не удовлетворяет. Священник не пускается в метафизические рассуждения, он просто констатирует. Удовлетвориться жизнью, в которой царит лишь наука с ее точным восприятием реального, не надеясь на вознаграждение в будущем, могут только светлые, развитые умы, смелые натуры. [12] Такое миропонимание может быть только у весьма ограниченного числа избранных. Но, в таком случае, что же происходит с огромной массой остального человечества? Ведь именно тут и наталкиваешься на бесчисленные потребности, требующие удовлетворения. Как раз тут и нужна вера, религия, причем религия, основанная на сверхъестественном (и в этом основная трудность). Итак, в силу самой человеческой природы—несправедливой и порочной, породившей первородный грех, -- в силу неравенства и несправедливости пришлось все основывать на милосердии. Ведь милосердие исправляет. Однако, и оно постепенно становится бессильным, -- это доказывает многовековой опыт, -- да и беднякам уже надоела филантропия, которая даже не обеспечивает им хлеба насущного. Следовательно, сейчас можно взывать к справедливости. [13] Вся борьба, таким образом, будет итти между исчерпавшим себя милосердием и справедливостью, которая кажется неприменимой. Сущность всей книги заключается в этой борьбе.

Но вернемся к священнику. Итак, он не мог верить, как рядовой чело-

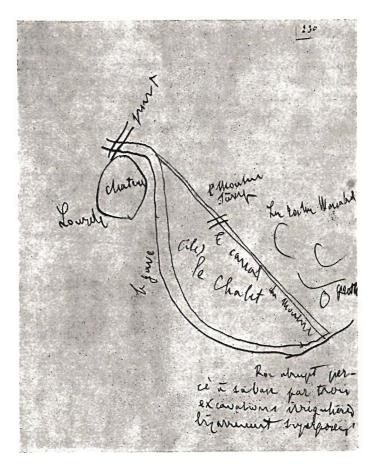
век, и не смог примирить католицизм с современностью. Он натолкнулся на отказ науки от сверхъестественного и на возрастающую в народе потребность в справедли вости. Последнее, пожалуй, хорошо дать в «Риме», чтобы показать всю тщетность попыток священника. Есть и другие причины, приведшие его к неудаче. Обдумать все это. Почему католицизм, христианство не могут настолько переродиться, чтобы стать религией новых поколений. [14] Священник окончательно разбит, все его надежды рухнули. Изучить это состояние полной безнадежности. Он погиб. Быть может, он отказывается от духовного сана.

Я не представляю себе, однако, на какой почве развернется борьба между ним и его братом. Мне хотелось бы борьбы героической, жестокой, кровавой, столкновения двух миров. Но это возможно лишь в том случае, если в конце романа «Рим» я покажу, как религиозный аппарат католической церкви снова захватил священника; он подчиняется церковной охранке—и все это из страха перед пустотой, небытием. Он весь поглошен чисто внешней, технической стороной религии. Попрежнему неверующий, ибо верить по заказу нельзя, он делает сверхчеловеческое усилие, чтобы побороть свое существо, подчинить себя [15] самому строгому соблюдению обрядов католической церкви. Святой. Он умерщвляет плоть. Он беден, все раздает, полон скромности; для каждого, кто приходит к нему, находит чудесный совет. Почти делает чудеса, свято следуя всем обрядам католической церкви. Он даже перестает считать все это чистейшей механикой, и это чувство дает ему возможность жить и трудиться. Вокруг него словно разоренное поле, пепелище. Он больше ни во что не верит. Ни счастья, ни надежды; только голая механика, размеренные часы и то спокойное благоразумие, которое дает полное отрицание, поддерживают его дух. Он поступает так из честности, из врожденного чувства равновесия. Мне кажется, что нет надобности давать это в конце «Рима». Там священник потрясен своей второй неудачей. Я снова вернусь к нему в [16] «Париже» и дам его таким, каким описал выше. Крупная, удивительная фигура. Тут-то я и столкну его с братом. Брат-бунтарь, пророк, светлая личность; ради своих идей он готов пойти на преступление. Быть может, анархистское покушение (изучить эту среду). Первый спор. Священник выступает резко и энергично: он так же мало верит в возможность преобразования человечества путем переворота или хотя бы эволюции, как и в свою религию. Анархисту могут быть неизвестны истинные взгляды священника, он считает его убежденным католиком. Но вот преступление разоблачено, и анархисту грозит арест. Он приходит к брату, и тот его скрывает у себя. Совместная жизнь, беседы, мечты, [17] картина будущего общества; попытка обратить священника в эту новую веру, веру будущего. А если для спасения брата нужна будет чья-нибудь жизнь, пусть священник отдаст свою. Но в начале книги резко столкнуть обоих братьев. Найти что-либо, отчего они готовы перегрызть друг другу глотку.

Я хочу, чтобы мой роман был над уровнем современности, это как бы предвидение XX в.; блаженный город будущего. Таким образом, вся та часть, когда священник скрывает брата, когда последний его просвещает, должна давать представление о будущем социальном Параду². Не забывать о заголовке «Париж»: действие должно развертываться именно в Париже; Париж должен чувствоваться; [18] именно в парижском котле выковываются, зарождаются все эти идеи об обществе будущего. Вся

история социализма до наших дней. Я уже говорил, что брат священника будет анархистом, но, быть может, сделать его последователем эволюционной теории (я бы предпочел последнее). Но и в том и в другом случае он должен совершить преступление против существующего порядка: убийство в политических целях или что-либо иное; кровь. И нужно также, чтобы священник в конце пожертвовал жизнью для брата. Снова символ Христа, искупающего вину, отдающего свою кровь для счастья ближнего. Да, нужно ввести женщину. Брат женат, быть может, у него дети. Все это даст мне костяк драмы. Вокруг бурлит Париж. Особенно показать политическую среду [19] в том случае, если я дам политическое убийство. В «Лурде» сказать о брате лишь в общих чертах. После смерти отца он получил свою часть наследства наличными деньгами и затем исчез. Химик, как и отец, он отличается многими странностями, оригинал, замкнутый, дикарь. Вместе с тем, очень добродушный, мягкий. Стремится жить уединенно. Когда брат сообщил ему о своем решении стать священником, только пристально посмотрел на него и больше не стал с ним разговаривать. Поселился отдельно, в глуши какого-то предместья, с женщиной, с которой даже не венчался. Ходят слухи, будто он все свое состояние тратит на какие-то безумные опыты, весь поглощенный какими-то фантастическими идеями. В «Лурде» дать только наметку и вернуться к этому персонажу в дальнейшем. [20] Только в вере кроется животворная сила, но в вере, отвечающей требованиям современности. Мучительная жажда сверхъестественного, удовлетворенная всеобщим благосостоянием, торжеством справедливости. В этой борьбе справедливости и милосердия священник воплощает милосердие, а брат его-справедливость, и справедливость одержит верх. Требования, предъявляемые справедливостью. Определить и показать их. Осанна. Соединенные штаты Европы. Мечта о едином народе. Совершенное счастье. Идеальный город, такой, каким он представляется в воображении поэтов. Мощная архитектура. Но я не в силах пожертвовать убеждениями всей моей жизни, я-за постепенное преобразование, за удовлетворение всех нужд, всех общечеловеческих потребностей, против католицизма, который считает землю нечестивой, а жизнь скверной. [21] Исцеление всех страданий. Снова формула: «Все сказать, все познать, дабы все излечить». Что сулит человечеству постепенное преобразование общества. Смысл жизни, конечная цель. Куда мы идем, каковы могут быть наши надежды. И основное-это дать ответ священнику, который всегда считал религию необходимой: раз наука не в силах удовлетворить это наше стремление к потустороннему, как утолить его. Теперь относительно удовлетворения требований: если милосердие бессильно, каким путем воцарится справедливость. Новый Иерусалим-вот конечная цель. Одним словом, дать разрешение проблемы. Фраза относительно «труда освобождающего и умиротворяющего» из моего доклада студентам³. Вот, пожалуй, носителем каких идей я могу сделать моего социалиста. Итак, он-последователь эволюционной теории. Но в таком случае, [22] откуда возьмется политическое убийство? Нужно ввести в теорию об эволюции момент насилия. Эволюция не всегда происходит равномерно и постепенно, ее размеренный ход нарушают катаклизмы, в жертву которым приносятся миллиарды жизней. Обдумать это. Быть может, он совершит не единоличное убийство, а коллективное. Словом, все это надо еще решить. Он тоже верующий. Но в основе его веры-человеческое страдание. Всеми его действиями руководит одна

цель—утешить и излечить их. Снова, как то было в «Лурде», долгий страдальческий вопль; порыв к свету из жуткого мрака подземелья. Большое великодушие, безудержное стремление к радости и, если бы это было [23] возможно, новая религия. Однако, стремление к идеалу, желание несуществующего—все это должно быть дано на фоне вполне реальной обстановки. Все происходит в определенный исторический момент существования III республики. Особенно важно как можно более четко поста-

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ РОМАНА "ЛУРД" — СКАЛА И ГРОТ Чертеж Эмиля Золя Библиотека Межан в Экс-Прованском, Франция

вить все социальные проблемы. Различные школы; уступки, к которым склоняется буржуазия; различные проекты разрешения вопроса; почва, завоеванная социалистами, их дальнейшие требования. Наконец, показать социальную битву во всей ее остроте, борьбу за существование. А там, на горизонте, уже занимается великая заря... В «Париже», как и в «Жерминале», бездна человеческого страдания. [24] Это будет находиться в соответствии с «Лурдом», где я показываю страдания физические. Удовлетворение требований социалистов избавит бедняков от мук. Показать ужасающую нищету в одном из предместий Парижа, парижский ад. Страдания обездоленных, пасынков жизни. На этом фоне я покажу Жака,

на этом фоне развернется вся драма. Вопль несчастных, стремящихся к новой жизни.

Для симметрии «Париж» будет также состоять из пяти частей, по пять глав в каждой. Что же касается «Рима», центральной части трилогии, то в нем будет три части; определить число глав в каждой. [25] «Рим»— центральная часть полотна, «Лурд» и «Париж»—левый и правый фланги.

Потеря веры у Пьера происходит именно, как следствие возмущения разума. Пьер обожествляет разум. И после «Лурда», в «Риме», священник во имя разума пытается путем компромисса примирить церковь с современностью. И позже, в «Париже», опять торжество разума.—Мне говорили в Лурде: «Вот, если бы вы обратили рабочих!» Сила надежды и утешения, которые католицизм и христианство внесли в мир, иссякла, осталась лишь иллюзия, но и она становится бессильной. Следовательно, нужно заменить ее. Если стремились к христианскому раю, то лишь потому, что он воплощал в себе надежду. Теперь, когда восемнадцать веков [26] исчерпали эту надежду, нужно что-то другое (см. «Лурд», 32). Народ потерял веру, он стремится к более жизненным идеалам, требует результатов более ощутимых. Такое заключение должны иметь и «Рим», и «Париж»; это—социализм, распределение. Это тоже лишь мечта... Но ведь мечта христианства исчерпала себя, вместо нее нужна другая.

Самое страшное — это уничтожение загробной жизни: все ведь покоилось на этой спиритуалистической надежде, все человеческое общество верило и надеялось на будущую жизнь. Стоит ли жаловаться на несправедливость, зачем протестовать против чудовищной социальной лестницы, несправедливого распределения богатств и жизненных благ, раз впереди ждет счастье на небесах. И так, сгибаясь под тяжким бременем жизни, наивные верующие терпеливо ждали и надеялись. Но если уничтожить рай, если убить надежду на будущую компенсацию, тогда все рушится. Обман слишком чудовищен. Итак, когда идея о будущей жизни окончательно обанкротится, понадобится другая социальная база, [27] основанная на справедливости. Только тогда на земле воцарится счастье. Не надо также забывать о силе традиции: мы с молоком матери всосали веру в рай, в будущее вознаграждение. Именно это дает жизнь спиритуалистическим течениям (к примеру, реакция конца века). Нужно учесть также, какое отчаяние вызовет мысль о том, что никогда не встретишься с дорогими умершими, не соединишься с ними навеки. Все, что есть и чего нет, понятие о бесконечности, жажда справедливости и равенства, источник ее (до сих пор неразрешенная проблема). [28] Гимном заре нового, поднимающегося общества-вот чем я хотел бы сделать третью книгу моей трилогии—«Париж». В первой—«Лурд»—я покажу стремление человека к иллюзии и вере; стремление человечества к счастью; любовь к жизни здесь, на земле. Все это я только намечу, точно так же, как и надежду на будущее. В «Лурде» больше ничего не должно быть. В «Риме» я могу показать крах старого католицизма, попытки неокатолицизма вернуть церкви прежнюю власть над миром. Итог века. Наука оспаривается, истины ее подвергаются сомнению, реакция спиритуализма и неизбежный провал его. Наконец, «Париж»-торжество социализма; гимн заре, поиски человечной религии, полное счастье на земле, —и все это на фоне современного Парижа. Однако, не слишком увлекаться действительностью. Мечта. Письмо, которое я получил. Германия. Соединенные штаты Европы.

II. «НАБРОСОК» К «ЛУРДУ»

Естественно, что в рассмотренном нами очерке «Три города: Лурд—Рим—Париж» повторены некоторые мысли «наброска» к «Лурду», первого по времени синтетического высказывания Золя о своем романе. Основные идеи его («потребность страдающего человека в иллюзии», «религия человеческого страдания») намечены, но не раскрыты в «наброске». И хотя Золя ссылается на проблемы общего характера и говорит о современном спиритуалистическом движении, как об источнике религиозных устремлений, «набросок» разработан в большей мере со стороны бытовой фабулы романа. При этом Золя стремится противопоставить «оба Лурда» в целях разоблачения «чудес» и «исцелений» и нарисовать интеллектуально-психологическую драму священника Пьера Фромана и интимную трагедию Пьера и Мари.

Не следует забывать, что выздоровление Мари, которое она приняла за чудесное «исцеление», было предсказано диагнозом доктора Боклера. А так как Пьер Фроман об этом осведомлен, то выздоровление Мари не только не способствует возрождению в нем веры, а, наоборот, усиливает его неверие в христианскую религию и католицизм. Все же, он остается убежденным сторонником «религии человеческого страдания», утешающих иллюзий, во имя облегчения участи физически страдающего человечества.

Золя не ограничивается декларативным разоблачением лурдских «чудес». Наряду с публицистическими рассуждениями, он детально останавливается в «наброске» на «параллельных интригах», образах второстепенных действующих лиц, и, используя фабулу романа, стремится более наглядным путем, художественно раскрывая ее, разоблачить «благочестивую» атмосферу лурдских «чудес». Он подчеркивает корыстную утилитарность и эгоистические упования некоторых паломников (эпизод с наследством г-жи Шез, тетки больного мальчика Гюстава), парадоксальное использование мнимых благодеяний девы Марии во вред другим (смерть начальника, место которого должен занять взывающий к богоматери о милости Виньерон) и в целях чувственных (мольбы г-жи Маз о возвращении ей мужа), а не для избавления от физических бедствий. Золя создает ряд жанровых эпизодов, которые значительно оживляют его роман. Разработаны они в обычной для автора «Ругон-Маккаров» манере.

Обращают на себя внимание в «наброске» некоторые формальные проблемы романа. Прежде всего, вопросы композиционные. Здесь сказывается обычный прием Золя—вводить читателя in medias res. И действительно, «Лурд» начинается с описания поезда с паломниками, что дает возможность показать почти всех действующих в романе лиц. Описание несколько раз вариируется в первых пяти главах романа, а затем и в конце его. Такая экспозиция характерна и для других романов Золя. Это относится к «Чреву Парижа» (описание Центрального рынка), к «Дамскому счастью» (описание большого магазина), к «Деньгам» (описание биржи).

Таким образом, тенденция к публицистической заостренности «наброска» к «Лурду» сочетается с обычными для Золя формальными задачами, разрешение которых должно было способствовать художественной законченности романа.

Текст «наброска» к «Лурду»:

[68] Большое затруднение для меня представит самая организация книги. Мне хочется дать всю жизнь Бернадетты, описать оба Лурда и борьбу священника Пейрамаля. Но основной идеей книги является потребность страдающего человека в иллюзии.

Пожалуй, лучше всего начать роман с описания поезда паломников по дороге в Лурд. Таким путем я смогу показать сразу всех моих страдальцев. Сначала вагон третьего класса, переполненный больными; затем, слева, вагон второго класса; в вагоне справа, третьего или первого класса,

я помещу тех персонажей, которые должны дать мне типы моих больных: такое объединение значительно облегчит мне их характеристику. Историю каждого из них можно передать самыми различными способами: разговоры в вагоне, рассказы, личные размышления и т. д. [69] Бездна человеческого страдания, потрясающая картина несчастий (все, что мне только удастся придумать),—и все это под непрерывный стук колес поезда. Масса страдальцев, теснящаяся в вагонах поезда. Дать почувствовать, что со всех концов Франции, со всех концов мира двигаются подобные же поезда. Все те, помочь которым наука оказалась бессильна, все те, кто надеется найти утешение в химере.

Прошлое больных, нищета и муки, которые остались позади. Один из больных может скончаться между Тарбом и Лурдом, его будут уже мертвого окунать в святую купель. Монахини странноприимного ордена; одна или две сестры из общины успения богородицы; одним словом, дать типы всех персонажей, подходящих к данной обстановке. Студент-медик, практикант. После того, как я дам полную картину этого поезда страдальцев, дать почувствовать надежду: чтение [70] вслух в вагоне третьего класса, или рассказы о детстве Бернадетты; видения и чудеса. И вот в ночи, под стук колес рождается великая надежда.

Это составит первую часть книги. Во второй части—прибытие к гроту; неудовлетворенная мольба о даровании чудесного исцеления. Больница; купель в гроте. Отчаяние больных, узнавших, что исцеление невозможно. Ночь в больнице. Продолжение повествования: Бернадетта отправляется в Невер, борьба священника Пейрамаля.

Книга должна состоять из пяти частей.

Четвертую часть я посвящу другим деталям: ночь в Розэре; подробное описание обеден-и доведу повествование до четырехчасового шествия богомольцев; подъем к храму; завершающее торжество [71] грота. Затем, при помощи искусственного приема, я закончу главу посещением церкви священника Пейрамаля и комнаты Бернадетты. Вифлеем. Все идет оттуда. Наконец, в пятой части покончить с больными: подробнейшее описание; снова поезд; стук колес; обратный путь. Выводы. Отъезд-описание вокзала. Возвращение в Париж в том же поезде. И все-таки надежда еще жива. Закончить Пейрамалем и, главным образом, Бернадеттой. По всей вероятности, ее смерть; дать полную, обособленную картину. Противопоставление нового и старого Лурда, описание которого [72] я дал в первой части; здесь уже не могло бы появиться такой Бернадетты. Даже сраженная смертью, она все-таки осталась избранной. Выводы моего анархиста. Обдумать. Чтобы не слишком распылять факты, мне хочется ввести какой-нибудь центральный персонаж. Быть может, выставить в том или ином виде себя самого. Тут нужен человек свободной мысли, трезвого анализа, который верил бы только в прогресс науки. Он против суеверия, которое находит вредным, против взгляда, будто христианское учение принесло благополучие человечеству путем милосердия. Все здание христианства готово обрушиться, необходимо нечто иное, но он не знает, что именно. [73] Его поражает это стремление ко лжи, к иллюзии, которое с такой силой проявилось в конце нашего столетия, и он отправляется в Лурд, чтобы увидеть все собственными глазами, получить необходимые сведения. Итак, он приезжает, почти со злобным чувством поднимается к храму; и тут следует показать всю гамму его переживаний: сначала он растроган, а затем, к концу, над всем берет верх чувство необходимо-

сти чего-то иного. Этот персонаж может быть мне полезен и в дальнейшем, в «Риме» и «Париже». Меня несколько затрудняет его общественное положение. Не хотелось бы делать его врачом, вторым доктором Паскалем4; зато весьма соблазнительна мысль сделать его священником. Но как это будет трудно. Священник обладает специфическими, только ему присущими чертами, которые будут здорово стеснять меня. [74] Допустим так: молодой священник, тридцати двух лет, впал в безверие. Он никому не признается в этом. Тщетно он борется с собой, вера не возвращается. Ему не хочется скандала; у него маленький приход в Париже, где он и продолжает исправно выполнять свои священнические обязанности, хотя его терзают сомнения. Как поступить? Он не знает. Он ищет. Уйти, сбросить сутану, жениться, иметь детей, пахать землю? Пожалуй, он охотно пошел бы на это, но дает себя знать семинарское воспитание, а также и то, что по натуре своей он немножко проповедник. Затем дать его роман, но не выдвигать последний на передний план. Он надел рясу, потому что не мог жениться на девушке, которую любил с детских лет, так как болезнь с девятилетнего возраста приковала ее к постели. Он встречался с нею во время каникул, любил ее целомудренной, чистой любовью и, быть может, [75] пошел бы на все, если бы мог жениться на ней. Но можно ли было думать о браке с этим больным, обреченным существом (во всю эту историю замешан врач, как раз тот, который стал верующим в Лурде). Врач был атеистом, а семинарист верующим. Сейчас роли переменились. Прошли годы. Наука оказалась бессильной излечить девушку, и она все больше упований стала возлагать на религию, надеяться на чудо. После смерти отца пришла нужда. Быть может, лучше, чтобы отец был вдовцом, тип фантазера, вечно витает в облаках. Две дочери: одна калека, совершенно нетрудоспособная, очаровательная головка на высохшем теле; другая, старшая, учительница, некрасивая, убивает себя работой, [76] чтобы прокормить отца и сестру. Мать, пожалуй, только помешает мне (впрочем, если мне понадобится, дам и мать). Я хочу, чтобы это были интеллигенты. Это даст мне возможность заняться анализом явлений. Простой ум я оставлю в стороне. Уроженцы Прованса, они живут в одном из парижских предместий или в каком-нибудь пригороде, вроде Клиши или Леваллуа Перре. Здесь же поселился и викарий; сестра-учительница каждый день ездит в Париж на трамвае. Пожалуй, довольно оригинальной покажется эта психологическая драма-неверие в душе священника в чудо. Священник отправляется в Лурд только под влиянием неотступных просьб больной, тщательно взвесив вопрос со всех сторон. В свое время он знавал человека, который был в курсе всех лурдских дел, прекрасно знал, как там все обделывали. [77] Все основывалось на легковерии публики; все делалось с ведома и соизволения императора. Священник чутьем угадывает истинную сущность дела и хочет только убедиться в правильности своих предположений. Затем его потрясает даже самая мысль о том, что есть возможность излечить больную девушку.

Конечно, это болезнь чисто нервная, необходимо лишь сильно воздействовать на ее пол. Последнее как можно более пристойно: я хочу, чтобы все могли читать мою книгу. Он посвятил себя богу, потому что не мог жениться на девушке. Он отдал себя свободно, честно. И если бог здесь сейчас исцелит ее, какая горькая насмешка! Но, по существу, бог здесь не при чем, это вполне естественный исход болезни! В конце концов, ему придется опять-таки пожертвовать всем: ведь она, уверенная в том,

что ее исцелил господът никогда не пойдет за расстригу. Итак, он жертва обстоятельств, он должен еще сильнее укрепиться [78] в своем самоотречении. Психологический вывод должен быть таков: если в легковерии кроется утешение... тут нужно обдумать. Священник — одинокий страдалец, стойко переносящий муки в среде счастливых мистиков. Больная выздоровела-она счастлива, а он терзается. Всеми фибрами души он стремится к истине, к жизненной правде: не яркий ли пример этого налицо? Итак, чудо его не убедило, он еще не верит в окончательное выздоровление. Его беседа со знаменитым врачом, который советует отвезти больную в Лурд. Разговор между двумя мужчинами после осмотра больной: «Г-н аббат, ее нужно свезти в Лурд». Священник даже вздрогнул: «Ужели вы верите в это, доктор?». «У меня были случаи, когда подобные больные там излечивались. Только подготовьте ее-она должна горячо верить!». Тонкий, проницательный взгляд. Священник подготовляет больную и затем, [79] когда она выздоравливает, -- его радость и печаль. Он ничего не говорит, он признает силу легковерия, всю радость этого утешения, чувствуя, в то же время, необходимость чего-то другого. Очень умный, он крайне скромен, не желая использовать в своих интересах религию, в которую больше не верит. Очень усидчивый, он втихомолку много занимается; вообще отличается приветливостью, простотой в обращении, крайне целомудрен, превосходно владеет собой. До известной степени человек рассудка, так как, если сделать его человеком сильных страстей, чувства, то ему пришлось бы бороться с собой, и, быть может, он не в силах был бы противостоять им. Итак, все его переживания исходят скорее от головы. Он полюбил больную за ее обаяние и муки. Я могу вернуться к священнику в дальнейшем и в «Риме» и в «Париже», где он также будет центральным персонажем.

[80] Остается только придумать биографию священника и юной больной. Священник может быть племянником новообращенного врача, который поселился в Лурде. Разумеется, священник, больная и ее отец поедут в вагоне третьего класса, где развернутся главные сцены начала романа. Больная едет от убежища, чтобы ничего не стоить сестре. Священник также поступил в больницу, чтобы сопутствовать ей. Не знаю, использую ли я его, как санитара, или в какой-нибудь иной роли. Обдумать. Не забывать только, что он мне понадобится во всех основных сценах. Присутствие священника на протяжении всей первой части вполне оправдывается всем ходом повествования. Во вторую часть я включу его искусственным приемом: он будет переносить больную, поступит в больницу, будет [81] выполнять всякие работы, но только не свои священнические обязанности. Он никогда не исповедывал и не причащал больную. В третьей части он добивается разрешения для больной провести ночь в передней части грота (после приступа сомнений она боится ночевать в больнице). Он сопровождает ее в больницу и дежурит около нее всю ночь. Священник отправится также в Розэр; таким образом, он даст мне все ночные сцены. Меня сильно затрудняет процессия с факелами: как сделать, чтобы она явилась концовкой главы? И все-таки я не вижу возможности закончить главу процессией. Священник и больная могут лишь встретить ее, когда они идут вечером в грот.

Придумать для концовки что-либо другое. Некоторой помехой для общего хода романа представляется то обстоятельство, что священник сейчас слишком выдвинулся на передний план.

[82] Священник участвует во всех сценах, но лишь в роли безмолвного наблюдателя; другими словами, у него не будет никаких столкновений, никакого нарастания действия, следовательно, и сильного интереса этот тип вызывать не будет. Нужно дать ему более активную роль или же сохранить его в роли пассивного наблюдателя, но тогда постараться извлечь из этого положения возможно большую оригинальность. Он выступает лишь в роли наблюдателя тех или иных событий, не стоит выводить его во всех мелких сценах; пусть он принимает активное участие в действии лишь тогда, когда это естественно вытекает из самого хода повествования. Он не перестает надеяться на то, что и его осенит милость господня. Священник неверующий. Отправляясь в Лурд, он не преследовал специальной цели вновь вернуть себе веру, однако, он надеется на милость всевышнего: годы, проведенные в семинарии, дают себя знать. Я могу даже сделать так, чтобы больная оттолкнула его и как-то раз сказала: «Я молилась за вас»... «За меня!». «Да, я знаю, что вы страдаете, [83] вы нуждаетесь в молитве!». Она единственная, кто разгадал его. Все это чрезвычайно целомудренно, возвышенно. С этого момента в нем оживает надежда, возврат веры кажется возможным, милость господня снова снизойдет на него. Он больше уже не равнодушный свидетель. Однако, Лурд оказывает на него как раз обратное действие. Лурд не излечивает его, подобно тому, как он излечил больную, а, напротив, рождает в нем еще большие сомнения, окончательно убивает в нем веру. Итак, в момент отъезда в Лурд в глубине души его есть стремление убедиться, посмотреть: быть может, и с ним произойдет чудо, невзирая на то состояние недоверчивости, ко-

"ЛУРД" ЭМИЛЯ ЗОЛЯ Рисунок Т. Стейнлена Иллюстрированное приложение к "Gil Blas" от 11 апреля 1894 г.

торое он переживает. Однако, Лурд еще больше отталкивает его от веры. Особенно горько поражают его симония, уродство самого культа, изгнание Бернадетты (к последней он чувствует большую нежность), борьба [84] священника Пейрамаля, два Лурда. Он уезжает еще более неверующим, чем до приезда. Итак, наиболее важной представляется мне характеристика и роль аббата. Он знал больную еще девочкой; когда-то они играли вместе. Затем они были разлучены. Священник сохранил об этой десятилетней девочке (ему было тогда шестнадцать лет) самые восхитительные воспоминания. Их, так сказать, поженили уже с детства, заставляли играть в мужа и жену. В дальнейшем он живет с матерью, вдовой, которая и убеждает его стать священником (причины этого). Да и у него самого есть склонность к духовной карьере. После смерти отца мать воспитывала его в строго религиозном (католическом) духе. Отец был свободомыслящим человеком, хотя бы химиком по профессии, и умер от несчастного случая—взрыва перегонного куба. Мать, потрясенную насильственной смертью мужа, преследует мысль, что он попал в ад; [85] она постоянно замаливает его грехи, заказывает обедни и хочет, чтобы сын сделался священником. Священник, раздираемый этими двумя наследственными началами. Небольшое состояние позволяет ему вести вполне независимую, даже зажиточную жизнь. Быть может, мне даже удобнее будет сделать его состоятельным человеком. Мать священника умрет, но я, пожалуй, хорошо сделаю, если дам ему брата, с которым мать не встречается. Брат гораздо старше священника, ему сорок лет, он мне может пригодиться и в «Риме» и в «Париже». В особенности, этот брат может мне пригодиться в «Париже», если я сделаю его активным анархистом. Я могу столкнуть его со священником, и, таким образом, у меня будет борьба между двумя братьями. Здесь допустимы любые комбинации, особенно, если я этого брата женю или дам ему любовницу: вмешательство женщины в борьбу между двумя братьями. В «Лурде» я лишь упомяну [86] о брате и вернусь к нему в дальнейшем; в «Риме» же, по всей вероятности, использую. Но возвратимся к священнику. Основное-это решить, каким путем в нем происходит упадок веры. Если я сделаю его честным человеком, то он будет верить постольку, поскольку будут исполняться его желания. Однако, эпизод, когда он встречается с больной, показывает всю тщетность обетов. Итак, на момент его охватывает сомнение, он даже хочет бросить семинарию. Это случается как раз в период каникул: он вновь встречается с молоденькой девушкой; ему двадцать четыре года, следовательно, ей восемнадцать; это как раз наиболее острый период ее болезни, она лежит в лубках, осуждена на полную неподвижность; болезнь неизлечима-таков приговор всех [87] врачей. Она уже не женщина, предполагают, что у нее никогда не было регул. Она, так сказать, сброшена со счета человеческого. С грустной улыбкой говорит больная об их прежней любви. Она никогда не будет женщиной, он станет священником — оба они умрут для мира. Тогда священник решается пожертвовать своей жизнью, посвятить себя богу, произнести священные обеты. Разум логический и трезвый молчит в нем, он не задается вопросами, весь поглощенный одним желанием-доставить удовольствие матери. Итак, горе, вызванное крушением всех грез его юности, а также возможность осчастливить мать-вот что, в конечном счете, побудило его надеть рясу. Помимо того, он, как честный, хладнокровный человек, чувствует в себе силу сдержать произносимые им клятвы. Затем мать умирает, и вот он [88] предоставлен самому себе. В семинарии,

следуя совету своих наставников, он всегда подавлял в себе желание заглянуть в корень вещей. Все, чему учили его, вызывало в нем удивление, но он заставлял себя жертвовать разумом, заглушая в себе голос логики, как от него того требовали. Однако, не стало матери-и наступил кризис; мне хотелось бы, впрочем, чтобы этот кризис был вызван каким-нибудь вполне определенным фактом. Кризис приводит к тому, что священник подвергает сомнению абсолютно все догматы. Он окончательно потерял веру и, вместе с тем, носит духовное звание. Мне хотелось бы, чтобы это случилось с ним тотчас же по окончании семинарии, непосредственно после рукоположения в духовный сан. Мать испытала высочайшую радость-присутствовать на первой обедне, которую служил сын. Вскоре она умирает. Действие развертывается в маленьком, принадлежащем священнику домике. После смерти матери он заболевает; [89] слабый и печальный, он медленно поправляется в одиночестве своего жилища. Здесь, в кабинете его отца, заперта вся библиотека покойного. Он открывает шкафы, читает книги. Забытые бумаги. Он производит буквально целое расследование. И тогда в нем заговорил отец. Умерла мать—и в сыне заговорила отцовская кровь. Но ведь он священник. Как ему поступить? Ненарушимость священных обетов. Ему противна мысль о том, чтобы сбросить сутану. Он знает священника, который так поступил, женился, но сейчас чувствует лишь отвращение к браку. Каким путем священник приходит к решению и дальше честно исполнять все обязанности, налагаемые на него его званием. И как только здоровье его несколько поправляется, он снова служит обедни; [90] ни на момент не хочет прерывать исполнение своих священнических обязанностей. Он навеки прикован к религиозной машине и не будет делать попыток освободиться. Мне хочется, чтобы один и тот же доктор лечил и его и больную девушку в Лурде. Больная женщина, которую увозят в Кантерэ, девушка, умирающая в Лурде.

Врач, обращенный в веру, поверивший в чудо ввиду бессилия его науки. Этот врач, друг отца священника, рассказывает последнему о покойном, рисует сыну правдивый образ отца, а не тот, который сложился о нем в воображении матери. С этой минуты врач способствует укреплению сомнений в душе священника. В таком случае, врач-неверующий и [91] убивает веру в священнике; в дальнейшем — обратное явление. Я уже сейчас могу наметить место, где перезнакомились все мои персонажи, где, так сказать, начались все события. Мне хотелось бы взять какоенибудь парижское предместье или деревню в окрестностях. Весьма подходящим местом мне представляется Нейльи. Семья священника занимает здесь маленький собственный домик. Отец, интеллигентный человек, химик по специальности, занимает какой-нибудь официальный пост, быть может, на монетном дворе или где-нибудь в другом месте. Врач, с хорошей клиентурой, переехал в Нейльи из-за слабого здоровья жены, и совершенно случайно как-то раз вечером его позвали к матери священника. В дальнейшем, доктор навсегда поселяется в Нейльи, где он приобрел себе хорошую клиентуру. Наметить все даты таким образом, [92] чтобы одно событие отделялось от другого логически обоснованным промежутком времени. Что же касается семьи больной, то она постепенно падает все ниже и ниже. Сначала семья занимает маленький соседний жилищу священника домик. Палисадники отделялись один от другого лишь живой изгородью, и дети легко перезнакомились. Затем дела отца больной девушки пошатнулись.

Мне хочется сделать его архитектором, которого сильно скомпрометировало несколько неудачных построек (обрушились конструкции). В дело была замешана церковь, священники. Жена его, весьма религиозная женщина, совершенно покорила мать священника. Пока была жива мать больной девушки, чрезвычайно практичная женщина, дела еще как-то шли. Домик продали. Сняли квартиру по соседству. Но вот уже год, как мать умерла, и семья испытывает все более острую нужду. Сестра-учительница кормит отца и сестру. [93] Отец-грубый человек, тип архитекторавыдумщика, он всегда парит в небесах, совершенно не замечая окружающей его нужды. Семья скатывается все ниже и ниже. Учительница кормит всех. Ее я оставляю в тени, только упомяну о ней. Священник продолжает выполнять свои обязанности, причем не как свободное духовное лицо, а как викарий церкви в Нейльи. Он ведет скромную, уединенную жизнь, попрежнему занимает тот же маленький домик. О нем идет слава, как об умном человеке. Архиепископство не раз делало ему всевозможные предложения, всячески желая привлечь его к работе. Но он на все отвечал отказом. Быть может, одно из таких отвергнутых им предложений заставляет его даже пожалеть об упадке в нем веры: ведь будь он верующим, он бы принял предложение и мог бы принести пользу. С этой минуты — его попытки вернуть себе веру в Лурде. Именно потому, [94] что он не верит, он стремится остаться в тени, продолжать жизнь скромного, никому неизвестного священника, остаться честным человеком. Он мечтает о великом милосердии (но это лишь в конце романа «Лурд», вместе с идеей религии человеческого отрицания). «Лурд»—это попытка священника возродить слепую, наивную веру XII века, и священник терпит неудачу. В «Риме» он пытается примирить церковь с современностью (де Вогюэ), и снова его ждет поражение. Наконец, в «Париже» дать социализм, грядущий XX век.

Итак, «Лурд»—это попытка священника вновь возродить абсолютную веру. Но напрасно он горячо молится об этом, вера не возвращается. [95] Последнее как-то оживляет тип священника. Все только отвращает его от веры! Именно Лурд не дает ему вернуться к наивной вере детских лет. Какое действие оказывает на него Лурд. Даже если сделать уступку на слабость и хрупкость человеческого организма, все равно, верить невозможно. В конце нужно, чтобы священник просто верил в религию человеческого страдания. Но какие возражения выдвигает тут его разум? Разве можно во имя веры уничтожить разум? Опасность абсурда: каковы будут грядущие поколения? Долгий опыт уже показал, что представляет собой общество, основанное на милосердии; пора, наконец, обратиться к справедливости (социализм): словом, нужно, чтобы священник был против суеверия, против стремления [96] к сверхъестественному, в котором человечество ищет убежища от жестокой реальности. Именно в этом должна состоять роль священника. И если он больше не верит, то это есть следствие возмущения его разума. Он обожествляет разум. Позже, в «Риме», как раз во имя разума он попытается путем компромисса примирить церковь с современным веком, и еще позже, в «Париже», --конечное торжество разума. Я уже сказал, что именно священник убеждает отца больной отвезти ее в «Лурд». Известный врач (Шарко в) настаивает на том, чтобы священник уговорил больную, чрезвычайно набожную, отправиться в Лурд. Таким образом, чудо предусмотрено, врач, так сказать, предупредил о нем. Нужно, чтобы и сам священник был в курсе всех лурдских дел. В силу некоторых обстоятельств, у него в руках оказались

документы, [97] касающиеся Лурда. Он был знаком также с одним из видных тамошних деятелей, сыгравших большую роль во всех лурдских делах, и знает, что его там встретит. В течение какого-то времени священник даже с увлечением изучает документы, касающиеся Лурда; и в ослаблении его веры это исследование сыграло известную роль. В таком случае, лучше всего, чтобы священник нашел папку с документами в кабинете отца, который был приятелем вышеупомянутого крупного должностного лица. Дубликаты протоколов администрации, полицейские рапорты, опрос Бернадетты, определение врача, всевозможные дознания.

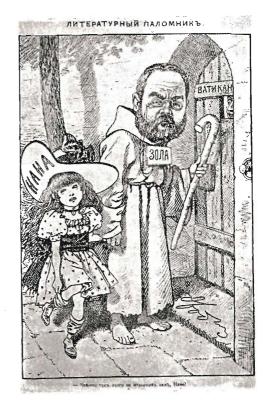
Священник разыскал все, что было в свое время написано по поводу Лурда: газеты, журналы и т. д. Одним словом, все материалы. И у него сложилось определенное мнение. Поэтому, на первое предложение врача он ответил резким отказом. Любопытная получается сцена! Неверующий священник из уважения к сутане отказывается принимать участие в этой истории, где, по существу, дело идет лишь о внушении. Почему же, в конце концов, священник соглашается? [98] Здесь, во-первых, играет роль его привязанность к девушке, а также, до известной степени, желание продолжить изучение Лурда на месте. Кроме того, в глубине души он лелеет желание еще раз попытаться вернуть себе веру, раствориться, умалиться перед творцом, если вера к нему возвратится. И вот последний опыт. Он чувствует большую нежность к Бернадетте; это чувство еще усиливается в Лурде. Жертва, высший предел самоотречения. Священник подозревает, что аббат Адер, быть может, сам того и не сознавая, пустил в ход все средства. Дать священнику все мои переживания и закончить, - я повторяю, — тем, что возвращение веры немыслимо, а также стремлением к религии человеческого страдания, с оговоркой о той опасности, которую представляет расплата за легковерие. Это может служить лишь утешением для немногих. С точки зрения социальной опыт уже проделан, и человечество [99] гибнет. Не забывать о том, что больная разгадала внутреннюю драму священника и молится за него. Никогда она не будет его женой, никогда не выйдет за священника, отступившего от своих клятв; однако, она стала женщиной, может выйти замуж. Обдумать; быть может, она дает ему клятву остаться навсегда девственницей, сделаться монахиней, как Бернадетта. В поезде, увозящем их в Париж, она шепчет священнику на ухо свою клятву-пожалуй, в этой сцене будет много возвышенного. Они целуются. Так как мой священник представляет собой довольно своеобразный тип, мне нужен еще один священник, вполне заурядный, верующий человек, при этом весьма целомудренный и очень добрый. Мне хотелось бы также дать тип салонного аббата, слегка скептика, но подчиняющегося всем законам религии; потребуется также отец из общины успения, вроде того, который в свое время показывал мне все достопримечательности Лурда. Должен быть также святой отец [100] и при гроте, хотя бы отец Ног, директор «Ежегодника», или сам отец Бордедеба.

Мне нужно было бы придумать несколько параллельных интриг, чтобы заполнить некоторые сравнительно пустые части. В этом смысле мне помогут санитары и больные. Я уже говорил, что у меня будет брак между сестрой милосердия и санитаром. Мать этой девушки может быть заведующей приемным покоем; это женщина, достойная всякого уважения, всецело преданная делу милосердия, что, впрочем, не мешает ей иметь дочь и стремиться выдать ее замуж. Итак, она вдова из очень хорошей семьи, у нее дочь, не слишком красивая, но очень приятная. Весьма ограничен-

ные средства. Девушке уже двадцать три года, и ее немного беспокоит вопрос о замужестве. Брак удается, главным образом, стараниями дочки, но и мать, ни на минуту не переставая заботиться о своих больных, до известной степени помогает ей. Матери [101] пятьдесят лет, дочке двадцать три года; когда последняя сообщает ей о предстоящей свадьбе, мать говорит: «Я вымолила успешное окончание дела у святой девы». Большая самоотверженность, золотое сердце. Дочка несколько похожа на мать, но в ней больше предприимчивости. Юноша, за которого она выходит замуж, -- поместный дворянчик, провинциал, одного возраста с нею; онсирота, обладает приличным состоянием и довольно большим честолюбием. Мать сохранила связи с несколькими влиятельными лицами и без труда может сделать зятя дипломатом. Итак, она вдова человека, сделавшего в свое время карьеру. Я введу еще одного санитара, судейского, отставленного от дел после издания новых законов; в Лурде он занимает должность директора при службе источников; он двоюродный брат молоденького санитара, который занят на перевозке больных с вокзала в больницу и из больницы в грот, а также [102] обслуживает самый грот. Именно бывший судейский советует санитару жениться на девушке. Сам он большой реакционер, политик, выступает в Лурде против республики. Впрочем. веселого нрава, всецело преданный своему делу, не из тех, ктолишь бы сделать и с плеч долой. Молоденький санитар любит порисоваться... и т. д. Вот уже три года, как он живет в Лурде с одной лишь мыслью найти себе там жену. В провинции, хотя бы в Тарбе, он не мог найти то, что ему нужно; он хочет парижанку, которая помогла бы ему сделать карьеру, и он женится на названной девушке лишь после очень долгих размышлений, выбрав ее из трех представившихся ему невест. Двух других я лишь назову, чтобы не слишком загромождать книгу. Не знаю, стоит ли мне включать в число персонажей еще других санитаров; впрочем, я могу показать их за работой. Пожалуй, стоило бы дать тип знатного дворянина, большого барина, [103] всецело посвятившего себя делу милосердия; во всяком случае, оставить его на заднем плане. Это было бы неплохо. Мне хотелось бы, чтобы среди дам-сестер милосердия, обслуживающих больных, была одна помощница. Ей тридцать пять лет, и ее пожирает страсть. Всецело под властью мужа, который лишает ее всего, и свекрови, которая держит ее взаперти, она уступает любовнику; его я лишь назову. Это чрезвычайно корректный, серьезный человек; я покажу его один раз в гостинице, а также молящимся в гроте. В течение целого года дама пользуется лишь тремя днями полной свободы, когда приезжает в Лурд. Свекровь, деспотичная, требовательная женщина, никуда ее не пускает. Краткие мгновения восторга, которые она проводит с любовником. Номер в гостинице, так как ее любовнику не удалось найти ничего иного. Приключение. Хотелось бы, чтобы священник был знаком с ней или был замешан в ее историю, он дает ей отпущение грехов. Являясь ее духовником, [104] он знает всю ее историю из исповедей. Наконец, мне хотелось бы иметь сестру милосердия во всем блеске молодости и красоты. Вот уже третий раз, как она приезжает в Лурд; она преисполнена горячим чувством жалости и сострадания, все свое время отдает больным, примерная сестра милосердия. Детей еще нет. «Вот мое призвание-ухаживать за больными». «Но почему бы вам не сделаться сестрой милосердия?». «Я не могу, я замужем. Муж очень любит меня, да и я его не меньше». Муж с друзьями ждет ее в Котерэ. Ее самое большое удовольствие-три дня в году проводить в Лурде, ухаживать за больными. У нее нет детей, и она молит святую деву ниспослать ей благословение. На этот раз в ней зародилась надежда, она что-то почувствовала. Своей жизнерадостностью, веселостью, звонким смехом она словно освещает весь приемный покой. Немножко взбалмошная, вечно громко болтает, звонко хохочет. Тип сам по себе хорош, но он как-то выпадает из общего тона повествования; придется [105] или сделать ее второстепенным персонажем, отодвинуть на задний план, или найти возможность использовать гораздо шире. В качестве больных, не считая главной героини, у меня есть еще маленькая девочка, которая приехала с матерью. Они очень бедны, но им удалось скопить денег на путешествие. Мать, работница одного из окраинных кварталов Парижа, потеряла мужа-его убил труд. Осталась с дочкой, болезненным ребенком, к которой она страстно привязана. Она работала (портниха) непокладая рук, чтобы хорошо воспитать ее. Бессилие медицины. Она неверующая, не исполняет никаких обрядов, и только раз, совершенно случайно зайдя в церковь, чтобы помолиться о здоровье дочери, она, как ей показалось, услышала какой-то голос. Тут она сделала все возможное, чтобы попасть в Лурд. Не имея протекции, она не смогла устроить дочь в больницу, не смогла достать ей проездной билет со скидкой и теперь не знает, [106] на что ей дальше жить в Лурде. Ребенок еще мог ходить, но утомление от путешествия. Ребенку пять лет. Его можно легко носить на руках, ведь он такой слабенький, такой легкий. Смерть девочки. Это персонаж, который стоит совершенно в стороне, он даст мне описание убежища, смерть.

Будет у меня также экстраординарный профессор университета или что-либо в этом роде, который даст мне тип интеллигента. Вот уж семь лет подряд он ежегодно приезжает в Лурд после того, как советовался со всеми врачами и побывал на всех водах. Вера в этом мозгу интеллигента. Кратенько рассказать его историю. Когда-то он был атеистом, страдание привело его к вере, и он прекрасно отдает себе в этом отчет. Его жена, молчаливая и нежная, ходит за ним, как нянька. На этот раз он зачисляется в общину, ему захотелось приехать в Лурд, как бедняку. Эпизодический персонаж. Приезжая, он говорит: «На этот раз я излечусь». А возвращаясь, сначала [107] он обескуражен, а потом в нем вновь зарождается надежда: «Ну, это случится в будущем году». Чахоточная нянька, ничего не ест, едва волочит ноги, кашляет. В гроте на нее вдруг словно снисходит благодать: она ест, бегает, участвует в процессии с факелами, умирает в поезде на обратном пути. Клементина-найденыш; ребенка, который излечился два года назад, ежегодно привозят в Лурд, как пример и рекламу. Беспрерывное снование взад и вперед в больничной палате. Дамская община. В гроте то же самое. К второстепенным персонажам я прибавлю красотку, страдающую водянкой головы, женщину с раком желудка, которая умирает ночью в больнице, и другую, с лицом, изъеденным волчанкой; последней кажется, что она поправляется (заметные раны). Наконец, мне хотелось бы иметь еще одну больную — у нее поражены туберкулезом все внутренние органы. [108] Ей шестнадцать лет. Парижанка, работница, очень красивая, нежная, огромные глаза, расплачивается за тяжкое наследие сифилиса и алкоголизма. Ей гораздо лучше, и ее еще раз привозят к гроту, где она и умирает, вперив широко открытые глаза в святую деву. Пожалуй, лучше, чтобы это была не женщина, а юноша двадцати пяти лет, воспитанник школы для бедных, который приехал

с сестрой. Их поместили в помещении для семейных или в больнице. Пожалуй, лучше, чтобы он приехал один. Скверная наследственность; обдумать. Он умирает, как я уже сказал выше. Наконец, у меня остается лишь маленький золотушный, приехавший со всей семьей. Тут я разверну целую драму, которая займет как раз две недостающие мне главы. Семья (буржуазная) остановится в гостинице. Отец, [109] мать, тетка и маленький больной. Драму, построенную на корыстных целях, дать очень легко; ребенок должен был получить наследство, которое в случае его смерти родители потеряют. Бездетная, очень богатая тетка привозит всю семью в Лурд. Она обожает ребенка, который похож на нее. Все дело в том, чтобы она умерла раньше ребенка. Итак, она тоже больна, у нее болезнь сердца; она приехала, чтобы вымолить себе исцеление. Она составила завещание в пользу ребенка. Достаточно, таким образом, сердечного припадка ночью, чтобы она отправилась на тот свет и оставила свое состояние маленькому племяннику. Вся эта скрытая и, вместе с тем, страшная семейная драма; маленькому больному, которого недуг сделал чрезвычайно чутким, все понятно. Его глубокая грусть, страшная улыбка. Как он реагирует на радость своих родителей, которой они не в состоянии скрыть. Ведь наследство достанется им. [110] Мой священник примет участие во всей этой истории, так как его призовут для последней исповеди и отпущения грехов умирающей. Он случайно услышал разговор между отцом и матерью. Ему понятно состояние и грусть ребенка, которого родители заставляют определенным образом вести себя по отношению к тетке, чтобы умилостивить ее и получить наследство. Отец и мать—добропорядочные буржуа, ими руководит исключительно практичность, они вовсе не преследуют каких-либо злостных целей. Они или должны выполнить взятые на себя обязательства или попросту хотят поправить дела, которые в последнее время идут неважно. Ни в коем случае не делать так, чтобы они запутались в долгах и хотели бы наследством спасти свои дела. Итак, в гостинице происходят две сцены. [111] Наконец, у меня есть женщина, которая приехала испросить милости нравственного порядка; остановилась она у монахинь общины святого духа. Мне хотелось бы, чтобы это была молодая, но уже увядшая женщина; она приехала, чтобы вымолить у святой девы возвращения на путь истинный своего мужа, которого она очень любит; но он всячески отравляет ей жизнь; увядшая раньше времени, не способна бороться. Очень грустная, молчаливая, покорная. Она ищет утешения в религии. Муж, коммивояжер, почти всегда в отсутствии, она живет совершенно одиноко в Париже или в Анжере, где останавливаются по дороге в Лурд. Ей известно, что муж бегает за каждой юбкой и тратит на женщин все зарабатываемые им деньги, и немало денег. Итак, она молит святую деву вернуть ей мужа и обещает, в свою очередь, обратить его на путь божий. Эта женщина останавливается у монахинь [112] общины святого духа, и я хочу, чтобы ее муж, который как раз объезжает юг Франции, покинутый в По любовницей, неожиданно приехал за женой в Лурд и, по странной прихоти, увез ее на две недели в Люшон. Она на платформе как раз в момент отхода голубого поезда. «Вы уезжаете?». «О нет, муж увозит меня в Люшон», и лицо ее сияет. Так получится очень удачно. Что касается эпизодов второстепенных, дать один, не больше. Я думаю о том, что мои буржуа, родители золотушного мальчика, приехали в Лурд также для отца: испросить для него места начальника в управлении, где он занимает должность заместителя. Особенно рьяно выма"ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАЛОМНИК" Карикатура на Золя в связи с его поездкой в Рим Рисунок А. А. Лабудзь. "Стрекоза" 1894 г., № 47

ливает эту милость отец. [113] И вот из письма своего приятеля он вдруг узнает, что начальника хватил апоплексический удар, после которого тот окончательно впал в детство, и что, по всей вероятности, место начальника достанется ему. В этой семье каждый вымаливает себе какую-нибудь милость. Итак, масса просьб. Затем есть у меня две сестры из общины успения богородицы, одна постарше, которая заведует питанием больных в поезде, и другая молоденькая, приятная, даже красивая: ей двадцать пять лет, блондинка, прекрасные голубые глаза, молочная белизна кожи; бодрая, приветливая, веселая. Ничего специфически женского, [114] за исключением мягкости, доброты, лучезарной приветливости. Чтобы особенно подчеркнуть этот момент, мне хотелось бы, чтобы эта сестра еще в Париже ухаживала за умирающим бедным юношей у него на дому: между ними ничего не было, исключительно братские отношения. Но каким образом рассказать эту историю? Как ее кончить? Мне кажется, что юноша может быть медиком, практикантом в больнице; он одного возраста с девушкой. В Париже, не имея ни гроша денег, он тяжело заболевает и лежит один, без всякого ухода, в своей мансарде. Девушка переезжает к нему, ухаживает за ним, спасает ему жизнь. Они встречаются в поезде. [115] Он неверующий и решился поехать в Лурд отчасти из любопытства, отчасти потому, что ему пришлось заменить приятеля. Его радость при встрече с сестрой. Их прошлая история. Затем они встречаются в больнице, где он заведует аптекой. Оба присутствуют при агонии женщины, страдающей раком желудка (той известна их история). Наконец, они вместе возвращаются в Париж. Все это, чтобы показать мужество молоденькой сестры; я в двух или трех случаях показываю ее всегда мужественную, всегда в первых рядах. В ее раз-

говорах с юношей «чудо», как таковое, никакого места не занимает, речь идет только о милосердии. Вторая сестра, тоже хорошая, мужественная женщина, но о ней я упомяну лишь мимоходом. Она, так сказать, второстепенный персонаж, один из тех, которые дают мне фон общего полотна. Заведующий подаяниями приемного покоя, хороший священник, чудесно исцелившийся от болезни глаз, святая дуща; крайне набожный, твердо верит [116] в чудо. Вера в нем крепка, ее не в силах смутить никакие испытания, в нем нет места борьбе и сомнениям. Он мне нужен для противопоставления моему священнику, который переживает внутреннюю борьбу. Он неглупый человек, но целиком посвятил себя религии. Это средний тип тамошних священников. Впрочем, мой священник сумеет на протяжении одной странички охарактеризовать все типы служителей бога, которые встречаются в Лурде. Заведующего подаяниями я могу также показать в поезде, он сопровождает больную, страдающую водянкой головы. Ему во что бы то ни стало хочется, чтобы она выздоровела, но все его старания тщетны. Я еще поразмыслю над ее болезнью, может быть лучше сделать ее дурочкой, с разбитыми параличом ногами. Я покажу ее в поезде, в больнице, в гроте, в процессии и, наконец, на обратном пути в Париж. Больная весьма опечалена тем, что ей не удалось излечиться, но не теряет надежды. [117] Что касается отцов из общины успения, я возьму отца Пикара, причем изменю лишь его имя, а тип оставлю тот же. Это-властный человек, генерал, энергично, со страстью отдающийся своему делу. Мне хотелось бы дать еще одного отца из общины успения; этот последний носит духовный сан по призванию, учился в семинарии вместе с моим священником (его противоположность). Горячая вера; фанатически верит в чудеса. Он проповедует, выкрикивает литании. Среди капуцинов и других священников он единственный, кто слепо верит в чудо. Участвует в четырехчасовой процессии. Он всегда вместе с отцом Пикаром, который его очень любит. Что касается святых отцов в гроте, я отведу им самую скромную роль. Они совершенно стираются перед отцами из общины успения. [118] Я их представлю, как внутреннюю силу, на заднем плане. Они вершат всеми делами, стараясь извлечь наибольшую выгоду. Я их, подобно силуэтам, только очерчу. Их борьба с городом; коммерческие дела; монахиня из общины святого духа. Найти место, чтобы дать необходимые высказывания. Профили; отец-настоятель, отец Ног. Алчные крестьяне. Тип врача-диагноста мне может дать хотя бы Буассари. Он будет играть роль только в зале освидетельствований. Мой врач, обращенный в веру, даже до известной степени уважает его. Известный врач, вернувшийся в лоно церкви. Тут нужно дать крупную, большую фигуру. Каким образом человек высокоразвитого ума, светлого ума, вскормленный на точном анализе всех явлений, мог притти к тому, чтобы под влиянием большого горя уверовать в чудо. [119] Показать это в разговорах со священником. Мальчик из палаты доктора Буассари, который постоянно ворчит во время споров и которого вечно просят замолчать. Он один прав. Нужно или покориться или уйти.

Хозяин гостиницы, в которой развертывается часть эпизодов. Это человек, делающий вид, что верит, но внутренне он против грота, так как содержит лавку святых реликвий в соседнем доме. Он обвиняет святых отцов в том, что они захватили в свои руки всю торговлю, и, быть может, передает некоторые их тайны. Как хозяин гостиницы, он настроен против сестер общины святого духа, а как торговец святыми реликвиями — про-

тив лурдского духовенства. Магазин ведет его племянница, [120] красивая девушка; нужно, чтобы и она была замешана в какую-нибудь интригу. Сообщения насчет святых отцов могут быть сделаны отцу моей больной и какому-нибудь священнику (после того, как трактирщик удостоверится в том, что последний также настроен против святых отцов из грота). Обдумать интрижку между племянницей трактирщика и одним из святых отцов (салонный аббат). Наконец, против гостиницы расположился парикмахер, который пускает жильцов и дает им пансион. Мне хотелось бы, чтобы парикмахер был из верхнего города. Он республиканец, яростно выступает против грота, но, вместе с тем, тревожится, когда слышит разговоры о том, будто бы грот собираются прикрыть, так как он его кормит. Итак, старается выжать все, что можно, из паломников. Парикмахер может быть членом муниципального совета, или же туда входит его дядя (пожалуй, я предпочел бы последнее). Одним словом, парикмахер-представитель верхнего города, прогресса, свободной мысли, скорей [120-бис] — свободной конкуренции. Ведь носителем истинной свободной мысли является мой священник. Как-то раз отец больной в сопровождении священника отправился побриться и вызвал парикмахера на откровенность. Сначала тот рьяно выступал против грота, но стоило только коснуться его интересов, как он тотчас же забил отбой. Парикмахер может также сопровождать священника (когда этого требуют его интересы) в комнату Бернадетты или в церковь, где служит священник Пейрамаль. Хотя, пожалуй, лучше, чтобы это сделал обращенный в веру врач.

III. «НАБРОСОК» К «РИМУ»

Начальную часть «наброска» к «Риму» занимают мысли о христианстве в историческом его развитии. Почти дословно, лишь с добавлениями, мысли эти высказывает в романе Пьер; они составляют содержание его книги «Новый Рим». Основные идеи этой части «наброска» являются своего рода тезисами ко всему роману «Рим»; они очень характерны для писателя-социолога Золя и, вместе с тем, могут свидетельствовать о резкой эволюции образа Пьера Фромана, героя «Лурда».

Прежде всего, Золя устанавливает, что «в развитии человечества за вопросами религии всегда скрывались вопросы экономические». Этот вывод, естественно, приводит к пониманию религиозных движений, как одной из форм классовой борьбы. Первоначальное христианство представляется Золя выражением социальных чаяний обездоленной массы. «Христианство было религией бедняков», —пишет Золя, —и направлено против римского общества, но эволюция христианства, его огосударствление привело католицизм к «защите богачей и собственности». Констатируя, что первая буржуазная французская революция не удовлетворила чаяний масс («четвертое сословие, трудящиеся страдают попрежнему и мечтают о своем 89-м годе»), Золя сознает, что «проблема социализма... встала между миром капитала и миром труда». И он предлагает «заменить наемный труд чем-то иным, участием рабочего в прибылях капиталиста». Эти мысли Золя лягут в основу его фурьеристской утопии «Труд», написанной позднее.

Однако, когда Золя касается «католического социализма», выступившего на арену в последние десятилетия XIX в., особенно в девяностые годы, он излагает мысли лишь своего героя Пьера Фромана, который от восприятия физических страданий в «Лурде» переходит к оценке социальных страданий бедноты в рабочих кварталах Парижа. Перед угрозой резкого социального кризиса, как результата классовой борьбы труда и капитала, Фроман ищет исхода в новых формах религиозного движения. Рисуя историю священника Пьера Фромана, Золя синтезировал данные о «социальном католи-

цизме» в ряде стран, о чем он упоминает в «наброске». Это-пропаганда епископов Кеттелера, Маннинга, Гиббона, Иреланда и светских лиц-де Мена, де Курциуса и других. Нужно иметь в виду, что в 90-х годах вышел целый ряд книг, посвященных «социальному католицизму», или «католическому социализму»: Л. Грегуар, «Папа. Католики и социальный вопрос», 1898; Нитти, «Католический социализм», 1894; М. де Жирар, «Кеттелер и рабочий вопрос», 1896, и др. Во время работы над романом Золя пользовался перечисленными трудами, особенно Нитти. Так что «Рим», в котором одним из действующих лиц является папа Лев XIII, автор энциклики «De rerum novarum» (1891), основан на исторических фактах. В этой энциклике, посвященной «положению рабочих», констатированы могущество и изобилие некоторых социальных групп, с одной стороны, и слабость бедноты, уязвленной и «всегда готовой к беспорядку» с другой. Положение это приписывается исчезновению религиозного духа из общественных установлений. Косвенно говоря о капитализме и не отрицая прав частной собственности, энциклика хотя и ставит вопрос о справедливости и правах трудящихся, но резко возражает против «материалистической теории политической экономии» и устанавливает уровень заработной платы рабочих с точки зрения неопределенного моральнорелигиозного принципа, в соответствии с потребностями «трезвого и честного рабочего».

Еще в 1878 г. тот же Лев XIII опубликовал энциклику против социализма, объединяя «социалистов, коммунистов или анархистов», которых он осуждал, как «смертоносную чуму». И если Пьер Фроман, автор книги «Новый Рим»,—сторонник «католического социализма», то, в конечном счете, через посредство самого же Пьера Фромана вскрывается обман католической церкви, мнимый демократизм которой сводится к стремлению захватить власть над массами в целях закрепления светской власти папы. Отсюда вывод: «В руках церкви, даже одемокраченной, вера является орудием угнетения», как сказано в «наброске» Золя. Слова эти подчеркивают антирелигиозный характер романа. Они ценны для нас потому, что «все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда, как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплоатации и одурманению рабочего класса» (В. И. Ленин, Сочинения, т. XIV, 1929, стр. 68).

Однако Золя просветительной роли науки придает большее значение, чем организованной борьбе масс против господства капитала, который является источником всякой религии; он верит, что «наука неизбежно должна привести к атеистической демократии».

В дальнейшем, Золя стремится в «наброске» сочетать высказанные мысли с конкретной фабулой романа. Отсюда—история Пьера, его поездка в Рим, стремление оправдаться перед конгрегацией Индекса, запретившей его труд, свидание с папой, интриги ватиканских деятелей, отказ Пьера от своей книги «Новый Рим» и т. п. Все это нашло отражение в романе.

Интересно в «наброске» стремление писателя найти для романа любовную драму, сделать фабулу живой, действенной. Так возникла любовь Бенедетты и Дарио. Однако, связать эту интригу с основным идейным замыслом романа и драмой Пьера Фромана было очень трудно. Вот почему, легко справившись с чисто фабульной, внешней связью Фромана с Бенедеттой, Дарио, Прада и другими, Золя должен был придать любви Бенедетты какой-то символический характер. Бенедетта становится воплощением старой Италии, представительницей целостной, но мертвой религии, и она гибнет. Это дитя, «выпестованное чернорясниками». А Прада—«сын завоевателей»—становится у Золя, в конечном счете, представителем новой, светской и промышленной Италии, хотя и грюндерской, но связанной с благородными предками: ведь отец Прада—реслубликанец, гарибальдиец.

Таким путем Золя вводит в фабулу романа два мира: Рим Ватикана и Квиринала, с одной стороны; в меньшей мере Рим богачей и бедноты Трастевера—с другой. Проти-

вопоставлению старого и нового Рима должны были способствовать бесчисленные описания города Рима и всего богатого разнообразия его памятников. То, что в «наброске» слишком много внимания уделено писателем некоторым деталям фабулы (вопрос о разводе Бенедетты или отравление при помощи фиг), лишь свидетельствует, в какой мере Золя было трудно связать свои тезисы о «католическом социализме» и драме Пьера Фромана, главным образом его занимавшие, со всей канвой художественного произведения.

Текст «наброска» к «Риму»:

[1—20] В развитии человечества за вопросами религии всегда скрывались вопросы экономические. Вопрос хлеба насущного, вопрос счастья.

Стоило только евреям перейти к оседлой жизни, покорить земли Ханаанские, стоило только возникнуть собственности, как разгорелась классовая борьба, появились богачи и бедняки, и, тем самым, было положено начало социальному вопросу. Переход был столь резким, новый порядок вещей установился столь быстро, что бедняки, в которых живы были еще воспоминания о золотых временах кочевой жизни, тем острее почувствовали свои бедствия, и тем большими стали их требования. Все пророки, вплоть до Христа, были, по существу, лишь восставшими представителями народа; они рассказывали об его бедствиях и обрушивались на богачей, призывая на их головы всевозможные беды в наказание за жестокость и несправедливость. Сам Христос был лишь последним представителем этого рода людей; он являл собой как бы живое воплощение требования прав для бедняков. Ненависть к богачам, царство небесное вот что Христос принес обездоленным и нищим. Если под этим «царством небесным» Христос подразумевал мир и братство народов на нашей планете, то он являлся подлинным социалистом, как это говорили в 48-м году. Секта эбионитов⁶ очень во многом сходна с первой христианской общиной. Затем христианская коммуна для малых сих, для бедняков; попытка создать коммунистическое общество (все общее, за исключением женщин), против богачей и могущественных представителей римского общества. Безусловно, в течение первых веков после его возникновения-и это доказывают апологеты и первые патриархи церкви-христианство было религией бедняков, меньшого люда; это была демократия, социализм, направленные против римского общества. И если римское общество распалось, то не знаю, что в этом сыграло большую роль: нашествие варваров и христиан или финансовые катастрофы-постоянные панамы; империя рушилась под бременем банковских афер, ажиотажа, расточения богатств. Однако, христианство восторжествовало и вскоре было вынуждено, чтобы добиться окончательной победы, согласиться на введение частной собственности. Все те ухищрения, все те софизмы, к которым прибегали отцы церкви, чтобы доказать, что христово евангелие защищает богачей и собственность. Христианство превращается в католицизм (всемирная религия) и нуждается в сильных мира сего. С этого момента католическое общество вырастает во всесильный аппарат власти, каким является католицизм. Сверху сильные мира сего, богачи, чей долг делиться с бедняками, увы, слишком часто они ничего для них не делают, - внизу бедняки, трудящиеся, —им внушают терпение и покорность, обещая царство небесное. Все зиждется на этом обещании потустороннего, на спекуляции заложенным в человеке стремлении к сверхестественному. Следовательно, папатакой же полновластный владыка, как и любой монарх. Императоры и короли царствуют в силу права, дарованного им свыше. Частенько они вступают с папой в борьбу: общество средневековья. Земля и власть даются немногим, ценой определенных обязательств. Увы, слишком часто об этих обязательствах забывают! Например, по уставу, монастыри должны делить свое имущество на три части: треть—бедным, другая—на потребности культа, остальное—монастырю. В этом кроется тайная мечта церкви: весь мир превращен в одну общину, причем церковь контролирует все богатства, треть отдает беднякам, а остальное берет себе. Сущность в том, чтобы восстановить все это прошлое церкви в соответствии с данным моментом, изменив лишь названия.

Но вот мы приходим к Французской революции, к той громадной надежде, которую дала миру идея свободы. Третье сословие, буржуазия, приходит к власти, возникает большая либеральная партия. В этом весь наш век. Одно лишь несомненно-идея свободы переживает сейчас упадок. Ведь, по существу, больше счастья она миру не дала. Во всяком случае, четвертое сословие, трудящиеся страдают попрежнему и мечтают о своем 89-м годе. С этого момента возникают все требования социализма. Между миром капитала и миром труда возникает проблема социализма. Переход от рабского труда античного мира к труду наемному произвел колоссальную революцию; без сомнения, идея христианства была одним из ее факторов. В настоящее время нужно заменить наемный труд чем-то иным, участием рабочего в прибылях капиталиста. Борьба между трудом и капиталом. Нужно создать новое общество, к власти идет демократия, начинается новая эра в истории человечества. Именно в этот момент на сцену выступает католический социализм. Вне всякого сомнения, принципы католической церкви нисколько не противоречат принципам демократии; ей нужно лишь вернуться к евангельским традициям, снова сделаться церковью бедняков и малых сих, снова возродить христианскую общину. Ведь, по существу своему, церковь демократична, и возврат к евангельским традициям лишь очистит, облагородит, возвеличит ее. Если в момент превращения христианства в католицизм церковь перешла на сторону сильных мира сего и богачей, то лишь для того, чтобы укрепить свое господство, превратиться в государственную религию; именно тогда церковь поступилась своей первоначальной чистотой. Сейчас, отвергнув сильных мира сего и богачей и встав на сторону народа, церковь, - я повторяю, лишь приблизится к Христу и очистится от всей той грязи, которая прилипла к ней в борьбе за свое право на жизнь. Отсюда становится понятным все современное движение. У католиков при виде того, что народ восстает против правящих классов и имеет шансы на победу, зарождается желание снова завоевать его. Бедствия народа, все несправедливости, которые он терпит. Я представляю себе народ, как великого немого; в роли жалобщика выступает все человечество, право на него оспаривают друг у друга сильные мира сего. С одной стороны, это правящая буржуазия, одержавшая победу в 89-м году, которая стремится во что бы то ни стало удержать власть; с другой—например, германский император: путем социализма он хочет сохранить трон; наконец, это эволюция, которую претерпевает католицизм в Риме, причем цель его-вновь завоевать народы. С того момента, как свобода сделала народ силой, все хотят заполучить его, удержать, господствовать через него и даже, если это нужно, вместе с ним. Социализм-вот будущее!--и все занимаются социализмом: государственный социализм, католический социализм и т. д. Особенно сильна борьба католиков за народ в тех странах, где католическая церковь борется против протестантизма. Католическим священникам волей-неволей приходится с бою добывать души, поскольку у них тут есть конкуренты—пасторыпротестанты. Вот почему социалистическое движение особенно бурно развернулось в Германии, в Англии, в Америке: Кеттелеры⁷, Маннинги⁸, Гиббоны⁹ и Иреланды¹⁰. Если сначала считали, что только церковь должна возглавлять социалистическое движение, то в дальнейшем наиболее ярые последователи его соглашаются уже на государственный социализм. В латинских странах католический социализм развивается гораздо медленнее. Следует отметить тут следующее любопытное обстоятельство: равнодушное отношение к религии особенно сильно в Италии; здесь status quo, смерть от собственного бессилия, никакой инициативы; таким образом, выходит, что чем дальше от Рима, тем интенсивнее ведется борьба за будущий католицизм. В Риме — развалины, которые вот-вот окончательно обрушатся и погребут под своим прахом все прошлое. Тем не менее, с тех пор, как папа перестал быть каким-то маленьким итальянским царьком, духовное влияние его, безусловно, возросло. Он стал воплощением власти духовной и командует всем миром. Благодаря парламентам и всеобщему голосованию, его представители имеются во всех странах мира, он завоевал авторитет и могущество. Папа интернационализировался—из римского прелата он вырос во всемирного владыку. Отсюда его притязания на всемирную власть, -- вот мечта, веками лелеемая всеми папами. С другой стороны, кажется, что и обстановка для осуществления этой мечты благоприятна.

Упадок идеи свободы. По существу, 89-й год никому не принес счастья, а особенно народу. Либеральная партия с каждым днем все больше

"ЧЕЛОВЕК, НЕ ПРИНЯТЫЙ ПАПОЮ" Карикатура на Золя, появизшаяся незадолго до выхода в свет романа "Рим"

Иллюстрированное приложение к "Новому Времени" от 24 февраля 1896 г.

и больше теряет почву под ногами. Со всех концов только и слышишь одни жалобы. В области экономической либеральная партия уже потерпела поражение. Свободную конкуренцию клянут всячески. Все социалистическое движение зиждется на контроле, плане: с одной стороны, коммунизм, с другой стороны - коллективистическое государство. В народе растет недовольство, усиливается брожение, он стремится к перестройке всего общества. И вот церковь хочет воспользоваться обстоятельствами и вновь заполучить народ. Она склоняется к тому, чтобы отвергнуть правящие классы, на которые опиралась до сих пор, поскольку их, все равно, рано или поздно сметет этот поток недовольства. Она уходит от монархов и богачей. Маннинг, Иреланд хотят служить только беднякам. Возврат к евангельской традиции. С этого момента на сцену выходят социалисты-католики: поскольку зло найдено, нужны лекарства. И вот появляются книги по этому вопросу, организуются ассоциации. Почти все социалисты-католики стремятся возродить прежние корпорации корпорации замкнутые, корпорации свободные. Одни стоят за то, чтобы движение ограничилось лишь церковью, другие выступают за более или менее ярко выраженный государственный социализм. Папа смотрит на это движение сквозь пальцы и даже, пожалуй, пассивно приветствует его. В силу догмы о своей непогрешимости, он не может решительно высказаться за или против. Известно, что папа за корпорации, но не знают-замкнутые или свободные. С другой стороны, папа глубоко неправ, упорствуя в своем требовании светской власти для церкви: роль пастыря душ, которая осталась на его долю, значительно возвеличила его. Почему он так цепляется за светскую власть церкви-корень всех бед и ошибок. Италия гибнет при этой власти. И мечта о папе, который покинул бы Рим и ушел куда-нибудь в иное место, чтобы править всем католическим миром. Соединенные штаты, границ не существует, нет родины-только община во главе с духовным вождем, папой (?).

Подчеркнуть, что все в социализме видят лишь одну цель—способ завоевать народ, управлять им. Германский император; французская буржузия, стоящая у власти; папа, стремящийся претворить в жизнь веками вынашиваемую мечту. Вот почему народ, темная живая масса, которой все распоряжаются, представляется мне великим немым. Всеми руководят наилучшие чувства, все желают его блага, все трудятся ради него, против несправедливой природы. Но в глубине души в народе всегда живо опасение,—и прошлое служит тому доказательством,—что о нем так заботятся лишь для того, чтобы овладеть им и поглотить его. Разве история не может повториться? Не превратится ли это демократическое христианство в католицизм—религию новой абсолютной власти? Придет день, когда великий немой скажет свое слово. И вот это-то слово я и хочу дать в «Париже».

Если не приходится сомневаться в том, что католицизм вполне уживается с демократией (ему нужно только вернуться к евангелию, так сказать, к своей первоначальной сущности и тем самым очиститься), я не думаю, чтобы он мог ужиться с наукой. Именно в науке католицизм найдет свою гибель. Ведь без отказа от догм, таинств и чудес он не сможет быть религией атеистической демократии. А наука неизбежно должна привести к атеистической демократии. Народ, который не будет верить в загробную жизнь, в вознаграждение и возмездие, никогда не признает католицизм. Как обречь на неравенство малых сих, если не обещать им

вознаграждения в другой жизни. С той минуты, как откажутся от сверхъестественного, отбросят надежду на потустороннее, католицизм погиб. Вот почему католицизм всегда основывается на возрождении в народе религиозных чувств, на вере. Возможно ли это? Не думаю. Чем дальше мы будем двигаться вперед, тем более будут распространяться, устанавливаться научные, позитивные идеи. Все дело во Франции. Протестантыангло-саксы и германцы—смогут сохранить религию и спиритуализм; позитивистские идеи все больше и больше будут завоевывать умы, с каждым днем люди будут прозревать; вот что, по-моему, обрекает католицизм на более или менее скорую гибель. Можно ли представить себе католицизм. лишенный всего чудесного, другими словами, взять из евангелия одну лишь христианскую мораль и поставить ее на службу человечеству, человеческому обществу? Для этого нужно только отбросить чудеса, как средство, к которому эпохи вынуждены были прибегать в силу своей невежественности. В таком случае, можно представить себе грандиозную человеческую общину, царство божие на земле, регламентированный труд, правильное распределение богатств, господство справедливости. Однако, необходимо все это согласовать с наукой (что мыслится мне затруднительным). А папа, —если предположить, что таковой будет существовать, отказавшись от своей власти, —превратится тогда в нечто вроде духовного вождя, контролирующего все морально-нравственные вопросы общины. Где будет его резиденция? Только не в Иерусалиме-это еще большая развалина, чем Рим. Лучше в какой-нибудь жизнедеятельной, энергичной стране. Тревожный симптом: католицизм умирает как раз в Италии, погибает в атмосфере безверия именно там, где в его руках абсолютная власть, где нет борьбы, и в то же время он процветает в тех странах, где ему приходится бороться против протестантизма, где он стремится завоевать демократию. Отсюда может возникнуть вопрос: что же произойдет с католицизмом после его окончательной победы во всем мире? Он-хозяин мира, -эволюционируя, в конце концов, переживет сам себя. Но я повторяю, католицизм сможет просуществовать еще какое-то время, только превратившись в простой моральный кодекс демократического общества, ибо наука, превращающая людей в атеистов, неизбежно убьет его. Можно ли сказать, что вера прогрессирует в наши дни? Это очень важный момент. Не думаю. Свободная мысль все шире пробивает себе путь и движется вперед к завоеванию мира. В руках церкви, даже перестроившейся, даже одемокраченной, вера является орудием угнетения.

[21] Лурд. Я вернусь к Пьеру после романа «Лурд». Я уже говорил об его деятельности в Париже, охарактеризовал его в роли священника и, главным образом, показал, как посещение Лурда и затем место викария в густо населенном бедном предместье Парижа побудили его написать книгу. Это должен быть труд о католическом социализме, в котором автор доказывает, что католицизм может вновь вернуться к демократии, как к своему основному принципу. Итак, я даю всю демократическую часть программы, историю древней, первоначальной христианской общины; далее я показываю, почему церковь была вынуждена стать на сторону богачей и собственников; анализирую социальное эло, картину современной нищеты; наконец, я показываю, как церковь снова должна перейти на сторону бедных, оставить богачей и монархов. По сути дела, это идеи Маннинга и Иреланда. Причем в основе всех этих идей лежит политическая гуманность, [22] никакого применения к экономике они иметь не

должны. Простая душа. Ламменэ, преисполненный пламенной любви к малым сим, полный надежды облегчить их страдания.

Несомненно, следовало бы, чтобы Пьер, при отсутствии у него веры, находил большое удовлетворение в догматах, таинствах, чудесах. Надежда на то, что церковь еще в силах принести благо человечеству, возглавить демократическое движение и, тем самым, предотвратить угрожающую страшную социальную катастрофу. И с того момента, как Пьер возложил на себя миссию - проповедывать в своем приходе нравственные евангельские истины, словно мир снизошел на него, душа успокоилась, погрузилась в какое-то забытье. Страдания утихли: в его руках дело, он пионер этого нового христианского учения, он больше не мучит себя вопросами, сомнения перестают терзать его. Его апостольство в нищем парижском предместье (я выберукакое). Сначала Пьер всецело [23] поглощен, почти ослеплен своей миссией, своей мечтой, и только в Риме, когда он сталкивается с первыми трудностями, наступает отрезвление. Итак, Пьер не ставит непосредственно вопроса о вере; подобно непреодолимой преграде, этот вопрос возникнет перед ним лишь в конце, в Риме. Он весь во власти своей надежды на христианскую, евангельскую демократию. Пьер может даже притти к убеждению, что вся совокупность таинств, совершаемых им, есть лишь необходимый обряд, от которого в дальнейшем откажутся. По сути дела, в книге его нет ничего особенно предосудительного в смысле тех католических и демократических идей, которые в ней изложены. И если произведение его под угрозой внесения в список запрещенных книг, то это потому, что оно направлено против светской власти церкви и резко порицает то упорство, с которым папа борется за установление ее. Это подтверждают факты; привести их. Папа стал велик именно с того момента, когда он перестал быть каким-то маленьким царьком. Итак, [24] Пьера вызывают в Рим, или же он отправляется туда сам (я думаю, скорей последнее). Пьер в Риме. Все перипетии романа, все сцены; все хлопоты Пьера. Римское духовенство—от кардиналов до сельских пастырей. Желая заинтересовать римское духовенство своим делом, Пьер сталкивается и с кардиналами (все типы) и с простыми священниками, наблюдает их при разных обстоятельствах. Встречи Пьера с кардиналом-секретарем; присутствие на заседании конгрегации Индекса¹¹, где решается вопрос об его книге. Порядок ведения дела этой последней. И, наконец, как завершающий удар, --аудиенция у папы. Все это даст мне полную картину Ватикана, до самых мельчайших деталей.

Внутренняя жизнь Ватикана; сеть интриг; борьба против итальянского правительства; переживаемый момент. Наряду с этим, Пьер знакомится с городом: прогулки [25] по Риму; гостиница, где он остановился, люди, с которыми он встречается, словом, его жизнь в Риме. Весь Рим: как бы три города, выросшие один над другим,—античный, первоначальный христианский; папский—эпоха средневековья, и современный, модернизирующийся.

Весь этот прах минувшего, среди которого римский католицизм доживает свой век. Большое полотно, изобилующее фактами. Особенный упор следует делать на тех деталях, которые ведут к заключительным выводам, к философской развязке. Подобно тому, как Лурд убил в Пьере веру, Рим показал ему полное банкротство современного католицизма. Итак, за бронзовыми дверями Ватикана все еще XV в., там царят тревога и смятение. Тщетны были попытки католицизма возродиться в Германии,

Англии и Америке в своей прежней, неизменной монашеской личине. Можно ли рассчитывать на то, что католицизм сумеет сбросит с себя ворох традиций и формальностей, отказаться от символизма, отринуть все, что душит его? Хватит ли у него силы [26] освободиться от прошлого и возродиться в какой-то новой форме в будущем? Ведь католицизм убежден в том, что именно в традиции-вся его мощь, именно из праха веков старается он черпать свои силы. Да и никогда до сих пор не было такого случая, чтобы какой-либо институт с целью обновления возвращался к своим первоисточникам и возрождался вновь, отбросив все то, что он когдалибо завоевал, все, что, по его мнению, как раз и составляло его силу. Пьер не верит в это. Он замечает, что католицизм теряет свое влияние, распадается в атмосфере безверия, царящей в Италии, т. е. как раз там, где он особенно упорен в своих притязаниях, особенно цепляется за традицию, и, напротив, активен и развивается только в тех странах, где ему приходится бороться за свое существование, против протестантизма, где он вынужден искать опоры в демократии, или, скорее, должен завоевать ее. [27] Отсюда, — конечно, дать это лишь в заключении, — мечта Пьера: папа должен оставить Рим, отряхнуть от себя прах веков и где-нибудь вне Рима стать духовным пастырем демократии. Облечь эту мечту в костяк реальности: предвидение 2000-го года. Однако, это лишь мечта, вряд ли можно будет осуществить ее. И тут факт, который заставляет Пьера прозреть, увидеть истину: если католицизм не противоречит демократии, никогда он не уживется с наукой, и именно в ней его гибель. Жизнь католицизму может дать только возрождение веры в народе. Католицизм не может отказаться ни от таинств, ни от догм, ни от чудес, а они противоречат естественным явлениям жизни. Если лишить католицизм всего этого, то от него останется лишь евангельская мораль (в этом последняя надежда Пьера — неохристианизм, [28] основанный исключительно на евангельской морали). Царство небесное служит лишь примером, так как оно осуществлено на земле. И тут придется, пожалуй, оправдать Христа: ему пришлось солгать-придумать чудо, чтобы дать утешение малым сим и невежественным. Наука рано или поздно убьет католицизм, но, в таком случае, не есть ли нечто возвышенное в том, чтобы католицизм встретил смерть таким, какой он есть, столь же непримиримым, как в прежние времена. Один из персонажей, кардинал, будет носителем этих взглядов. «Покинуть Рим? Никогда!» и т. д. Лучше умереть под его развалинами. Да, погибнуть! Погибнуть, но не изменяя своим убеждениям, мужественно, с твердыми мускулами, окаменевшими. Погибнуть, подобно древним памятникам, окружающим нас, которые гложет солнце, распыляет ветер. Погибнуть, как погибает все! И провести мысль о том, что, если католицизм [29] даже откажется от своей непримиримости, это ничему не поможет-его все равно ждет конец, но конец низкий, подлый, позорный. Так лучше ничего не делать, остаться неподвижным и, когда придет время, исчезнуть навсегда. Необходимо строго классифицировать все интеллектуальные и моральные побуждения Пьера.

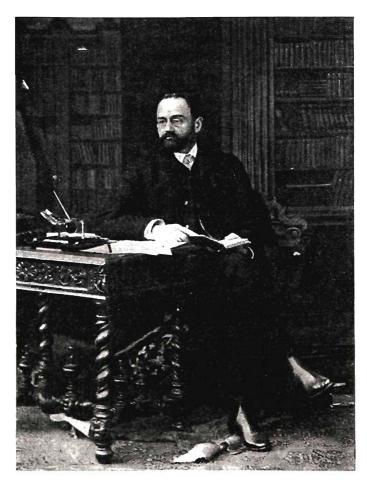
Сначала, когда он приезжает, надежда на то, что католицизм будет существовать вечно, возродится, возглавив демократическое движение и спасая, тем самым, народы от варварства революции. Все это весьма туманно, без ясной мысли о возможности эволюционного пути. Затем, с той минуты, как он попадает в Рим, его сомнения и борьба. Его недоумение перед окаменевшим в рамках традиций католицизмом, погибающим в атмосфере

безверия, царящего в Италии, тогда как в странах протестантизма католицизм отличается боевым характером и прогрессирует. Однако, Пьер не теряет надежды; ведь говорят, будто католицизм отличается [30] большой гибкостью. Борьба духа завоевательного против традиции; надежда на папу, который примкнул к социализму. Итак, в Пьере идет борьба, он колеблется между своими надеждами и теми все более серьезными фактами, с которыми он сталкивается ежедневно. Он борется против конгрегации Индекса, борется против своих собственных впечатлений; иногда благоприятные впечатления ободряют его. Книгу необходимо как-то оживить. Однако, в Пьере не может итти борьба за веру, поскольку он ее бесповоротно потерял в Лурде, за веру в догмы, в чудеса и таинства. Теперь его одушевляют иная вера, иной долг-облегчение человеческих страданий. Пьер стремится найти в католицизме средство дать человечеству счастье. Итак, он преисполнен желания помочь, альтруистического энтузиазма. И нужно, чтобы Пьер страдал, верил, снова впадал в отчаяние, по мере того, как он то надеется, то теряет надежду в возможность для [31] католицизма возродиться на благо человечеству. Большой человек, преисполненный любви к малым сим, к обездоленным. Вся трагедия его души, причем трагедия, лишенная того эгоистического чувства, какое представляет, например, любовь к женщине. Пьер полон подлинной веры в светлое будущее человечества. Его увлекает страстное, горячее желание добиться всеобщего счастья. И все же, в конце концов, он приходит к горькому убеждению (после разговора с кардиналом), что католицизм должен погибнуть, погибнуть в Риме, погребенный среди праха веков. Затем, словно откровение, какой-либо факт с непобедимой логикой доказывает ему, что наука неизбежно должна убить католицизм; его существование немыслимо среди народа трудящихся, который не верит больше в будущую жизнь, в возмездие и вознаграждение.

Итак, [32] все должно рухнуть. И закончить идеей о новой религии! Идеи католиков, вроде Кеттелера, Маннинга и Иреланда, могут привести лишь к отпадению от церкви. Крупная фигура какого-нибудь раскольника, епископа нового общества, который порвет с Римом, станет на сторону науки, отбросит догмы, таинства и чудеса и будет пользоваться евангелием, лишь как кодексом морали, осуществит царство небесное на земле. Торжество разума! Все силы отдать делу благосостояния и братства народов. Да, следовать евангелию! Да, избегать насилия! Но отказаться от разума? Никогда! Все это несколько сухо, и мне нужна была бы параллельная фабула.

В Париже, в своем приходе [33] в одном из бедных кварталов, Пьер мог познакомиться с каким-нибудь де Меном¹². Назовем его Графом. Последний пытается создать католическую организацию; я не хочу, чтобы это исходило от Пьера, ему я предоставляю лишь область чувств. Граф—бойкий ум, оратор, считает себя человеком с большими организаторскими способностями. Граф, например, может быть за возрождение замкнутых корпораций. Он основал ассоциацию, выпускает газету, в которой ведет борьбу, может быть даже депутатом. Это даст мне возможность на конкретном материале охарактеризовать движение католического социализма во Франции и даже во всем мире. Агитация, которую ведут католики против либеральных теорий о возврате церкви к прошлому (к первоначальной христианской общине); борьба против революционных социалистов, борьба церкви, императора и всей правящей буржуазии за народ, за

великого немого, который разочаровался в идее свободы: ведь 89-й год пошел на пользу только буржуазии. [34] Граф может также отправиться в Рим. Он высказывается в пользу замкнутых корпораций, против свободных содружеств. Со своей стороны, папа еще не выявил своей точки зрения по этому вопросу: он, как всегда, вынужден держаться неопределенной позиции. По сути дела, будут ли корпорации замкнутые или свободные, это ничему не поможет, это недействительное, обманчивое средство. Граф

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ
Фотография 1890-х гг.
Институт литературы Академии паук СССР, Ленинград

в Риме; его хлопоты, свидания с папой и т. д. В конце концов, Граф приходит к тем же горьким выводам, что и Пьер.

Но это еще не все. Я хотел бы рядом дать любовную драму. Хлопоты о разводе через церковь; папа должен вынести решение по этому делу. Например, случай импотентности мужа. Нужно, чтобы женщину посещали почтенные дамы. Оказывается, развод в римском суде стоит колоссальных денег. Дать ряд любопытных деталей. Но и это еще не все. Мне хотелось бы нарисовать большую, пылкую страсть женщины, предпочтительно итальянки, сделать ее как бы символом церкви, погибающей

среди праха веков; что-нибудь очень значительное. Крик всепоглощающей, великой любви. Обдумать. Женщина, быть может, увлечена мужем той, которая разводится. Или же та, которая хлопочет о разводе, сама любит не мужа, а другого, и хочет купить развод, чтобы законным путем сойтись с любовником, так как, в силу своей набожности, она отвергает адюльтер. И все это в обстановке итальянской жизни, во дворце, где остановился Граф и где он оказывает гостеприимство Пьеру. [36] Героиня отказалась от выполнения супружеских обязанностей и осталась девственной. Каким путем ей удается заставить мужа выдавать себя за импотента, хотя у него есть дети от другой женщины. Но основное—это страсть. Пьер, конечно, должен быть замешан в эту историю. Наконец, случай, который открывает ему глаза: с необычайной ясностью он вдруг понимает, что католицизм убила наука, что он не может возродиться в атеистическом обществе.

Во дворце бывают кардиналы, вращается все римское общество. В последний раз Пьер из окна обозревает мертвый Рим. Последнее видение. Я хочу дать любовную трагедию, страсть, доведенную до предела, слезы и кровь. Мне кажется, что не стоит делать героиню совсем юной девушкой, лучше, чтобы это была женщина в возрасте 29-30 лет. Тем более достойным покажется, что она сумела остаться девственной. [37] Очень набожная, она не пожелала принадлежать мужу, которого не любит. Она обожает прекрасного юношу своего возраста, очень богатого, который буквально разоряется, чтобы добиться развода. Но он так и не женится на ней, так как умирает, отравленный ее бывшим мужем. И у смертного одра своего любимого она сбрасывает с себя одежды, желая отдаться ему: «Возьми меня! Пусть проклятия падут на мою голову, но я буду твоей! Я твоя, возьми меня!». Все это происходит на глазах у Пьера. Не стоит делать умирающего чересчур слабым, пусть героиня испустит дух в объятиях своего возлюбленного. Их похоронят вместе, не решаясь оторвать друг от друга. Как будто, достаточно трагично! Героиня будет дочерью кардинала. Любовника я оставлю в стороне и, главным образом, дам детальный анализ героини-страсть и религия. Однако, муж играет во всей этой истории весьма значительную роль. Мне хотелось бы, чтобы отравление любовника оказало определенное влияние на интриги Ватикана. Не героиня (дочь), а ее любовник будет сыном кардинала, которого прочат в папы; [38] нужно, чтобы исчезновение сына скомпрометировало отца: он никогда не займет папского престола. Это довольно трудно устроить, только разве путем скандала. Хорошо, чтобы яд предназначался и отцу и сыну (племяннику было бы менее антирелигиозно, тем более, что племянник мог бы жить с дядей). Тогда, примерно, получается так. Бывшему мужу известно, что кардинала собираются отравить и, тем самым, удалить из конклава. Ему известны день и час отравления, а также то лицо, которому непосредственно поручено передать яд. Он посылает юношу (любовника) на завтрак к дяде. Фрукты, корзинка персиков. Но кардиналу персики показались подозрительными, он сам не ест их, и, быть может, дает попробовать племяннику (чтобы посмотреть). Таким образом, коварный муж непосредственного участия в убийстве не принимает, он использует лишь первое подвернувшееся ему под руку средство, чтобы устранить любовника. Однако, жена узнает правду и обвиняет мужа. Нужно, чтобы все эти персонажи жили вместе. У героини есть мать, которой и принадлежит дворец. Мать ее-[39] сестра кардинала. Последний занимает одно крыло дворца, а любовник, кузен героини и его племянник, живет вместе с ним. Героиня переезжает к матери с того момента, как завязывается дело о разводе. Она оставляет дом мужа и перебирается к матери. Ее дядя, кардинал, и его племянник, ее кузен, занимают соседний флигель дворца. Здесь как раз останавливаются Граф и Пьер или же один только Пьер. Комната Пьера. Пьер постепенно принимает все большее и большее участие в развертывающейся драме. Нужно будет начать всю историю с момента приезда Пьера и объявления развода, который повлек за собой трагическую развязку. Что же касается отравления, то тут дело темное, никто толком ничего не знает, но подозрения заходят весьма далеко, чуть ли не до римской курии. Слухи в Ватикане помогут мне, укажут, стоит ли делать из кардинала сторонника или врага Льва XIII¹³. [40] Моего кардинала посещают собратья по сану, лица духовного звания, вплоть до невежественных сельских священников. Таким образом, Пьер, живя во дворце, имеет возможность наблюдать все римское духовенство. Мать и дочь, в свою очередь, дадут мне все римское общество, а муж, быть может, -- Рим Квиринала. Это даст мне противопоставление двух миров. Дело об отравлении будет носить загадочный характер, причем я расширю этот момент: страх перед отравлениями в Ватикане; кушанья папы; предосторожности и т. д. Я не собираюсь делать мужа каким-то чудовищем, мрачным заговорщиком, он просто воспользуется обстоятельствами, совершенно случайно узнав о готовящемся отравлении. Итак, это веселый малый, быть может, кутила; найти подходящий итальянский тип. Мне кажется, что именно кардинал должен быть сторонником сохранения католицизма во всей его непримиримой суровости; кардинала не пугает смерть. Это удобно и потому, что кардинал у меня под рукой, и как раз его [41] я имею возможность охарактеризовать как можно подробнее. Суровая, величественная фигура. Затем мне нужен тип кардинала более современных взглядов (поскольку это возможно в Италии), и, наконец, кардинал-бедный старик, наполовину выживший из ума. Я думаю, что персики может послать священник-фанатик, совершенно невежественный, который думает этим содействовать освобождению церкви. Я покажу его уже в самом начале: он явится с каким-нибудь прошением. Позднее он попадает в руки врагов кардинала. И в конце я дам понять, что фрукты отравлены именно им, вообще же он-слепое орудие. В ход пущен какой-то редкий яд, не оставляющий никаких следов; он убивает особым способом (не забывать, что героиня отдается умирающему от этого яда человеку). Пояснить, каким образом муж оказывается в курсе всех этих дел и подсылает к кардиналу возлюбленного жены. Ведь он вообще не встречается с ним, [42] каким же образом ему удается послать его к кардиналу. Здесь что-то неладно, необходимо придумать что-нибудь, и притом возможно более простое. Мне хотелось бы, чтобы кардиналу послали не персики, а фиги.

О фигах дать разговор в самом начале. «Я пришлю вам несколько прекрасных белых фиг (или черных) из одного плодового сада». Крохотное отверстие, через которое был влит яд; фрукты уложены в изящную маленькую корзиночку. Их так и подают на стол. Муж, как я уже говорил, приветливый, веселый малый, но лишь по внешности; по натуре же—жестокий, хладнокровный, способный на все. Его коварство проявляется уже в самом начале—ловушка, подстроенная любовнику; нечто жестокое. Однако, любовнику удается ускользнуть. Это как раз может повлечь за собой взрыв

страсти со стороны героини. Мне нужна такая вспышка страсти, чтобы показать истинный характер героини и, тем самым, подготовить развязку, когда она сбрасывает с себя одежды и отдается умирающему любовнику. При виде раненого любовника [43] (пустяковая царапина, которая, однако, может показаться ей смертельной) она бросается к нему на шею; взрыв страсти. Первая попытка мужа. Несмотря на всю ее набожность, героиню пожирает бешеная, чисто чувственная страсть-жажда наслаждений, Италия прежних времен. Нужно дать все это чрезвычайно сжато, бурно-словно молнией страсти и крови осветить мой роман о милосердии и счастье человечества. Наиболее затруднительным мне представляется отравление. Покушение исходит от противников кардинала; однако, этот момент я насколько возможно смажу: я покажу только, как священник попадает в руки врагов кардинала и посылает ему отравленные фиги. Но откуда же мужу будет известно, что фиги отравлены, и каким образом он вмешается в эту историю? У мужа может быть усадьба в той местности, где находится приход священника. Муж встречает священника, когда тот с корзиночкой фиг направляется в город, и предлагает подвезти его. Таким образом, имение мужа находится в одном из римских пригородов, в нескольких километрах от столицы. Откуда муж узнает, что фрукты отравлены (собака съедает фигу или курица клюет корзинку). Они останавливаются в какой-нибудь харчевне, священник глаз не спускает с корзинки, все время держит ее около себя. Курица, клюнув фигу, тотчас же падает замертво. Муж замечает это, но ничего не говорит. Он все понял, размышляет, как ему быть, и тут же принимает решение. Дать весь план действий. Ему совершенно безразлично, умрет кардинал или нет, но племянник должен непременно отведать фруктов и погибнуть. Мужу известно, что по воскресеньям (было как раз воскресенье) юноша завтракает у дяди. Однако, он хочет в этом быть уверенным. Служанка, которая в свое время служила у него, сейчас живет в доме кардинала. Она сообщает мужу, что юноша действительно у кардинала, но собирается уйти до завтрака. [45] Как тот поступает? Он пишет записку следующего содержания: «Сударь, не покидайте дома ранее трех часов (следовательно, после завтрака), мне необходимо с вами поговорить. Не выходите до завтрашнего дня. Важное дело-от него зависит благополучие всей вашей семьи». Эту записку, написанную карандашом, он передает через упомянутую служанку. Таким образом, она может в дальнейшем восстановить всю картину отравления. Она видела бывшего мужа своей хозяйки вместе со священником, который принес отравленные фиги. Затем муж, прекрасно зная, что фиги отравлены, желая смерти юноше, передал ему записку, в силу которой тот, ничего не подозревая, остался завтракать у кардинала. Однако, сам кардинал не притронулся к фруктам, ни минуты не сомневаясь насчет того, кому они в действительности предназначались. Кстати, и яд оказался ему знакомым (это было средство, частенько употребляемое в Ватикане). Чтобы убедиться в правильности своих подозрений, он дает попробовать фигу любимому попугаю, который тут же падает замертво. Кардинал прекрасно знает, что яд [46] приготовлен для него. Рок поразил его племянника. Он молится. Драма женщины в комнате умирающего, куда поднимается Пьер. Первое покушение на племянника кардинала также должно отличаться крайним вероломством. Когда любовник однажды вечером возвращается домой, ему почти у самого входа во дворец наносят удар ножом в спину. Он входит шатаясь, из раны

льет кровь; от потери крови он лишается чувств. За ним всячески ухаживают, но, боясь вызвать скандал, ничего не говорят о причинах покушения, хотя никто не сомневается, что это исходит от бывшего мужа его возлюбленной. Юноша всячески оберегается, старается не покидать дома. Она ухаживает за ним. Вся ее страсть проявляется в тот момент, когда приносят ее раненого возлюбленного. Болезнь, ее заботы особенно сближают их. Развод объявлен, и уже назначен день свадьбы. Их пылкая взаимная страсть крепнет и ждет своего завершения [47]-брака. И как раз после своего выздоровления, когда юноша собирается в небольшое деловое путешествие, бывший муж его возлюбленной удерживает его дома, и он умирает. Осталось лишь наметить причину развода. Женщина ссылается на импотентность мужа, что и признается веским основанием после щедрой взятки и медицинского осмотра, установившего ее девственность. Таким образом, фактически брак не был совершен. Почему? Быть может, мать выдала ее замуж против воли, и, поскольку мать умерла, дочь не считает более нужным считаться с ней. Быть может, в брачную ночь пьяный муж грубо обощелся со своей молодой супругой. Она отказала ему и никогда принадлежать не будет. Покупает развод-щедрая взятка мужу, который согласен выдать себя за импотента; благо весь Рим знает, что у него есть двое детей от одной актрисы, он относится ко всему этому, как к забавному анекдоту. Итак, героиня, чтобы добиться развода по причине импотентности мужа, что является явной ложью, платит и ему, и римской курии. [48] Вероломство мужа, который, получив деньги, стремится убить любовника, причем без всякого риска для себя. Удар ножом со стороны неизвестного, который должен был пронзить юношу насквозь. Затем история с фигами: использование яда, предназначенного кардиналу. Муж-поистине чудовище! Он не хочет, чтобы кто-либо другой получил то, в чем ему было отказано. Удар ножом может быть дан как раз в день объявления развода, хотя предпочтительнее дать историю развода как можно подробнее, показать все сутяжничество, все формальности при римском суде. Словом, муж-тип Яго, какой-то гений зла, и все это под маской самого удивительного добродушия... Хотелось бы, чтобы героиня дала мне символ. Быть может, символ церкви, всецело отдавшей себя служению одной мечте-всеобщего владычества; лучше погибнуть, но остаться неизменной! Я охотно сделал бы героиню олицетворением церкви...

Сравнение, которое проводит Пьер между героиней и церковью. Если вековая мечта не может осуществиться,—[51] причем в условиях, желательных для церкви,—пусть все погибнет! Я уже говорил, что моя драма наносит контрудар Пьеру. Мысль о том, что торжество католицизма невозможно среди неверующего народа. Наука должна убить католицизм. Нужно, чтобы все это непосредственно вытекало из самой драмы. Однако, я не представляю себе, как это сделать,—или, по крайней мере, из слов кардинала по поводу разыгравшейся драмы. Быть может, стоило бы сделать героиню высокоразвитой женщиной, большой энтузиасткой: она тоже мечтает о победе католицизма. Книгу Пьера героиня прочла и полна восхищения. Она преисполнена веры и в своих мечтах идет еще дальше Пьера: ей грезится завоевание всего мира. Итак, частые беседы с Пьером. Последнего как-то тревожит этот пыл. Ее страстная вера оказывает на него какое-то обратное действие: чем сильнее она верит, тем больше в нем возникает сомнений. Самая драма разыгрывается как раз в момент их

беседы. В своих мечтах героиня видит [52] все народы обращенными на путь веры. Сама драма должна развернуться очень быстро. Снова размышления Пьера. Что он противопоставляет умершей? Гибель мечты о возможности завоевания народов оружием религии. Наука убьет католицизм, веру в загробную жизнь, надежду на возмездие и вознаграждение. Все это, хоть и не вытекает непосредственно из самой драмы, выйдет достаточно сильным, если дать это вслед за ней.

Я могу создать еще один центральный персонаж-служанку, замешанную в историю с фигами. Она может быть француженкой; преисполнена скептицизма, причем пребывание в Риме только усиливает эту черту. Как она смотрит на то, что, быть может, после смерти умершие соединились: «Ах, сударь, и на что это нужно: уж коли человек умер, то лучше ему спать спокойно. Мало разве они здесь натерпелись горя? [53] Ну стоит ли поднимать все снова!». Словом, полное здравого смысла суждение неверующего народа. Пожалуй, на фоне римского общества эта служанка, преисполненная спокойного скептицизма, даст мне довольно удачный тип. Вот уже около сорока лет, с пятнадцатилетнего возраста, живет она в Риме. Она полна благоразумия и скромности. В Италию ее привезла хозяйкамать героини. В прошлом у служанки была какая-то история со священником, навсегда отвратившая ее от религии. По ее собственным словам: «Хватит с нее священников; уж кого-кого, а их-то она хорошо знает». Своего неверия она не скрывает, и держат ее в доме только за честность и преданность. Кардинала почитает всячески. В глазах Пьера эта служанка является воплощением всего неверующего французского народа, всех тех, кто никогда не будет верить. В ней много здравого смысла: «Ну что может быть после смерти? Ничто. Сон. Его-то уж во всяком случае заслужили. И это, пожалуй, еще самое хорошее! [54] А уж если пришлось бы награждать добрых да наказывать злых, богу, право слово, было бы слишком много дела. Разве это мыслимо!».

Мне говорили, что за бронзовыми дверями Ватикана все еще царит XV в. Все как бы застыло в минувшем. Но, наряду с этим, в самой атмосфере чувствуется что-то языческое. Содержанки кардиналов. Какое-то особенно безразличное отношение ко всем вопросам религии. То, что так волнует у нас, здесь никого не трогает. Причины политические заставляют папу замкнуться в своем углу. С ним гораздо меньше считаются в Италии, чем в других странах. Все дело в дипломатии. Как раз это своеобразное положение мне нужно тщательно изучить и осветить в моем романе. Два современных Рима.

[55] Чтобы несколько оживить мою героиню, нужно показать, как она борется с собой. Это вполне возможно, если я сделаю ее возлюбленного страстным, чувственным мужчиной, который желает насладиться своей любимой. Ей приходится выдержать несколько бурных атак. Любовник то бросается к ее ногам, то пробует овладеть ею путем нежнейших ласк, рыдает, упрекает ее в недостатке любви к нему, уверяет, что он не выдержит—наложит на себя руки. Разве стесняются с таким мужем, как у нее? Но набожность, клятва, данная ею, принадлежать только мужу дают ей силу бороться, противиться, отказывать, несмотря на всю страсть, которую она питает к своему возлюбленному. Обессиленная внутренней борьбой, совершенно разбитая нравственно, она нежно, словно мать, относится к своему возлюбленному, но не отдается ему. Мне хотелось бы дать одну какую-нибудь сцену между ней и ее другом, из которой она

выходит победительницей. Пылкая, готовая прорваться страсть, потоки ласк и молений—и в ответ нежное, кроткое [56] упорство. Она выходит из этого поединка сломленной, без сил. Пьер может присутствовать при этой сцене, хотя бы в конце. Она говорит: «Вы видите, сколько мне нужно мужества». А у Пьера мелькает мысль, что, быть может, он пришел вовремя. Однако, она угадывает мысль Пьера: нет, никогда она бы не поддалась. «Он получил бы меня только мертвую от печали». Все та же мысль о девственности...

[57] Необходимо наметить все даты. Пьер может пробыть в Риме два или три месяца, столько времени, сколько тянется дело об его книге. Кстати, чем же закончится это дело? Мне кажется, что Пьер должен смириться, он уничтожает свой труд, отрекается от него: По существу, Пьер и должен был бы выступить в роли великого раскольника будущего, но у него, пожалуй, нет ни возможностей, ни сил для этого. Все это лишь предвидение, пророчество. А тогда зачем бороться за свое произведение ведь это лишь мечта! Никогда народ-атеист не станет верующим, наука убьет католицизм с его догматами, таинствами и чудесами. И Пьер уничтожает свой труд, как бесполезную мечту. Но сердце его разбито, сомнения снова терзают душу, туманят голову. Вот и второй опыт (после Лурда) подходит к концу. [58] В сцене отказа Пьера от своей книги очень много величия и силы. Быть может, он объявляет о своем решении непосредственно папе, во время аудиенции, или же в каком-нибудь другом месте (пожалуй, лучше при свидании с папой)... Я уже говорил, что сделаю мою героиню развитой, ученой женщиной. Мне хочется, чтобы она близко сошлась с Пьером. Она сопровождает его в некоторых прогулках по городу. Три исторических Рима-какое чувство они вызывают? Убежденная католичка, очень религиозная, не забывать об этом. Но, наряду с этим, удивительно обаятельная, от нее словно исходит какой-то волнующий аромат, присущий соблазнительным женщинам. Царственно красивая, чем ближе узнаещь ее, тем больше проникае шься этой красотой. Пьер, если сам и не влюблен в нее, прекрасно понимает, что в нее можно влюбиться [59] до безумия. Быть может, он даже любит ее, сам того не сознавая; она как бы живет в нем, и он глубоко потрясен ее смертью, словно она унесла в могилу его мечту, его книгу о неохристианизме, которую она так хорошо поняла. В своей религиозности она может разделять взгляды Пьера, она тоже против светской власти церкви. Тут целая спиритуалистическая религия, религия гуманности и милосердия. Итак, женщина воплотит в себе церковь, гуманную мечту Пьера. Ее смерть уносит все его химеры. С первого часа их знакомства между ними возникла большая духовная близость. Она читала его книгу, она встретила его, как родного, как брата...

Пьера я несколько изменю после Лурда. Он сильно похудел (потеря Мари, тоска), живет исключительно духовной жизнью—огромный лоб, [60] заострившаяся нижняя часть лица, взор, пылающий лихорадкой милосердия. Крупная фигура; спиритуалист. Решить, должен ли я здесь упомянуть о Лурде, еще раз дать картину Лурда. Стеснение, испытываемое Пьером, когда он и в Ватикане наталкивается на Лурд, конечно, в том случае, если Лев XIII действительно открыто признает себя сторонником Лурда. Героиня может заговорить с Пьером о Лурде. Ее суждения по этому поводу. Возражения Пьера. Все это окончательно решить к тому моменту, когда будет разработан план. Муж—капиталист. Капитал

против труда, против рабочего. Мне кажется, что в Риме была какая-то панама. Использовать, как материал, дело одного из тамошних финансистов, промышленников. Аферист, который в своих целях использовал правительственный аппарат. Мне хочется, чтобы итальянское правительство тоже сыграло определенную роль в моем романе...

Формальности, бюрократизм Индекса (дело о книге Пьера), а также римского суда (развод). Весь Ватикан. Одну или две главы [62] посвятить подробному описанию Ватикана и посещению Рима (три города). Женщина, чтобы заглушить неудовлетворенную потребность в любви, старается забыться в развлечениях. Покушение на любовника, когда он однажды вечером возвращается во дворец (удар ножом в спину). Она ухаживает за ним. Период счастливой любви.

Ватикан и Рим, наконец, пришли к определенному решению. Индекс должен объявить приговор, осуждающий книгу Пьера; развод разрешен. В этот момент, вероятно, Пьер увидится с папой.

Священник-отравитель и фиги. Вся драма. Смерть юноши и смерть его возлюбленной, которая не в силах пережить гибель друга. Пьер присутствует при этом, затем он узнает, что Индекс осудил его книгу (через Графа, кстати, мне нужно заняться им). Пьер на аудиенции у папы объявляет о своем решении подчиниться приговору Индекса и уничтожить свой труд. [63] Возвратившись домой (на другой день он навсегда покидает Рим), он видит мертвых любовников, тела которых не удалось разъединить, их и похоронить собираются вместе. Беседа Пьера с кардиналом. Католицизм должен мужественно встретить смерть. Раз конец неизбежен, пусть католицизм погибнет во всем своем прежнем величии. В последний раз Пьер поднимается к себе в комнату (вечер, ночь, утро?). Перед ним расстилается Рим-три города. В эту минуту в нем особенно крепко убеждение (именно поэтому на аудиенции у папы он объявил о своем решении уничтожить книгу), что наука неизбежно должна убить католицизм. Веры в народе не возродить! А католицизм немыслим без сверхъестественного, без загробной жизни, без возмездия и вознаграждения. И под развалинами Рима, в прахе веков, погибнет папа. Грядет великая схизма! От католицизма уцелеет лишь евангельская мораль.

[64] (После моей поездки в Рим).

Мне предстоит еще наметить моих чернорясников. Правда, мне их подскажет самый ход драмы. Прежде всего, нужно дать тип кардинала—противника моего героя, а также прелатов, священников и т. д. Мне думается, что граф после вспышки страсти к юной героине может охладеть к ней в силу какого-либо события. Придумать. С этой минуты он на глазах всего города заводит любовницу, [73] что делает еще более нелепым обвинение в импотентности. Впрочем, это обвинение вызывает у него лишь смех...

Я считаю все-таки, что он сохраняет любовь к жене. И допускает отравление кузена жены, именно движимый своей страстью к ней. Итак, драма ревности, однако, ничего низкого. [74] Я до сих пор еще не нашел ничего, что сблизило бы Пьера и Бенедетту, графиню Прада. Она снова стала носить свой прежний титул графини, или имя Бенедетты. Я хочу сделать ее типичной римлянкой; пожалуй, нельзя будет, в таком случае, чтобы она путешествовала. Мне также не хотелось бы делать Бенедетту современной женщиной, которая жаждет заниматься филантропией, или синим чулком. Именно в силу всего этого так трудно найти связующее звено.

В моем представлении Бенедетта невежественна, по натуре своей практична, суеверна, словом, римлянка прошлого столетия; она вся отдается своему чувству, но весьма своеобразно. Быть может, чтение книг смутит ее невежество и практичность. В таком случае она сможет прочесть и книгу Пьера. Бенедетта пытается понять, удивляясь, как можно интересоваться жителями Трастевере¹⁴. Это придает ее жизни, столь неудачно сложившейся, столь тоскливой, новый интерес. С этого момента [75] и Пьер начинает интересоваться Бенедеттой. Он пытается завоевать эту душу на служение народу, истине, Италии завтрашнего дня, о которой он мечтает. Италия вчерашнего дня, праздная и невежественная, столь

ЗОЛЯ В СВОЕМ РАБОЧЕМ КАБИНЕТЕ Фотография 1890-х гг.
Институт литературы Академии наук СССР, Ленинград

красивая в своем сонном безмолвии. Даже разрыв между Бенедеттой и ее мужем (Прада) как бы выражает столкновение старой—римской Италии и современной—Северной. Последняя слишком быстро, слишком резко модернизировалась. Пьер прекрасно отдает себе в этом отчет, вот почему он хочет очень осторожно, очень мягко переделать Бенедетту, сделать ее современным человеком.

Таким образом, поскольку Пьер выступает в роли учителя Бенедетты, между ними вполне уместны беседы, прогулки и т. д. Пьер даже чутьчуть влюбляется в эту прекрасную Италию, такую невежественную и кроткую, [76] такую обольстительную в своей ленивой дремоте. В конце—бурная развязка, все увлекает атавизм. Мнение Пьера о Дарио—последнем отпрыске умирающей расы. Дарио иногда участвует в беседах и прогулках Пьера и Бенедетты. Так получается удачно: с одной стороны,

Пьер будет замешан в интригу, с другой-это оживит весь образ Бенедетты, позволит дать подробную характеристику римлянки. Бенедеттаэто образ пробуждающегося Рима, столицы Италии. Как уже решено, ее дядя, кардинал Бокканера, -- олицетворение непреклонности, фигура отжившего века, символ умирающего католицизма. Он хочет умереть таким, какой он есть; пусть католицизм ждет полный крах... [85] Я хотел бы вокруг развода Бенедетты дать борьбу мира черных ряс и светских людей. Борьба эта, разумеется, не должна носить резкого характера, это сплетни, мелкие уколы. Итак, Рим много говорит о разводе именно потому, что немало толков вызвало замужество. Дитя, выпестованное чернорясниками, выходит за сына мира завоевателей. Это произошло как раз в тот момент, когда отношения между старой и новой Италией приняли менее напряженный характер. И хотя брак вызвал немало разговоров, все же находили, что подобные браки, пожалуй, благоприятствуют примирению. Однако, разлад в семье Бенедетты, затем требование развода как раз совпали с резким обострением отношений между Ватиканом и светской властью, Квириналом. Итак, мир чернорясников [86] может поощрительно отнестись к разводу, тем не менее, действуя с чрезвычайной осторожностью, так как Прада утверждает, что, поскольку гражданского развода в Италии не существует, брак, даже расторгнутый церковью, юридически остается в силе. Ватикан же не хочет быть более податливым, чем светская власть. Однако, обстоятельства побуждают его расторгнуть брак. Меня несколько смущает поведение Прада. Сначала он против развода. Он попрежнему стремится обладать женой именно потому, что она упорно ему сопротивляется. Прада-тип завоевателя, человек страстей. Когда Бенедетта уходит от него, он начинает страстно желать ее. Законным путем устанавливает факт ее ухода из дому. Прада не из тех, кто прощает: он мстит (отравление Дарио). Итак, сначала он борется. Затем перестает интересоваться этим делом, [87] когда его любовница, с которой он никогда не порывал, Лизбет Кауфман, жена художника, становится беременной от него. Ему кажется нелепым обвинение его врачом, исследовавшим Бенедетту, в импотентности в тот момент, когда он ждет ребенка. Суд может развести его с Бенедеттой. Последняя надеется, что правительство расторгнет брак, поскольку он фактически не существовал, разумеется, после того, как его расторгнет папа. Конечно, никакой открытой борьбы вокруг этого развода между миром духовенства и светской властью не ведется, но могут быть сплетни, ядовитые словечки, словом, своего рода подпольная агитация. Все это дать чрезвычайно сжато и, поскольку возможно, не выдвигать на передний план. [88] Следовало бы сделать Серафину княгиней Бокканера. Она носит этот титул, и я дам ей более активную роль, чем предполагал раньше, так как мне очень важно, чтобы она носила титул и имела салон-салон католический (чернорясников). Раз в неделю Серафина принимает, причем посещает ее очень немного народа, все из Ватикана. Кардинал чрезвычайно редко спускается к ней. По существу, весь дом ведет Серафина, она как бы представляет всю семью. Это, так сказать, включит семью Бокканера в общественную жизнь Рима. И сюда, к своей тетке, приносит Бенедетта свою юную смятенную душу. Наконец, это даст мне среду, где Пьер увидит людей. Я могу собрать здесь всех нужных мне по ходу действия пред ставителей Ватикана. С другой стороны, мне хочется, чтобы семья Сакко также вела более светскую жизнь. [89] Мне нужен светский салон, однако,

тоже сравнительно мало посещаемый, не слишком известный. Скорее, попытка создать салон. В салоне главную роль играет кузина Прады— Стефана Пагани, жена Сакко: несколько светская, Прада—украшение салона. Муж рассчитывал ее использовать в своих целях, но отказался от этого. Сын Аттилио, жених Челии, может также бывать в этом салоне. Впрочем, ни одного действия в этом салоне происходить не будет, я его лишь назову. Там, разумеется, защищают Прада, тогда как в салоне Бокканера на него яростно нападают. У Буонджованни нет определенных приемных дней. Раз в год они дают большой вечер, где бывает весь Рим, Изредка они принимают лишь друзей дома. Дом Буонджованни занимает промежуточную позицию [90] между Квириналом и Ватиканом. Значительно облегчает брак Челии и Аттилио то обстоятельство, что последний очень падок на деньги: скупость князя Буонджованни. Наконец. артистический салон у Лизбет Кауфман, любовницы Прада. Художница не слишком хорошая. Салон космополитический, там бывают все, масса сплетен. Обдумать ее интригу с Прада. [91] Надо поставить рядом с Прада какого-нибудь приятного человека, представителя Северной Италии добродушной, умной, республиканской, трудолюбивой. Этот тип может дать мне его отец, старый Прада, или, как его обычно называют, «старый Орландо». Крупная, благородная личность, я сделаю его величественным. Он даст мне историю всей Италии, борьбу за объединение. Он был тем-то, сделал то-то и т. д. История Италии, начиная от карбонариев и до взятия Рима, куда старик Прада вступил первым. Этот кусок надо обработать. Старик был одним из тех, кто стремился сделать Рим столицей; рассказать, как он перебрался туда с сыном. Последний колоссально разбогател. Старика разбил паралич, он осужден на полную неподвижность. И вот среди окружающей его роскоши (он отвергает ее) он занимает абсолютно пустую комнату; за ним ухаживает пожилая женщина (против итальянских обычаев). Сын [92] обожает отца, всячески ухаживает за ним. Старик сурово относится к сыну, осуждает его; сын приводит его в отчаяние, хотя он сознает, что по натуре тот неплохой человек. Прада обитает на улице 20 сентября в современного типа особняке, почти напротив министерства финансов. Здесь, в бельэтаже, поселились Бенедетта с мужем, и тут развернулась вся ссора. Старый Орландо благосклонно отнесся к браку своего сына и был очень хорош с Бенедеттой. В ссоре Бенедетты с мужем он почти принимает ее сторону (решить). Его взгляд на все это дело. Связать его с Пьером. Как раз к нему отправляется Пьер на второй день после приезда: Пьер знает старика и привез ему письмо. Как раз во время этого первого визита дать характеристику старика: завоевание; вступление в Рим; [93] сумасшедшие надежды; роль Прада; сын героя, развращенный победой; финансовый водоворот; безумные постройки; начато строительство новых кварталов. «Вы увидите все это», говорит Орландо с грустью. Итак, дать все, что может поднять этот вопрос. Старый герой! Всю жизнь он боролся за свою родину. И его сын--неплохой малый, которого уже начала развращать собственность.

Не забывать о семье Сакко. Конечно, вместе с Орландо они жить не могут, но мне необходимо сказать о них. Быть может, Сакко приходят навестить старого Орландо как раз тогда, когда у него сидит Пьер. Во всяком случае, отрывок, касающийся Сакко, должен войти в эту главу. В той же комнате, неизменным, только опечаленным известием о трагическом эпизоде, находит Пьер старика Орландо, когда он, в конце, приходит

прощаться с ним. И все-таки Орландо не теряет надежды; он говорит об Италии будущего. Самое скверное [94]—это невозможность уничтожить сделанное. Ну что ж—остальное доделают. Страна больших возможностей, не исключая и Юга. Орландо—сторонник союза с Францией, в этом—залог мира. Мысли о сближении с Францией. Сделать Орландо другом Франции. Значительная фигура. Республиканец. За ним будущее.

Хотелось бы, чтобы Прада присутствовал при этой последней сцене. Отравление, которому он попустительствовал. Ватикан. Суждение Орландо по этому поводу. Пора покончить. А затем монархия. Я недостаточно подчеркнул антагонизм между Югом и Севером в лице Прада и Сакко. Нужно, чтобы это отметил Орландо. Сакко уже постепенно пожирает Прада. Как раз Сакко-тот депутат, которого прочат в правительство. Быть может, сразу сделать его министром, [95] одним из мелких, например, общественных работ. При кабинете Криспи¹⁵—о нем я упоминать не буду. Сакко попал в правительство и остается там до сих пор. Жена его немножко смущена, однако, приходит навестить дядю. У нее салон, однако, она чувствует себя весьма стесненной. Итак, в ней Юг преобладает над Севером даже в делах. Прада в шуточной форме говорит обо всем этом. Итак, в этой главе все разъясняется. Пьер приходит к Орландо. Особняк. Образ жизни старого Орландо. Его избрали сенатором. Но он пригвожден болезнью к креслу. Охарактеризовать его. Беседа с Пьером. Приход г-жи Сакко и Прада (замешательство Пьера). Беседа, касающаяся Сакко. В кратких чертах вся история Аттилио. Затем Пьер может посетить дворец Буонджованни, побывать на Корсо и на Пинчо. Старик Орландо противопоставляется кардиналу Бокканера. [96] Это более крупная, величественная фигура, светлая личность-будущее. Конец должен быть бодрым! Сколь величественной получается эта фигура героя, обреченного на неподвижность! Запертый в своей пустой комнате, он все-таки властвует над Римом. С высоты холмов Орландо обозревает весь Рим.

Теперь мне хочется обдумать покушение на Дарио. Допустим так. Чрезвычайно бедная семья в Трастевере. Отец-маляр, но приостановка работ выбросила его на улицу. У него дочь шестнадцати лет, очаровательно-красивая, и сын двенадцати, который ревниво оберегает сестру; затем следуют еще четверо или пятеро ребят, последний грудной. Матери всего тридцать пять лет, но дать ей можно все шестьдесят. Первую дочь она родила 20-ти лет, сына—22-х, затем еще двоих—29-ти лет и, наконец, последних-32-х и 34-х. Все они не работают и вообще любят побездельничать. Дочь учится делать искусственный жемчуг. [97] Бенедетта узнает о девушке от Дарио. Дарио рассказывает о девушке в первый же вечер, как он повстречался с ней. Она несла на руках маленького брата. Его поразила ее красота. Очень чувствительный к красоте, Дарио только о ней и говорит. Но перед Пьером встает картина нищеты, в которой живет девушка, он взволнован. Он предлагает Бенедетте пойти навестить бедняков. Девушка слегка удивлена. Однако, шестнадцатилетняя девушка влюбляется в Дарио и затем отдается ему. Тогда брат ее ранит Дарио ножом. Бенедетта же может думать, что покушение исходит от ее мужа. Во время ссоры юноше наносят рану.

Обдумать всю эту историю. Мне хочется, чтобы семья возлюбленной Дарио дала мне настроение народа, жителей Трастевере.

Быть может, придется (пожалуй, это даже обязательно) увеличить семью. Отцу [98] может быть сорок пять лет. Он покорился своей участи

и жалеет о прошедших папских временах: тогда было не хуже; он вспоминает о своем отце. Рядом я дам его дядю, тот пережил 48-й год и до сих пор сохранил республиканские убеждения (но своеобразный тип). Его разговоры. Семью изгнали из Трастевере: их жилище, расположенное как раз в том месте, где должен проходить центральный проспект, сначала разрушили, потом снесли. Семья очутилась на улице и нашла убежище в Прати ди Кастелло. Там она ютится среди ужасающей нищеты, отребьев человечества, собравшихся сюда со всех концов света. Сами же они чистокровные римляне. Эта семья даст мне Трастевере. Пьер чувствует себя в Трастевере, как у себя дома: он привык к бедным парижским предместьям...

[101] Необходимо ввести персонаж, который дал бы мне искусство. Брат художника—пенсионер виллы Медичи¹⁶, атташе французского посольства (дворец Фарнезе). Дипломат по традиции, но своей профессией занимается чрезвычайно мало. Большую часть времени бродит по городу; за остроту в искусстве, против фанатического преследования Ботичелли. Часами созерцает Ботичелли в Сикстинской капелле; отвергает Микель-Анджело-чудовище-и даже Рафаэля; признает Бернини; живет в Риме, где его несказанно пленяют изломанная грация, изнеженный Ренессанс. Этот персонаж даст мне дворец Фарнезе, виллу Медичи, Сикстинскую капеллу, не говоря уже о других галлереях. Мне хотелось бы как-нибудь связать его с основной фабулой. Впрочем, интереснее дать его лишь мимоходом, он как бы олицетворяет тот своеобразный момент, который переживает искусство: какое-то бессилие, тяготение к изящному, к болезненному сладострастию. Его суждение об итальянском искусстве. Он служит во французском посольстве при Ватикане и занимается делами Пьера. [102] Советует ему переждать, так как папа в данный момент принять его не может, говорит, что какие-либо хлопоты через Рамполла могут испортить все дело, и предлагает Пьеру свои услуги в качестве гида по садам Ватикана: пусть он сначала ознакомится с новыми местами, а затем уже с людьми, населяющими их. Совместное посещение капеллы, музеев, парков. Страсть к искусству. Своеобразный католицизм, который получается в результате всего этого; слова виконта де Ла Шу. Все это сделать заключительной частью той главы, где описывается насилие Дарио. Условившись встретиться со своим приятелем в Сикстинской капелле, Пьер приходит туда и застает последнего всецело поглощенным созерцанием Ботичелли: Ботичелли царит над всем, и даже в конце, когда я даю насилие, торжество Ботичелли. Не говорить пока о внутренней отделке собора св. Петра и т. д. - это даст мне в дальнейшем возможность освободиться от папы и описания парка. Главу VII посвятить приему большой партии паломников, причем подробно рассказать о всех денежных сделках, касающихся папы [103]. Однако, я до сих пор не представляю себе, по существу, книги Пьера. Я уже сказал, что в ней не будет ни рассуждений, ни проектов организации католического социализма; вся книга будет преисполнена горячей любви, евангельского милосердия.

Итак, Пьер в одном из бедных кварталов Парижа. В этом беднейшем предместье, среди ужасающей нищеты, Пьер мечтает об обновлении христианства, возвращении христианского учения к своим истокам—христианской общине. В третьем (или четвертом) веке христианство в силу политических причин, от которых зависели его существование и окончательная победа, превратилось в католицизм и стало на сторону богачей

и власть имущих. Итак, нужно, чтобы католицизм вновь обратился к беднякам, покинул царей и богатых, стал на сторону трудящихся. Таким образом, первая часть книги-исторический обзор, где показывается, как возник католицизм и во что он выродился. Вторая часть-анализ современного общества, в основном-анализ нищеты, картина того, чем стал католицизм, [104] почему невозможно дальнейшее существование несправедливости, почему милосердие исчерпало себя, почему вековая несправедливость привела к ослаблению веры. В этом основное. Народ слишком страдает, чтобы сохранить веру. Чудовищная картина разлагающегося современного общества, вызывающая злобу и жажду мести, вот что убивает веру. Старый католический мир сгнил, и, если все не будет перестроено, он окончательно развалится. Третья часть-пылкие мечты о том, чем бы стало современное общество, если бы оно вернулось к евангельским традициям, к христианской общине. Бедняка, простого, скромного человека-вот кого надо превозносить. Все общее, за исключением женщин. Весь мир перестраивается на основе христовой морали. А для этого папа вместо того, чтобы поддерживать царей и власть имущих, должен решительно перейти на сторону бедняков и малых сих. Пьер считает, что Лев XIII уже приступил к такой перестройке общества. Полный наивности, [105] он доводит свою идею до конца; ему действительно кажется, что папа обладает горячим сердцем, тогда как тот, по существу, подобно цезарю, уступает лишь в силу необходимости вновь завоевать народ и сохранить могущество церкви. Пьер поймет это лишь в конце; церковь сплачивает все свои силы; соглашение с первосвященниками на Востоке, призыв к Америке; конгресс всех религиозных течений.

Пьер мечтает о папе, как о духовном пастыре; Ватикан владычествует только над душами, завоевывает мир оружием евангельской морали, подготовляя великую христианскую семью, царство божие на земле. Все народы составят единый великий народ, исчезнут братоубийственные войны, будет построен всемирный, блаженный город будущего. В этом сущность третьей части; будущее—мечта Пьера. Итак, по существу, Пьер мог назвать свою книгу «Новый Рим». Он понимает под этим Рим евангельских времен, [106] в его мечтах Рим снова должен стать владыкой мира, принести благосостояние страждущему человечеству, всеобщий мир.

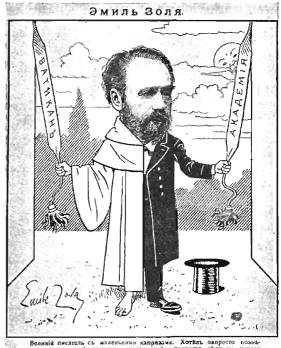
Так, пожалуй, получится неплохо. Во-первых, это даст мне историю первоначальной церковной общины и покажет, каким путем католицизм стал на сторону власть имущих и богачей. Затем, у меня будет картина современной нищеты, рушащегося общества. Наконец, возникает весьма пленительная мечта,—и именно здесь Пьер, не зная, что в действительности представляет собой Рим, допускает ошибку. Как раз эту последнюю часть и уничтожает его пребывание в Риме. Что такое папство, эта обреченная, мертвая сила, которая скрывается за бронзовыми дверями Ватикана? Папа—скорее политик, чем милосердный пастырь; он весь поглощен одним желанием—сохранить народ для церкви, а с этой целью ему важно лишь уничтожить влияние цезаря. Языческий католицизм; в Риме нет места милосердию; тяжкий груз римского язычества и тщеславия несет на себе весь католицизм. Папа со своей веками вынашиваемой мечтой стать цезарем, занять место цезаря.

Только тут Пьер понимает всю нелепость своей книги, все безумие своей мечты и сам сжигает свой труд. Папа не может вернуться к евангельским традициям—он в плену веков, в плену догм. И прав кардинал

"ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ С МАЛЕНЬКИМИ КАПРИЗАМИ"

Карикатура на Золя в связи с его неудачной попыткой быть избранным в Академию

"Стрекоза" 1897 г., № 47

Великій писатель съ маленькими капризачи. Хотяль вапросто помнакомиться съ папов и получиль отказа котказ вапросто състь на первое свободное кресло въ знаделни в, пока, все подучаеть отказы, Избраль для гроби дъткальности два дебиза—патическій и русскій; первый гласить «Nulling das sine linea», второй: «Герпѣпіс и трудь все перетруть».

Бокканера: лучше, чтобы католицизм погиб таким, каков он есть. Нужна схизма, нужна новая религия, которая отбросит порочные догмы, возродит веру. Пьер недооценивает значения науки, которая неизбежно должна привести католицизм к гибели. Не нужно, чтобы Пьер слишком ясно высказывался относительно догм, так как это придаст его книге слишком одиозный характер. Вопрос о догмах Пьер оставляет в стороне, старается уклониться от него, как если бы он надеялся, что догмы, по существу, сводятся лишь к обрядам, которые исчезнут сами собой. Однако, несмотря на все старания Пьера, в книге то и дело наталкиваешься на еретические высказывания. [108] Тут было к чему придраться богослову монсиньору Форнаро. Пьер оправдывается, заявляет о своем подчинении церкви, уверяет, что никак не хотел касаться догм, оставил их неприкосновенными и готов изъять из книги все, что сколько-нибудь задевает догмы. Его книга-это вопль страдания и любви. Однако, Пьер не мог сдержаться в части, касающейся Лурда. В книге есть страница, где он утверждает, что подобные суеверия могут привести лишь к еще большим страданиям. Пьер описывает несчастных, которые стремятся в Лурд, где они находят лишь кажущееся облегчение своим мукам. Он считает, что лишь евангельское учение, распространенное и применяемое во всем мире, способно уничтожить суеверия, обеспечить страдальцам помощь на дому со стороны их ближних. Неправильное распределение общего имущества, тяжкое зрелище людских страданий, дух борьбы, которые замечаются в Лурде,все это не будет иметь места в истинно христианском [109] обществе. Эту страничку, двадцать строчек, которые вменяются Пьеру в вину, нужно сделать. Лурдское духовенство выступило в Риме против книги Пьера.

Пьер узнает об этом на месте. Кардинал Сангвинетти оказался покровителем Лурда, что вызвало по отношению к Пьеру особые строгости. С другой стороны, мне хотелось бы создать крепкий костяк вокруг церковной интриги, поставив за спиной Пьера французского епископа, на которого давно точат зубы при римском дворе. Это весьма благочестивый человек; он разделяет взгляды Пьера; быть может, епископ в одном из парижских предместий, воспитанник семинарии Сен-Сюльпис17, если это удастся и если в Риме будут бояться его влияния. На Пьера донесло лурдское духовенство; последнее, кстати, покажет, насколько велика материальная зависимость папы. Еще больше напортило Пьеру то обстоятельство, что в его лице хотят задеть французского епископа; из-за этого Сангвинетти, а затем и другие начинают вести в Риме кампанию. [110] Пьер высказывается против светской власти церкви, говоря, что папа никогда не был столь велик, как с тех пор, когда он лишился своего царства. Наметить все его доводы. Это расценивается, как преступление, и служит еще одной причиной неизбежного осуждения.

Папа коснется вопроса о светской власти церкви, от которой он не может отказаться; он клялся защищать ее во всей полноте еще в тот момент, когда был возведен в сан кардинала. Впрочем, папа коснется всех вопросов, затронутых Пьером: христианской общины, всеобщего мира, пастыря единого человеческого стада. Все это рассматривается вне всякой связи с наукой; вопрос о науке возникнет лишь в конце.

Заголовок произведения Пьера «Новый Рим» дает мне возможность включить в весьма интересную главу анализ книги Пьера на фоне Рима, который он созерцает однажды утром. Здесь только нужно подчеркнуть, что Пьер видит город как бы в тумане своей мечты; в утренней дымке Пьеру рисуется город его грез. [111] Что за большое желтое здание виднеется там вдали? Квиринал. Пьер не придал ему никакого значения. А эти хмурые фасады? Новые кварталы? Они столь же мало его беспокоили. Словом, первое описание Рима таким, как он рисуется в мечтах Пьера. Наряду с этим, охарактеризовать античный Рим, Рим папства, современный Рим, причем Пьер видит лишь то, что представляется его воображению. Кардинал Бокканера, Орландо, Бенедетта-все они прочли книгу Пьера. Их мнение о ней. Только прочтя книгу Пьера, Орландо, как я уже упоминал, написал Пьеру письмо, где он говорит как раз то, что и послужит заключением. Мне кажется, что момент научный может исходить от Орландо, так как он как раз должен войти в последнюю главу. Обдумать, может ли Орландо работать в какой-нибудь научной отрасли и в какой именно. Во время беседы между Орландо и Пьером [112] вопрос о науке может быть лишь поставлен, а выводы будут даны в конце. Это было бы прекрасно. Письмо Орландо, в котором он советует Пьеру увидеть все собственными глазами. Орландо поразило то чувство пламенного милосердия, которое руководит Пьером. Именно за это Орландо полюбил Пьера, но сам он убежден, что Пьер ошибается, что папа бессилен что-либо сделать и нужно искать нечто иное. Орландо противопоставляется кардиналу Бокканера: последний-за неизменность католицизма, тогда как Орландо-за вечную правоту и торжество науки.

Каково незначительное научное явление, которое показывает Пьеру всю важность науки? Что-нибудь, связанное с Орландо. Мне хотелось бы, чтобы во время первого посещения Пьером старого Орландо он увидел на столе учебник—чрезвычайно простой, элементарный. Пьер замечает

книжку, но не обращает на нее большого внимания, и все-таки какой-то трепет охватывает его. Пьер снова [113] наталкивается на эту книжку в конце, и тут его постигает жестокий удар. Это должно быть элементарное руководство,—особенно ярко подчеркнуть это,—признанное научное про-изведение, разоблачающее «таинства» или, даже проще, одно какое-нибудь «таинство». Обдумать.

Быть может, учебник-одно из тех руководств, которыми пользуются баккалавры, затрагивающее все отрасли науки. Книжка может быть издана на французском языке. Старый боевой товарищ Орландо, француз, с которым тот участвовал в освободительных итальянских войнах, преподаватель университета, посылает Орландо это краткое руководство по всем отраслям науки; он надеется, что, быть может, переведенная на итальянский язык книжка будет принята в итальянских учебных заведениях. Приятель Орландо находится в весьма стесненных обстоятельствах и принужден зарабатывать себе на пропитание. Во время первого посещения Пьера Орландо вкратце упоминает обо всем этом-и контрудар в заключении. «Руководство по физическим и естественным наукам» — физика, химия, ботаника, зоология. Этого достаточно, чтобы показать, как наука развивается, [114] движется вперед становится бесспорной истиной и несет гибель догмам. Школы выращивают все более просвещенные поколения, и догмам не будет места в новых развитых людских обществах. И сколько бы церковь ни пыталась приспособить догмы к новым научным открытиям, она всегда остается в накладе; ей все труднее заставлять верить в непреложную истину старых писаний, и она вынуждена искать защиту в символе. Придет день, когда будет сметено все. Церковь слишком хорошо понимает это. Вот почему папа тратит столько денег на школы, вот почему церковь стремится удержать в своих руках дело просвещения новых поколений. Но книга, как таковая, действует и в духовных школах. Скромный школьный учебник, который церковь отбросить не может, насаждает все большее число неверующих.

Церковь волей-неволей вынуждена знакомить учащихся с общепризнанными [115] истинами, и именно школьные учебники, скромные руководства по мере того, как они будут проливать все более яркий свет на неизвестное, доконают ее окончательно. Я вспомнил об одном персонаже, весьма нужном мне, которого я было упустил из виду, а именно о секретаре кардинала Бокканера. Это маленький, худой, болезненный, желтолицый, вследствие полученной им в Риме лихорадки, аббат. Его постоянно мучают припадки. Я включу его в число персонажей. Наконец, я уяснил себе роль франкмасонства, ненависть к нему церкви. Это церковь против церкви. Крупная организация деистов словно создана для того, чтобы окончательно разбить другую ассоциацию, ассоциацию католическую. Католицизм относится с такой ненавистью к франкмасонству потому, что последнее организовало секту в противовес его собственной сектантской организации; [116] та же иерархия, тот же правительственный аппарат; длительная борьба; взаимопомощь; пособия; община. Масонская община против общины католической. Католическая церковь боится мощного аппарата франкмасонов, в нем таится большая опасность для нее. Франкмасонство грозит все смести. Католическая церковь всегда на-чеку. Мое мнение таково: франкмасонство столь же мало может способствовать гибели католицизма, как и реформа самого католицизма, так как и католицизм и франкмасонство представляют собой лишь два устаревших и, следовательно, застывших явления в развитии человечества. Франкмасонство с его традициями и философией, с его спиритуализмом (?), по существу, есть не что иное, как любая другая отжившая, застывшая в старых рамках религия, которую рано или поздно ждет гибель. Разум человеческий в своем неуклонном движении вперед уже обогнал франкмасонство, превратил его в старую, отжившую, конченную вещь. Франкмасонство только тогда представляло бы для католицизма реальную опасность, если бы оно возродилось, стало бы [117] проявлением самой науки, непрерывно двигающейся вперед. Наука завтрашнего дня-вот что сотрет с лица земли и католицизм и франкмасонство. Словом, франкмасонство с того момента, как оно застыло в каких-то определенных рамках (нужно как следует ознакомиться и проверить это), не есть та сила, которая может уничтожить католицизм. Мне сказали, что в понимании католиков франкмасонство есть деизм, направленный против бога; должно быть, идея божества масонами понимается в гораздо более расширительном смысле и, тем самым, побивает идею католического бога. Что же касается нас, мы никогда не придавали значения социальной и философской роли франкмасонства, так как мы, бесспорно, всегда шли впереди него, наша мысль всегда обгоняла франкмасонские теории.

Франкмасонство как-то и в счет не идет, над ним даже слегка подшучивают. Но одно бесспорно—это мощный покровительственный аппарат для своих членов, для людей, которые взаимно помогают друг другу, проталкивают один другого. Говорят, [118] будто Гамбетта—создание франкмасонов. По мнению некоторых, все деятели ІІІ республики вышли из франкмасонов. Многие становятся франкмасонами, чтобы только сделать карьеру. Попадаются неудачники, которые считают, что, будь они во-время франкмасонами, колесо фортуны для них повернулось бы иначе. Быть может, они правы, не в этом суть. Я попрежнему вижу в франкмасонстве лишь орудие, годное для людей ограниченных, и меня только поражает страх, до сих пор испытываемый церковью перед этой новой религией, созданной для служения одному и тому же хозяину.

Все это лишь доказывает вполне реальное происхождение католицизма, я хочу сказать, его организации. В Риме франкмасонство попрежнему служит для духовенства пугалом. Франкмасоны одержали победу, когда им удалось занять под свою ложу первый этаж дворца Боргезе. Это помещение предназначалось для миланской сберегательной кассы, но франкмасоны пустились на всякие махинации, решившись заплатить любую [119] сумму, только бы добиться своего-отбить помещение и, так сказать, утвердить право на свое существование, показать свою силу, расположившись в одном из самых знаменитых римских дворцов. Необходимо, чтобы Пьер в какой-нибудь главе сказал обо всем этом. Франкмасонство нисколько его не занимает, и он совершенно поражен, когда, например, Нани начинает расспрашивать его, интересуется, не был ли франкмасоном его отец (Пьеру ничего об этом неизвестно) и не поддавался ли он сам влиянию франкмасонов. Объяснения Пьера. Он не верит в отпадение от церкви ради новой, столь же устаревшей религии. Опасность для католицизма представляет наука завтрашнего дня, неуклонно двигающаяся вперед, маленькое школьное руководство, которое, однако, заставляет прозревать.

Теперь, как будто, салон Бокканера достаточно полон. Нужно лишь как-то упорядочить всех персонажей. Салон черных ряс. Конечно, Сера-

фина и Бенедетта, Коклиа со своей немой теткой—[120] вот, пожалуй, и все дамы. Быть может, еще несколько статисток, если это понадобится. Нужно подобрать подходящие типы римлянок. Затем, как основа,—Дарио и Морано. В доме живет также аббат Виджилио, который иногда спускается в гостиную. Я уже говорил о том, что кардинала Бокканера там никогда не бывает. Зато там можно встретить монсиньора Нани, монсиньора Гамбиа (злой язык) и кардинала Сарно. Относительно двух последних я до сих пор еще окончательно ничего не решил, так как мне бы не хотелось слишком загромождать книгу.

Типы двух кардиналов-противников—Бокканера и Сангвинетти—у меня достаточно разработаны. Остается кардинал — «канцелярская крыса», бесцветная личность. Однако, все это дает мне весьма мало, не мешало бы как-нибудь все это упорядочить. Я оставляю в стороне кардиналавикария, главного исповедника, государственного секретаря; о них я упомяну лишь мимоходом. Мне очень хотелось бы иметь одного представителя пропаганды, так как в ней вся сила.

Я могу дать тип [121] кардинала, работающего в аппарате церковной пропаганды. Он руководит миром, не выходя из своей канцелярии; он один из нужных, важнейших, страшных колес аппарата пропаганды. Этот кардинал также вхож в салон Бокканера. Его характеристику я дам через других присутствующих, которые говорят о нем за его спиной. Сам монсиньор Нани чувствует себя смущенным перед этой столь всесильной глупостью. Вот где сила! Как мне говорил Бехэн: «Необходимо тщательно следить за деятельностью пропаганды, так как она представляет собой страшное орудие». Быть может, сделать его префектом; он носит сан кардинала; основная пружина, тупая и, вместе с тем, страшная. Обдумать, возможно ли это. Что же касается монсиньора Гамба, дяди Нарцисса Габера (его сестра замужем за одним из Габеров, убежденным католиком, нотариусом в Париже), я сделаю его одним из агентов Ватикана. Однако, мне кажется, что, пожалуй, лучше совсем выбросить этот персонаж. В таком случае, Нарцисс будет племянником кардинала Сарно. Одна из сестер кардинала [122] замужем за парижским нотариусом, ярым католиком, сына же послали в Рим, к дяде. Это родство открывает перед ним двери Ватикана; кроме того, у него может быть также двоюродный брат, другой племянник Сарно, который служит и живет в Ватикане, какой-нибудь монсиньор (Гардароба). Найти. Во всяком случае, ему известны все тайны папского двора. Так, пожалуй, будет неплохо, так как этот последний даст мне все мелкие интрижки Ватикана, а кардинал Сарно, со своей стороны, - пропаганду.

IV. «НАБРОСОК» К «ПАРИЖУ»

«Набросок» к «Парижу» разработан у Золя значительно острее, чем другие «наброски» романов из серии «Три города». Поэтому мы коснемся его подробнее и установим тесную связь его с романом; это должно послужить материалом к характеристике творческого процесса у Золя.

«Париж»—наиболее социально насыщенный из романов серии «Три города». В публикуемом «наброске» к «Парижу» Золя пишет, что «самой волнующей является проблема социальная и религиозная». При этом он «сливает их воедино» и устанавливает, что экономический вопрос—основа всего, а особенно религии». Такое материалистическое, по существу, разрешение проблемы религии намечалось и в «наброске» к «Риму».

В «Париже» социально-религиозная проблема приобретает характер социально-политический.

До своего горячего участия в деле Дрейфуса Золя одно время относился отрицательно к политической деятельности. Но, имея в виду социально-политическую остроту многих романов Золя (его антибонапартизм, а также враждебные буржуазии мотивы в «Чреве Парижа», «Добыче», «Жерминале», «Разгроме» и др.), «аполитизм» Золя следует считать выражением его скептического отношения к буржуазному парламентаризму, к «гнили, царящей в парламенте». Так нужно понимать и его статьи конца 70-х годов (Сборник «Кампания», 1881) и роман «Его превосходительство Эжен Ругон», 1878, где показаны, по словам писателя, «политические кулисы». Новым в «наброске» к «Парижу» является подчеркнуто-оптимистический вывод Золя: «В повседневной политической истории... под слоем грязи, глупости и безумия все же вырабатывается и постепенно, с каждым днем, разрешается социальная и религиозная проблема». Успокоительные свои надежды Золя оправдывает при помощи условных параллелей: «Нельзя родить ребенка, не запятнав простыней».

«Париж», по замыслу Золя, должен был быть социальной фреской современности. Отсюда, наблюдаемое в «наброске» стремление писателя не упустить ни одной из сторон парижской жизни. Чтобы избегнуть калейдоскопического изображения, нужно было найти объединяющий фокус. Для этого Золя пользуется в рукописном «наброске» панорамным развертыванием фабулы с точки зрения основных своих героев—Пьера Фромана («пассивного наблюдателя», по первоначальному замыслу), главным образом, а также Гильома. Рукописные замыслы Золя определили особенности романа. Писатель не избег известного фабульного нагромождения событий, несколько искусственного, условного их накопления. Стройность фабулы подменена у него схематичностью, построением картины вокруг двух антитетических центров—бедности и богатства, которые должны иллюстрировать существенный мотив романа—потрясающую остроту социальных контрастов в современном Париже, т. е. в буржуазном обществе.

Изображая «черную нищету», с одной стороны, и «денежный веселящийся» Париж— с другой, Золя не дает, однако, в «наброске» четкой картины социальных противоречий этого общества. Она неполна. Социальный облик его «нищеты» неопределенен: «рабочие и нищая проституция, дом в предместье, густо населенный семьями, терпящими величайшие страдания» и т. п.—словом, городская беднота. Мотив труда («а для труда имеется фабрика») не развит в «наброске»; недостаточно развит он и в романе.

Разумеется, Золя — автора «Жерминаля», а также «Западни» и «Труда» — нельзя упрекнуть в том, что он оставил без внимания труд индустриального пролетариата и ремесленников. Но для целостности социальной фрески Парижа картин угнетенного труда в романе недостаточно; это наглядно сказывается и в его замыслах.

В соответствии с «наброском», картины страданий бедняков в романе ярки. Золя описывает умирающего с голоду семидесятилетнего старика-рабочего Лавёва, рисует голодающую семью безработного слесаря Сальва; но это единичные образы трудящихся. Больше внимания уделяется писателем деклассированным элементам, выбитым из социальной колеи. «Социальный ад», который видит Фроман,—это зачастую лишь «чудовищная парижская ночь, полная рыданий отчаянья, разврата и проституции».

Об угнетенном положении трудящегося Золя говорит лишь в образной форме: «отрывистое пыхтение и эловещий рокот заводов и фабрик, где элится, изнывая в тяжелой работе, физический труд». В романе наблюдаются либеральная риторика, цветистые заявления о «несметных легионах нищеты, всей массе обездоленных бедняков, которая в предсмертной агонии требует правосудия».

В романе фигурирует, к тому же, символическая «мстительница»—жрица любви, вышедшая из народа, развратная красавица Сильвиана, любовница барона Дювильяра. В «наброске» образ этот имеет исключительно реалистический, бытовой

характер. В романе же Сильвиана «мстит за всех голодных и обездоленных», «является олицетворением правосудия». Мотив этот, не предусмотренный в первоначальных замыслах писателя, несомненно, навеян был в процессе работы образом Нана, героини одноименного романа, ибо она тоже обрисована мстительницей, как «гниение снизу», «орудие разрушения». В целом же, «денежный и веселящийся» Париж Золя изобразил в ряде ярких эпизодов, продолжающих литературную традицию автора «Ругон-Маккаров».

В отношении моментов художественно-изобразительных больше данных сравнительно с «наброском» имеется в аналитическом «плане». Мы к этому вернемся. Сейчас же достаточно указать для примера на описание музыкального утра у княгини де Арт, Английского кафе, «Кабинета ужасов», наконец, на сцену гильотинирования Сальва, наблюдать которое собираются представители буржуазных верхов и городские низы—воры и проститутки, тогда как рабочие кварталы,—по словам Золя,—загадочно молчат, тая глухой протест против буржуазной расправы. (Замечание это верно, если правильны наблюдения Лейре в его книге «В гуще предместья, рабочие нравы» (1895), что «покушение Вайяна в Палате было встречено одобрительно в парижских фобургах».) Во всех этих эпизодах Золя уподобляется буржуазному моралисту, который бичует, не разрушая: «Не следует проклинать Париж, выставляя его городом публичных девок». Через весь «набросок» проходит красной нитью мысль о том, что «весь этот блеск разврата приемлется». Париж—это какой-то синтез добра и зла, контрастных социальных сил.

Извращенность физическая и нравственное разложение семьи барона Дювильяра сочетаются у буржуазии с модным увлечением символизмом и эстетизмом в литературе, пессимизмом в философии, оккультизмом, анархизмом и т. п. Крайний индивидуализм сына Дювильяра, Гиацинта (Ибсен, Ницше), и авантюристки княгини де Арт особенно подчеркивается в «наброске». Золя пользуется жанровыми картинами из жизни буржуазного светского общества, чтобы опорочить весь комплекс идеалистических и спиритуалистических устремлений конца века. В изображении семьи

ЗОЛЯ НА ПРОГУЛКЕ В МЕДАНЕ

С вобительской фотографии 1890-х гг.

Дювильяров дан также мотив когда-то «прогрессивного» буржуазного рода завоевателей, стяжателей денег, разложившихся через несколько поколений, что четко раскрыто у Золя в романе «Труд».

Но в «Париже» показано не только бытовое, но и социально-политическое разложение буржуазного общества. Тезис, которым руководствовался здесь Золя, заслуживает внимания. Он так характеризует в «наброске» буржуазное миропонимание: «Все, что творится в низах, среди нищеты, является преступлением, а то, что происходит в верхах, у богачей, называется политикой». Вот это «преступление - политику» Золя и показывает прежде всего.

Воплощением буржуазии, «разбогатевшей, благодаря революции», является барон Дювильяр, «золотой телец», «торжествующий Толстяк», «загрязняющий все, к чему он ни прикасается», и, вместе с тем, «грозный человек», «представитель целого класса», как сказано в «наброске». Кризис министерства, которому Золя уделяет в «наброске» очень большое внимание, происходит в атмосфере борьбы за власть представителя республиканской буржуазной демократии, «романтика в политике», министра Барру (Флоке), и человека с волчьим аппетитом, представителя «молодого поколения, жаждущего власти», агента финансового капитала, министра Монферрана (Рувье). Вся парламентская интрига у Золя обрисована, как можно судить по «наброску», на основе и в соответствии с историческими прототипами -- политическими деятелями и событиями Франции 90-х годов. Золя показывает, как вся парламентская жизнь подчиняется подлинному руководителю политической жизни страны-финансовому капиталу, который использует республиканскую форму правления («Дювильяр понял, что ему следует делать в республиканском Париже») для реализации своих целей при помощи монархистов и клерикалов. Характерно, что Золя изобразил Дювильяра католиком, подчеркивая, тем самым, связь его с реакцией 90-х годов.

Чтобы полностью «высказать суждения о парламентской машине» («набросок»), Золя большое внимание уделяет буржуазной прессе, бульварной и «серьезной», в равной мере связанной с реакцией. В романе фигурируют бульварный листок роялиста и «католического социалиста» Санье «Голос Народа» и солидный буржуазный орган «Глобус» Фонсега, консервативного республиканца, защищающего порядок, семью и собственность. Оба журналиста, как мы указали, имели прототипов в современной французской прессе.

В целом, Золя хочет показать «торжество буржуазии», то, что «буржуазия пришла к власти, между тем как народ обманут: в этом основная идея» («набросок»). Вот почему он уделяет много внимания историческому происхождению буржуазной власти, указывая, что она захвачена «при дележе добычи 89-го года... в ущерб четвертому сословию». Здесь Золя нельзя отказать в понимании закономерности исторического развития.

Рисуя социальные противоречия буржуазного общества, контрасты нищеты и богатства, Золя особенной критике подвергает правящую финансовую олигархию. Под влиянием увлечения Золя индустриальным развитием, отношение его к буржуазии, стоящей во главе промышленности и торговли, несколько иное. Я имею в виду (в романе) заводчика Грандидье, представителя передовой индустрии (производство велосипедов, автомобилей), и его брата, заправилу крупной торговли (магазина «Бон-Марше»). Грандидье обрисован, как последовательный капиталист. Но, по мнению писателя, Грандидье подчиняется железному закону производственной эволюции: «У него не было ни малейшей возможности удовлетворить даже такие требования рабочих, законность которых он сам в принципе признавал». Это знакомый нам по «Жерминалю» и «Дамскому счастью» «прогрессивный капиталист» (характерно, что Грандидье, по словам рабочих,—«добрый человек»). Он иллюстрирует, по мысли Золя, фатальность экономического развития капиталистической системы.

Отголоском биологизма Золя является следующий мотив. Золя рассказывает о мрачной семейной драме фабриканта Грандидье, любимая жена которого сошла с ума и продолжает жить в его доме. Эти человеческие муки Грандидье используются Золя для защиты своей мысли о том, что достижение социальной справедливости еще не разрешает проблемы человеческого счастья. И вот, чтобы обострить контраст социального и биологического, Золя рисует в романе благоденствующий завод Грандидье, семейная трагедия которого остается неизменной. Этот мотив имеет существенное значение для характеристики мыслей Золя, он встречается и в романе «Жерминаль». И там семейная драма директора Энбо противопоставляется социальной драме шахтеров. Но и в «Жерминале» и в «Париже» мотив этот имеет декларативный характер и органически не связан ни с фабулой, ни с конфликтами действующих лиц.

На фоне социальных контрастов «Парижа нишеты и роскоши» Золя нарисовал образ анархиста Сальва. Его террористический акт-брощенная в карету барона Дювильяра бомба, преследование Сальва полицией в Булонском лесу, суд над ним и затем казнь центральные эпизоды фабулы, вокруг которых развертывается все действие романа. Характерно, что в «наброске» у Золя были колебания между образом Э. Анри (Матисом), молодым анархистом, который свидетельствовал о «горечи, накопившейся у молодого поколения», и Вайяном (Сальва). Золя предпочел, в конечном счете, Вайяна—старого рабочего, теснее связанного с тяжелым бытом рабочей среды: «Пожалуй, лучше взять Вайяна. Черная нужда, жена или любовница, малолетняя дочь». Умонастроение безработного Сальва объясняется в романе, как акт отчаяния и протеста. «В основе террористического акта — нищета». Эмилю Анри Золя отвел роль на втором плане, отбросив мелодраматическую интригу (юноша Анри-брат девушки, на которой женится Пьер, по первоначальному предположению писателя). Но органической связи у Сальва с рабочим движением нет. Золя сравнивает Сальва с рабами-христианами, говоря о его «мечтах об искуплении»; идеи Сальва определяются в романе, как хаотическое сочетание современных социалистических воззрений со стремлениями к абсолютной справедливости, всеобщему счастью.

Характеристику анархиста Сальва можно отнести, в известном смысле, к категории сочувственных высказываний, стремящихся объяснить, но не оправдать его действия. Покушение Сальва, по мысли Золя, —это «предупреждение по адресу богачей»: «только намекнуть на то, что все это возобновится». Но Пьер Фроман относится к покушению Сальва, как к недопустимому насилию, и потому, в сущности, что оно рассматривается им не столько, как акт анархического террора, но вообще, как проявление революционной борьбы с буржуазией. Ведь, по словам Золя, «анархист [т. е. Сальва] восстает против денег, против капиталистического общества».

Пьер Фроман отвергает революционное завоевание массами земных благ, «братоубийственную войну классов, которая уничтожит старый мир... поглотит нашу цивилизацию». При всей критике буржуазии Пьер Фроман не мыслит новых форм социальной жизни вне капиталистических отношений, и все его старания направлены на то, чтобы избегнуть катастрофы—«урагана гнева и справедливости, грозы возмездия» и т. п. В страхе перед «грядущим кровавым возмездием подыхающих с голоду бедняков» он обращается к благотворительности буржуазии и «хочет смягчить эгоизм верхов». В их среде «очаровательный священник», «настоящий святой» находит известный отклик. В конечном счете, Пьер Фроман становится орудием в руках буржуазии.

Гильом Фроман, по первоначальному замыслу Золя, мечтал «взорвать биржу» или же Сакре-Кёр, Триумфальную арку, богатый квартал («набросок»), т. е. сочувственно относился «к самым преступным видам революционных насилий», но, в конечном счете, так же как и Пьер Фроман, он становится принципиальным противником «анархического братства, достигнутого путем террора» («набросок»). То же следует сказать о Бартесе, Баше, Морене, Меже и других представителях различных течений социальной мысли.

Золя достаточно ярко показывает, что террористический акт Сальва, «гидра анархии» расцвечивается в прессе для устрашения буржуазии. Защита цивилизации от взрыва бомбы «спасает кабинет». Правосудие находится «в полном подчинении у властей». Цель буржуазии—«опозорить анархию, а также социалистическое революционное движение в целом», «свирепый социализм, собирающийся разрушить все до основания».

Девяностые годы были во Франции временем мощного развития рабочего социалистического движения, и, в известной мере, роман «Париж» был ответом на обострение классовой борьбы. Однако, внимание писателя сосредоточилось на анархических покушениях, поразивших в то время общественное мнение.

В начале 90-х годов в Париже был произведен ряд покушений, следовавших одно за другим; бомбы взрывались то перед казармами, то в домах судей, приговаривавших анархистов. Арест одного из главных виновников, Равашоля, не положил конца этим актам; в ночь, предшествовавшую его процессу, был взорван ресторан, где его арестовали, а через несколько месяцев произошел новый взрыв в полицейском участке. «Был момент, когда в Париже и во всей Франции царила общая паника». Так пишет Ф. Дюбуа в своей книге «Анархическая опасность» (1894). Наглядным свидетельством остроты анархистской пропаганды является, например, сатирический журнал «Le Père Peinard» (1888—1894). Наконец, в 1893 г. анархист Вайян бросил бомбу в Палате депутатов. Под впечатлением этого события были вотированы репрессивные законы против революционеров в целом. Золя изучал анархическое движение по целому ряду книг и документов (судебные отчеты о процессах Равашоля, Вайяна, Анри и др.).

Золя стремился дать себе отчет и в социалистическом движении XIX в.: «Я изучу все социалистические секты, чтобы узнать, в каком положении находится социалистическое движение в настоящее время» («набросок»).

Но, рисуя представителей учений Сен-Симона, Фурье, Огюста Конта, Прудона и Маркса, Золя односторонне подводит итог социалистическим теориям. За исключением коммуниста-коллективиста, депутата Межа (Жюля Геда), которого он изображает на парламентской трибуне, другие—Баш, Морен, Бартес—представлены не в обстановке социально-политической борьбы, а в интимном кругу, что позволяет им ограничиться декларациями. Золя сознательно делает их «статистами». Конкретного социалистического и рабочего движения конца XIX в. Золя не касается, хотя, как известно, в 80-х и 90-х годах рабочее социалистическое движение Франции отличалось значительной активностью и сложностью (поссибилисты, гедисты, аллеманисты и др.).

Однако, характеристики, данные Золя различным представителям «революционного» движения, интересны. Бартес (Гамилькар Чиприани или Бланки) изображен, как вечный заговорщик, «апостол свободы, который провел всю жизнь в тюрьмах», «республиканец, преследуемый самой же республикой». Это мученик-идеалист, как Флоран из «Чрева Парижа», верящий в доброту человека, преисполненный отвлеченных надежд на торжество истины, добра и справедливости. Учитель Морен, демократ в духе Прудона, обрисован у Золя, как эволюционист, сторонник позитивиста Конта, противник крайних революционных действий. Следует подчеркнуть, что Золя осознал, что этот идеалист в душе «склоняется к реакции». С наибольшим сочувствием относится Золя к муниципальному советнику Башу, стороннику идей Фурье. Взоры Золя, по существу, устремлены в прошлое, «к идеям реформаторов начала века — Сен-Симона, Конта, Фурье... К тому порыву гуманитарных чувств, которые рухнули вместе с 48-м годом». Золя верит, что «наука вернется к мечте реформаторов и сохранит все, что нужно сохранить для того, чтобы мечта эта, наконец, осуществилась». Это был возрожденный утопический социализм, фурьеризм, который вдохновит Золя на роман «Труд», где нарисованы привлекательные картины в духе фаланстерской организации Фурье и проводится мысль о сотрудничестве «труда, капитала и таланта». В романе «Париж», в противоположность «наброску», можно отметить критическое суждение Золя о представителях утопического социализма. Золя говорит, что Баш придерживался идеи о труде, «облеченном полицейскими правилами, о фаланстере, устроенном наподобие казармы».

При всей человеческой симпатии к вождю «коллективистической партии», депутату Межу, которого Золя изображает благородным (личная, семейная жизнь, демонстрация против казни Сальва, несмотря на различные с ним убеждения), Золя говорит о нем, как о властном мечтателе.

Связь «Парижа» с предшествующими романами из серии «Три города» сказывается в том, что Пьер Фроман изображен социальным реформатором в церковном обличии. Религиозный кризис имеет у него социальную окраску. И поэтому Золя разработал образ Фромана в романе так, что сознание социальных противоречий буржуазного общества облекается у него в формы апокалиптические—это «неизбежная катастрофа», «бунт, избиение, пожар», которые оставят на месте Парижа «зловонное болото среди развалин». Фроман воспринимает преступления буржуазии «с мучительной тоской человека, ожидающего каждый вечер удара в набат, который возвестит о предсмертном часе устаревшего общества». Так пишет Золя в романе. Эта социальная «катастрофа» мыслится Фроману не как прогрессивная смена одной социальной формации другой, а как последствие греховности человечества. Ему представляется «снесенный с лица земли преступный и осужденный род человеческий».

В «наброске» к «Парижу» Золя говорит, что «социальное и политическое влияние евангелия было бы пагубным, будь возможно его применение», и это приводит Золя без обиняков к заключению, что «с христианством, как таковым, покончено». Здесь—средоточие антирелигиозного акцента всей серии романов «Три города». Именно потому, что проповедью о «покорности» и «ложью о будущем рае» уже нельзя обманывать бедняков, тщетны уловки неокатолического движения, маскирующегося под демократию. Христианской религии герой романа Пьер Фроман противопоставляет новую «социальную религию»—науку и труд. Это—ось, вокруг которой вращается вся фабула книги.

Осознав «смехотворную бесполезность благотворительности», Пьер Фроман приходит к пропаганде социальной справедливости. Но лозунгу этому придан вначале религиозный характер в духе Достоевского: «Разве не довольно смерти от холода и голода хотя бы одного старика, чтобы рухнул общественный строй... Одна жертва влечет за собой бесповоротный приговор такому общественному строю». Помощь бедноте рассматривалась Фроманом, как проявление религиозного сознания, как «искупление». И поэтому проявление «милосердия» со стороны буржуазии пробуждает в нем надежды, что это путь к спасению общества. Но, в конечном счете, Пьер Фроман понимает всю ложь и утилитарный характер буржуазной филантропии. В романе особенно ярко показано, как при распределении помощи отвергаются неугодные буржуазии элементы. В старике Лавёве «видят революционера, потому что он ругает буржуазию». От религиозного сознания гибели современного греховного общества Пьер Фроман пришел к социальному требованию умерить эксплоатацию трудящихся в надежде, тем самым, избежать социальной катастрофы.

Если Пьер Фроман меняет лозунг «милосердия» на лозунг «справедливости», то эта отвлеченная формула имеет у него и конкретный социальный смысл, ибо само содержание «справедливости»—не в отказе буржуазии от власти, а в более равномерном распределении общественных благ. Золя апеллирует к сентиментальному доводу о «справедливости», страшась «бунта против общественной несправедливости». По общему замыслу романа «Париж» ясно, что полнее других высказывает эти мысли ученый Бертеруа (химик Бертело, на которого Золя ссылается в «наброске»).

Отношение Бертеруа к революционному действию отрицательно. Бертеруа защищает идею «о науке, стоящей над всем», ибо «только наука революционна». Это поддерживают в конце романа и Пьер и Гильом Фроманы. Но, судя по ряду замечаний Золя

в романе, он сознает, что «спокойный и грозный сторонник эволюции, Бертеруа с политической точки эрения консервативен».

Нужно помнить, что в процессе работы Золя не вполне представлял себе роль Бертеруа—Бертело. Он считал его представителем научного мира и хотел использовать то как химика, определяющего значение изобретений Гильома, то как хирурга, лечащего его после взрыва. Лишь в романе фигура Бертеруа окончательно определилась, и выросло значение этого первоначально «эпизодического персонажа».

В 90-х годах социальные идеи Золя складываются в определенную концепцию о мирном сотрудничестве классов; он бросает лозунг о «солидарности, как средстве». В социальном развитии Золя оставляет организующую роль за научно-технической интеллигенцией, как это видно из романа «Париж» и четко обрисовано в социальной утопии «Труд». Прообразом людей будущего является у Золя семья Фроманов, которых вдохновляет труд: «Оба брата сходятся на идее труда». Всех членов семьи Фроманов Золя называет рабочими, включая Пьера («священник, ставший рабочим», потому что «искупление не в Христе, а в труде»). Сыновья Гильома, в равной мере, представляют как Нормальную школу, так и заводы. «Других рабочих,—говорит Золя в «наброске»,— не надо». В лице девушки Мари, жены Пьера, Золя хотел дать образ передовой женщины, сочетающей знания (у нее диплом) с женственностью (воплощение плодовитости).

Название романа «Париж», по замыслу Золя, имеет особый идейный смысл. Носителями социальных чаяний Пьера Фромана являются не те или иные общественные группы, а город Париж в целом—«город жатвы, город—источник всякого света» («набросок»), откуда должны распространяться истина и справедливость. Париж изображен в романе, как «улей трудящегося человечества», «бродильный чан, где вырабатывается вино будущего», своего рода мистический синтез—«чудовищная смесь наилучших и самых худших элементов». Для возвеличения Парижа Золя обращается к его истории и говорит о французской столице, «изборожденной столькими революциями, удобренной потом и кровью стольких тружеников и мучеников».

Идеальное социальное освобождение в представлении Пьера Фромана неизменно связано с судьбой Парижа, «стоящего во главе всего мира» («набросок»), а потому, естественно, для спасения мира необходимо, чтобы победа осталась за Парижем. Этот своеобразный мессианизм сочетается в «наброске» Золя с проблемой использования взрывчатого вещества, изобретенного Гильомом Фроманом, о чем сказано ниже.

Золя несколько раз подчеркивает в «наброске», что роман «Париж» носит оптимистический характер: он хочет «закончить гимном надежды». Золя проповедует «веру в науку и разум», новую религию, основанную на «законе труда», «религию жизни и плодовитости». Это он называет социализмом («В будущем—социализм»). Вот почему в «наброске» говорится о «всеобщем и безусловном труде», о том, что необходимо «сократить труд при помощи машин» и т. п. Но, хотя Золя и говорит о труде, как о новой «социальной религии», представление его о новых формах социальной организации общества неопределенно. Из «наброска» особенно явствует, что, когда Золя заявляет, что «все регулирует закон труда», он мыслит «труд» не только как социально-экономическую, но и как биологическую категорию («жизнь есть труд»), связывая ее с проблемой плодовитости. Все же гимн труду в романе «Париж» возвышает положение трудящегося, и в этом интерес положительной концепции романа «Париж». Критическая же сторона романа Золя подчеркнута его тезисом, что «старое общество рушится».

Много внимания уделяет Золя в «наброске» к «Парижу» проблемам войны и всеобщего разоружения. Золя бросает идею, что усовершенствование разрушительных качеств техники сделает войну невозможной. Вот почему он предполагает, что Гильом изобретет взрывчатое вещество или снаряд, благодаря которому «целая армия» (или флот, город, страна) может быть уничтожена на расстоянии. Два пути представляются Гильому. Как «интернационалист», он хочет достигнуть братства народов, одновре-

менно опубликовав свое изобретение в ряде стран или доведя о нем до сведения различных правительств, что приведет ко всеобщему разоружению. Как «патриот» (отчасти под влиянием того, что его ученик «хочет тайну... изобретения продать Германии»), он стремится передать свой секрет Франции, так как считает ее «способной спасти мир». Утопическую идею о невозможности войны в связи с развитием военной техники Золя разовьет затем в романе «Труд». Соответствующую мысль высказывает он и в предсмертных своих замыслах. В «наброске» к «Парижу» мысль о роли взрывчатого вещества мучительно выкристаллизовывается у Золя, и в результате взрывчатое вещество используется не в качестве разрушительной, а созидательной силы при конструкции нового двигателя, средств передвижения, воздушных шаров, машин и т. п. В конечном счете, труды Гильома «толкают человечество на путь прогресса и братства», «освобождения, справедливости, труда». Но в обоих вариантах проблемы с взрывчатыми веществами—«интернациональном» и «патриотическом»—руководящей идеей для Золя и его героя была идея «о любви к человечеству». Этот гуманитаризм характерен как для Пьера, так и для Гильома.

Значительный интерес представляет «набросок» Золя к «Парижу» и как свидетельство работы писателя над фабулой романа. Разумеется, больше внимания уделил этому Золя в своих аналитических «планах». Но и в «наброске» проблема построения романа в соответствии с общими идеями произведения (например, контраст нищеты и богатства) выявлена в достаточной мере. Золя хочет создать «необходимое живое действие», «все крепко скомпановать, построить разумно и интересно» и т. п. Поэтому он стремится описывать «не запутанно», а, наоборот, «очень легко», в ряде коротеньких сцен, радуется при мысли, что «первая часть задумана блестяще, живо», распределяет в целях композиционной стройности всю фабулу на пять частей по пять глав в каждой и т. п.

Заботит Золя и психологическое правдоподобие отдельных мотивов. Взять хотя бы «драму с братом». После ряда колебаний Золя пришел к реализованной им в романе коллизии: вместо самоотречения Пьера, отказа от плотской жизни, Гильом уступает ему любимую девушку. Так Золя разрешает проблему плодовитости в отношении священника, отрекающегося от католического, церковнического мировоззрения. С другой стороны, Гильом под влиянием Пьера отказывается от террористического акта. В конечном счете, борьба между братьями завершается гимном жизни. Большое внимание уделял Золя также анализу взаимоотношений Пьера, Мари и Гильома. Первоначальную мысль свою о девушке, которую Пьер «спасает от какой-нибудь беды» («она уже не девственница, голодная и избитая»), Золя, видимо, реализовал в романе «Труд». Здесь Жозина является воплощением страданий всех трудящихся.

Несомненно, художественные проблемы «Трех городов», сравнительно с предшествующей серией романов «Ругон-Маккары», привлекали значительно меньшее внимание писателя. В анализируемых нами «набросках» Золя сосредоточивался, главным образом, на вопросах тезисного характера. С художественной стороны наибольший интерес представляет роман «Париж».

* Текст «наброска» к «Парижу»:

[1] Из всех современных вопросов самой волнующей является проблема социальная и религиозная. Иных не существует. В повседневной политической истории—низкой, грязной, отвратительной—проблема эта, тем не менее, втайне обсуждается, и, по сути, самое разрешение ее и вызывает ожесточенную борьбу гнуснейших интересов, которые, сталкиваясь, готовы пожрать друг друга (всевозможные панамы, глупейшая антисемитская война и весь позор нашего времени, с его продажной политикой отдельных личностей).

Здесь, быть может, и заложена основная идея, в целом, моего «Парижа». Показать, что под слоем грязи, глупости и безумия все же вырабатывается и постепенно, с каждым днем, разрешается социальная и религиозная проблема... [2] Это именно и поймет Пьер в конце, в заключительной части, где он, в целом, резюмирует все политические гнусности, коих был свидетелем, и это выливается у него в громком крике успокоительной надежды. Париж-город жатвы, город-источник всякого света (Рим, Лондон, Нью-Йорк, Берлин, нет-Париж). Говоря о проблеме социальной и религиозной, я сливаю их воедино. Социальное движение должно поглотить движение религиозное, оно захватывает его: религия должна быть социальной. Равным образом, в основе лежит только одна экономическая проблема-богатство, собственность, и в конечном счете все регулирует лишь закон труда. Всеобщий научный закон труда: жизнь есть труд. Затем плодовитость, жизнь, мать и отец, чета существуют только ради ребенка. Почитание жизни на основе идеи, составляющей, думается мне, сущность старых религий-Египта, Азии, Греции, для уничтожения которых явился Христос (изучить). [3] Но с самого начала книги хорошенько установить, что основой всего является вопрос социальный и религиозный, от него зависит будущее, и лишь он занимает всех, даже бессознательно. Таким образом, содержание книги-Пьер в поисках за разрешением проблемы среди всей окружающей низости, приступы уныния и надежда в конце, когда он констатирует, что мы все же движемся вперед. Все современное социалистическое движение, все школы, беспристрастно изучающие предмет: они занимаются только возбуждением тех или иных вопросов о новом законе труда, который лишь намечается; католицизм утверждался в течение четырех столетий. Старое общество рушится, помимо воли все увлекая за собой. А будущее сулит мир и справедливость. [4] Аббату Пьеру трудно оставаться аббатом до конца. Он уже не может больше носить сутану и совершать богослужение. Он должен уйти из церкви если не немедленно, то хотя бы после размышления. После Рима всякая вера в нем умерла, было бы гнусно оставаться священником. Он может еще некоторое время носить сутану, но не должен совершать богослужения. Итак, [5] сперва он снова сходится с аббатом Розом, пока не убеждается в смехотворной бесполезности благотворительности (здесь придется, пожалуй, дать ужасающий очерк страшного Парижа). Все, что творится в низах, среди нищеты, является преступлением, а то, что происходит в верхах, у богачей, называется политикой. Буржуазия пришла к власти, между тем как народ обманут: в этом основная идея, все должно начаться сызнова, новый шаг вперед.

Он больше не совершает богослужения, но рясу носит, продолжая свое дело благотворительности вместе с аббатом Розом (ряса—последнее его достояние, с которым он расстается, в конце концов, когда порвет совсем, когда перестанет верить даже в милосердие и у него останется лишь вера в будущую справедливость).

Его драма с братом, а затем знакомство с миром социалистов всех толков. Весь Париж. [6] Стесняет меня, однако, то, что я никак не могу его женить. Для меня очень важна идея плодовитости, но я отнюдь не представляю себе Пьера плодовитым, женатым, отцом многочисленной семьи; мне кажется, что это противоречит созданному мною образу, а между тем, такой конец был бы логичен—возвращение к природе, вера в жизнь, надежда на плодовитость. В таком случае, надо закончить ребенком, как в «Докторе

АВТОГРАФ "НАБРОСКА" К РОМАНУ ЗОЛЯ "ПАРИЖ" Библиотека Межан в Экс-Прованском, Франция

Le problème social et roligioux, il n'y ma par d'angite som toute les genetour modernes doutweig. Dons cette historie un jour le powide la politique di bane, li salie, li vilaire il se debat powitant objustement, et a u est en somme que pour le resoudre to que tout de laide weroitien s'achonent se buttent, se devore plus s'un s'achonent se buttent, se devore plus s'un s'achonent se buttent, se devore plus s'un et es la grave ideot de l'anterent est de vere veralité. I un peut tre la la vere superieura, l'ide generale et d'ensemble de mon sorie, Montres que sorre la sortie de bone et de folie, le problème social et ruligieux s'éle-borse quand même, se resond un pe

Паскале». В первой главе появляется девушка, которую Пьер спасает от какой-нибудь беды; она уже не девственница, голодная, избитая, такая грязная, что он не может ее разглядеть. И вот на протяжении всей книги любовь к нему этой девушки (постепенно возрастающая). Он ее не любит, потом начинает ее желать, затем обладает ею и в тот день снимает рясу навсегда (само собою разумеется, что он не совершает больше богослужений). Заметки по этому поводу. Было бы так романтично устроить как можно больше драм. (А Мари? Может быть, не упоминать о ней больше?) [7] Итак, в заключение ребенок, плодовитость, долг, труд. Но мне хотелось бы, чтобы настоящая драма разыгралась между обоими бра-

хотелось бы, чтобы настоящая драма разыгралась между обоими братьями. Их связывает огромное братское чувство. Меня берет больщое сомнение. Мне очень хочется, чтобы в заключение Пьер был женат, имел ребенка-примиренный с жизнью, плодовитостью. Но это не соответствует моему представлению о священнике. Я мыслю его несчастным; оплодотворив женщину, он уходит и живет отдельно, удовлетворенный. Мне хотелось бы, чтобы он был если не возвышеннее, то хотя бы более трагичным. Ему сорок лет, цветущий по возрасту, но он наполовину обессилен долгим воздержанием. Обдумать, сделать ли его девственником или же дать ему пережить позор желания познать женщину, перед которой он, однако, отступает из-за робости, неведения, отвращения, в силу долголетней привычки священника, отталкивающей ее. [8] Если какой-нибудь орган не употребляют, он атрофируется. Тут нужен крайне деликатный физиологический анализ. Затем идея, что церковь налагает на своих священников известный отпечаток, истощает их и обособляет. Он чувствует себя обособленным, робким, неловким, клятвопреступником. Впрочем, разве не бывает в природе подобных жертв; ведь он один из тех, кому не удается

выполнить того дела, какое он призван выполнить—воспроизвести себя. И вытекающее отсюда унижение. Обратное тому, что говорит и осуществляет церковь—облагораживающее действие целомудрия и самоотречения. Он не вытерпит в конце, но будет ужасно страдать и окажется жертвой. Этим и объясняется жестокая борьба. Поэтому я и сохраню эту идею: красивая девушка, которую он подберет на улице в ужасной нищете и которую полюбит за ее здоровье, красоту, плодовитость. Он бросает [9] рясу (мысли девушки в тот день, когда он снимает рясу и впервые надевает партикулярное платье; но ему ясно, что девушка никогда не забудет, что он был священником).

Итак, неизгладимый след, оставленный священническим саном, целый мир, который умирает, должен умереть бесплодным. Мне представляется, что он отдает девушку своему брату, который живет с двумя детьми; любовница его умерла. Свободный брак. Брат ценит девушку, считает, что она произведет на свет прекрасное потомство. Она ходит за детьми брата. Это Пьер поместил ее у брата в качестве воспитательницы его детей. И замечание брата: «О! Эта народила бы прекрасных детей». Любовь к ней Пьера. Брат, зная, что Пьер ее любит, не думает о ней, несмотря на то, что считает ее прелестной.

Далее—каким образом Пьеру удается выдать ее за брата, рождение ребенка в заключительной части [10] и еще много прекрасных детей в перспективе.

Итак, самоотречение Пьера, который уступает эту женщину брату; мне хотелось бы еще, чтобы он героически пожертвовал жизнью ради брата. Предположим, что я возьму одного из Реклю¹⁸ (без семьи), я сделаю из него анархиста, занимающегося пропагандой действием. Молодой человек мечтает о коллективном убийстве. Предположим даже, что он совершает его в начале книги. Он исчезает, его не сразу находят. Гильом. брат Пьера, скомпрометирован, он спасается бегством и встречает Пьера. который его прячет. Быть может, следует поместить покушение в начале книги. Он исчезает, его не сразу находят. Скомпрометированный Гильом бежит, оставив двоих детей в маленьком доме на Монмартре. Итак, братья встречаются. Молодой анархист, который совершит покущение, бывает запросто у Гильома. Я ничего не могу сделать, пока не зафиксирую психологический образ Гильома. Ученый-химик, изучающий [11] взрывчатые вещества; но у него имеются другие важные научные труды; пользуется большой известностью у официальных ученых, несмотря на свой замкнутый образ жизни. Если Пьер, в конце концов, становится сторонником эволюции, то и Гильом от него не отстает. Но в его представлении эволюция допускает вулкан, который извергается и все смешивает. Все революции на земном шаре произошли путем катастроф; жизнь развивается отнюдь не равномерно, ибо бывают внезапные революции, катастрофы, ускоряющие смену новых явлений. В истории и социальном движении существует такой же порядок-все исторические насильственные перевороты, Французская революция и т. д. Итак, он убеждается в возможности и даже необходимости насилия.

Может ли он сам задумать его, пожелать самому его выполнить? На этом пункте я должен остановиться, чтобы точно зафиксировать события в моем романе. Я прекрасно понимаю, как трудно, чтобы такой ученый и такой добрый человек, как Гильом, оказался виновником коллективного [12] покущения. Но в теории он может его одобрять, в крайнем случае извинить, и то, что он говорит своему брату, возмущает того.

Итак, я сделаю Гильома ученым, который работает на пользу будущего. Идея, что изобретение взрывчатых веществ сделает в будущем войну невозможной. Целая армия может быть уничтожена на расстоянии; таким образом, братство народов достигается в силу самой доступности разрушения. Идея родины; Гильом—интернационалист. Но я могу дать ему другого ученика, который хочет тайну какого-нибудь своего изобретения продать Германии; гнев Гильома, в нем пробуждается любовь к родине. У него может явиться мысль опубликовать свое открытие, чтобы весь мир узнал о нем, и тогда прекратятся всякие войны и всеобщее разоружение будет вопросом дней.

Я, кажется, придумал нечто очень величественное—ученого-изобретателя: [13] одного снаряда достаточно, чтобы уничтожить армию, флот, город, целую страну; и связанное с этим могущество, внутренняя борьба. Я сделаю его очень добрым, простым, отнюдь не стремящимся к власти и к славе, а главное, к деньгам. Если бы он захотел, то завтра же был бы очень богат, окружен большим почетом, хозяином мира. Но он очень добрый, и у него только одно желание—быть полезным, водворить царство с праведливости; интернационалист, пожалуй, коллективист, по существу же, мечтатель или, наоборот, очень практичен, раз я хочу мечтателем сделать Пьера. И вот он останется патриотом, хранит секрет своего изобретения для Франции и хочет передать ей власть над миром, ибо считает ее способной спасти мир; тут и возникает идея о Париже, стоящем во главе всего мира, ему предначертано судьбой создать будущее.

Когда Гильом чувствует, что его хотят обокрасть, что его ученик хочет продать тайну Германии, он распаляется гневом, становится патриотом; его [14] первоначальный план—как интернационалиста, социалиста, не имеющего родины, мечтающего о всеобщем братстве,—опубликовать свой проект, дабы все народы разоружились, о чем я уже объяснял выше. Потом он может передать все могущество Франции для того, чтобы она стала воспитательницей, инициатором. Париж—родоначальник будущего. Тут Гильом должен посвятить в тайну своего изобретения Пьера, считая свою жизнь в опасности, быть может, от полученной раны или по другой причине. Это нужно для того, чтобы Пьер не исчез и принял на себя долю ответственности и душевной борьбы.

Анархист, совершающий покушение в общественном месте—в Палате или где-нибудь еще, может быть, на бирже, —близкий знакомый Гильома, так что тут возможна попытка вмешательства; и Гильом, для которого ясна цель преступления, бежит, прячется, [15] чтобы не быть замешанным в дело, особенно боясь, как бы у него не выкрали его тайны. Он укрывается у Пьера, приносит документы, все свои рукописи. Ночь, когда, истекая кровью, он объясняет Пьеру свое изобретение, извиняет анархиста, говорит о своей душевной борьбе.

Но у меня все еще нет развязки, где мне хотелось бы изобразить одновременно Париж—инициатора, своим усилием, трудом, освободительным гением приносящего впоследствии миру справедливость, и Пьера, умирающего за брата, за человечество, спасающего будущее. Развязка должна заключать в себе судьбу изобретения взрывчатого снаряда.

Изобретение Гильома несет с собою власть при посредстве террора, и если Пьер преследует только справедливость и регламентацию закона всеобщего труда, он, по существу, должен питать лишь ненависть к насилию, к средствам разрушения. Если он на миг допускает их, [16] то

единственно, как переходное средство, временную насильственную меру в эволюции, как это происходит и в природе. Но властвовать только потому, что обладаешь возможностью все разрушить, -- такая мысль кажется ему дикой, она леденит его. Он видит в ней диктатора, который заставляет всех повиноваться, потому что держит в своих руках жизнь и смерть; в этой мысли есть что-то варварское, даже если допустить, что диктатор является апостолом правды и справедливости. Ведь у него всегда наготове его смертоносный снаряд, чтобы поразить тех, кто не хочет быть добрым. Это библейский Иегова. И у Пьера он вызывает ужас. Таким образом, если бы я даже сделал так, что он на мгновение допускает подобную теорию, я не мог бы заставить его придерживаться ее в развязке. Поэтому я хотел бы закончить новым изобретением; все же прекрасные [17] труды Гильома, в целом, толкают человечество на путь прогресса и братства. Трудно придумать одно-единственное изобретение, которое осчастливило бы человечество; между тем, совокупность научных работ толкает его на путь освобождения, справедливости, труда. В основе развязки должна, главным образом, лежать идея всеобщего и безусловного труда. В ней должна быть сущность религии и философии. Изобретения выдвигают необходимость всеобщего труда. Сократить труд при помощи машин, уменьшить усилия, людские страдания. Но человек все же остается работником, руководителем, и каждый получает свою долю по заслугам. Таким образом, мне нужна в конце драма именно в этом смысле. Изобретенное взрывчатое вещество может оказаться искомой силой для средств передвижения, воздушных шаров, а главное, для машин.

Это было бы отлично, но у меня все же [18] нет драмы. Пьер олицетворяет у меня самопожертвование; оно уже имеется в уступке брату любимой женщины, ввиду того, что Пьер чувствует себя скопцом, неспособным создавать. Нет, я оставлю только боязнь бессилия и все переделаю. Вот он, мой роман, почти целиком. Итак, Гильом изобрел взрывчатое вещество, машину, которая может разрушить целый город. И я должен привести его после внутренней борьбы к желанию совершить ужасающее преступление, в котором будет играть роль его снаряд; например, он решается взорвать биржу и сам погибнуть под развалинами (придумать). И все подготовлено, чтобы на следующий день появились в печати подробности, касающиеся его изобретения. Он хочет потрясти умы, совершить акт справедливости и в то же время завещать машину, которая приведет к разрушению, к братству путем [19] террора.

Он как бы подает пример, производит страшное испытание своей машины, показывает ее мощь, а назавтра объясняет, какое можно ей дать применение. Он отдает свою жизнь и свою тайну, но лишь после большой внутренней борьбы, придя к сознанию необходимости этого путем ряда драматических рассуждений. Но Пьер посвящен в тайну, его собственная борьба, и как ему удается помещать преступлению. В какомнибудь погребе (быть может, наверху, в Сакре-Кёр)—весь Монмартр сотрясается. Братья лицом к лицу, спор. Мысль о братоубийстве зажигает в глазах Гильома зловещий огонек, когда он видит, что Пьер ему мещает. Пьер тушит фитиль пальцами, ожог или, пожалуй, Гильом наносит брату удар топориком; и тут, потрясенный видом братней крови, [20] отказывается от террористического акта.

Я сохраню первое анархистское покушение, совершаемое каким-нибудь Вайяном, Эмилем Анри. Тогда в заключительной части взрывчатое

вещество Гильома становится той двигательной силой, которой доискиваются. Уничтожение превращается в прогресс. Маленькая самодвижущаяся машина. А Пьер женился на девушке, у нее на коленях их ребенок, он смеется и протягивает ручки, глядя на движущуюся машину. Идея труда. Пьер с тремя обрубками вместо пальцев стал помощником брата. Все это перед лицом Парижа.

Итак, в конце плодовитость и любовь (женщина и ребенок), труд, братство, Париж, работающий на будущее.

А в общем, оптимистический конец; все то, что варится в ужасном котле, работает на пользу счастливого будущего. Я изображу это выше. Весь рабочий Париж (не следует забывать Париж сладострастный и утонченный, занимающий также значительное место и играющий свою роль). Движение вперед, к будущим векам, Париж-инициатор. Все, что накипает в нем со времени революции, идеи, которые он бросает миру. Его роль не окончена. Религия науки. К чему идет человечество. Главным образом, идея справедливости противопоставляется идее милосердия. Нищета Парижа толкает Гильома на покушение. Париж. В конце все побеждает идея труда. Такой конец более удачен. [21] Но можно было бы обдумать еще один конец, в котором, кроме разрушительного взрывчатого вещества, превращенного в активное средство, я изобразил бы Пьера, жертвующего собою за идею. Снова получилось бы отречение от Иисуса, а я именно противник этого. Поэтому мне кажется, что лучше сделать благополучный конец. Это спорный вопрос.

Само собою разумеется, я изучу все социалистические секты, чтобы узнать, в каком положении находится социалистическое движение в настоящее время. Будет уделено место политике, гнили, царящей в парламенте и в остальном; но, повторяю, я покажу, насколько это недостойно внимания, идет к неизбежному падению и служит ферментом, из которого возникнут новые миры. [22] Я все еще не уверен в развязке, потому что боюсь, как бы благополучная развязка не опошлила произведения. Я представляю себе Пьера в рабочей блузе, черного от угля, помогающего брату мастерить двигатель, который должен перевернуть мир, благодаря взрывчатому веществу. Кузнечный горн, Пьер раздувает мех, а Гильом-химик и механик одновременно. Он делает двигатель для того, чтобы у него не украли его тайны, желая затем принести [23] миру свое изобретение, как свободный дар свободомыслящего человека. Итак, кузнечный горн и священник, ставший рабочим, три сына Гильома-также рабочие. Мать умерла, разница в возрасте сыновей-два года: 22 года, 20 лет и 18 лет (установить); три различных типа, но все трое ученые, механики и т. д. Один-немного мечтатель, три типичных представителя будущего человеческого общества. Итак, других рабочих не надо. Быть может, бабушка, да, мать их матери, героиня, очень старая; она воспитала и вывела в люди троих. Сомкнуть эту семью в общем героизме и воле будущего. Весь этот мирок работает, надеется, закон труда. И тут же молодая чета, Пьер и девушка-очень здоровая, очень сильная, с которой он познакомился вначале и которая в конце дарит ему сына. Дитя на коленях у матери в развязке. Добавить, [24] что семейство живет под вечной угрозой взрыва, пока она не подчинит себе взрывчатое вещество, но они и не думают об этой возможности взлететь на воздух, быть взорванными ради прогресса. Никаких денежных расчетов нет у Гильома. Он истратил свое маленькое состояние на опыты. Теперь он живет на свои труды химика (узнать,

расспросить, какие заработки может иметь химик). Бабушка ведет хозяйство со строжайшей экономией. Она вносит всюду порядок. И когда Пьер появляется здесь, он хочет работать, как все, зарабатывать на жизнь и, действительно, зарабатывает. Также и его жена. Вероятно, я женю их гражданским браком, повинуясь современному социальному закону; но я еще посмотрю, может быть-свободная любовь. Итак, весь конец основан на труде, на законе труда, который будет, несомненно, [25] когданибудь выработан и утвержден. Таким образом, концовку я дам оптимистическую, потому что все побочные интриги должны свестись к следующему: Париж, несмотря на совершающиеся в нем позорные явления, на нищету, --котел, в котором кипит будущее и откуда это будущее возьмет свое начало. Итак, - город-светоч, царственный город, вечный город взамен Рима, город, где зародится новая религия науки, дабы умиротворить вселенную. Сейчас этот будущий мир еще лепечет, колеблется, едва-едва намечается; и вновь вернуться к идеям реформаторов начала века-Сен-Симона, Конта, Фурье и других, к тому порыву гуманитарных чувств, которые рухнули вместе с 48-м годом. Затем наступает царство позитивизма, стремящегося разрешить проблемы на основе фактов. Но движение будет продолжаться, наука вернется к мечте реформаторов и сохранит все, что нужно сохранить для того, чтобы она, наконец, осуществилась. В этом конечное значение века, величайшего из веков. Я изображу Париж на протяжении всего XIX в., показав на пороге его Французскую революцию, с которой он начался. Сперва в одной из картин я бегло подведу итог минувшим векам. Затем-весь век. Париж-картина будущего, Париж, завоевавший мир. Парижзачинатель революции, всегда идущий впереди, вечный носитель идеи. Я найду место, где уточню зараз идею трех моих городов: Лурд-древняя умершая вера; Рим-неокатоличество, ставшее неприемлемым, Париж-новый народ, новая религия, основанная на законе труда, и религия плодовитости, примиренность с жизнью, зачатие ребенка, ибо онсимвол завтрашнего дня. [27] Всё вперед.

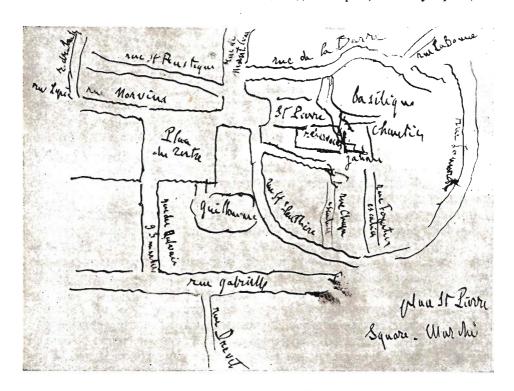
В качестве драмы у меня имеется внутренняя борьба Гильома и Пьера, которая приводит их к этой развязке. Я могу еще сделать так, что Гильом приносит женщину в дар Пьеру, а не наоборот, как я замыслил сначала. Это изменит сюжет, но, кажется, будет неплохо.

Представим себе, например, что девушка—дочь друга Гильома, внезапно умершего от несчастного случая; Гильом взял ее к себе, когда ей
было 18 лет. Теперь ей 22 года (установить точный возраст). Роскошная
девушка, сильная и красивая, способная подарить мужу десяток ребят.
И Гильом, потерявший жену, [28] может ее полюбить. Она относится
к его сыновьям, как сестра, как друг. Она старше их. Итак, ей лет двадцать
пять, расцвет сил и духа. Готова выйти за Пьера, как только Пьер появляется. Она может полюбить его, не признаваясь в этом. Зарождающаяся
страсть Пьера, любовь. Короткая борьба между обоими братьями—и дар
Гильома, который отдает девушку Пьеру, как более молодому, кто сумеет
ее лучше любить и оплодотворить. Все это просто, с большим величием,
на глазах у бабушки и сыновей.

Установить дату рождения ребенка. Идейные разногласия двух братьев. Прежде всего, у меня Пьер, весь отдавшийся благотворительности, он еще носит рясу, но в душе у него мертво. Раскол смешон и немыслим среди народа, утратившего веру. Лютера подняли бы на-смех, и вот Пьер чув-

ствует всю смехотворность идеи о расколе, [29] мучившей его в Риме. В Америке он также немыслим. Он встречается со схизматиком, некоим аббатом Шарбоннелем—несчастное существо. Таким образом, Пьер с опустошенной душой продолжает благотворительность вместе с аббатом Розом. Но он чувствует, что делать добро невозможно. И когда я все это изложу, разразится анархистский взрыв. Я вновь вернусь к парижской нищете, а покушение будет совершено вечером, когда зажгутся огни веселящегося Парижа. В кафе, в большом ресторане. Здесь я изображу всех своих персонажей, все второстепенные действия, которыми займусь после.

Я думаю, что первая часть задумана у меня блестяще, очень живо. Париж нищеты и роскоши, покушение какого-нибудь Эмиля Анри и вмешательство Пьера, принимающего живейшее участие, подбирающего раненых. Затем его брат, который у него укрывается, в уверенности, что он все еще верующий католик. Затем оба брата лицом к лицу, [30] взаимный анализ, столкновение. Само собою разумеется, я выведу на сцену Гильома, его тещу, трех сыновей и красивую девушку, которую он приютил у себя. Пьер может пойти к ним, чтобы успокоить их насчет оставшегося у него на ночь или на несколько дней брата, так как тот беспокоится; и раздражение Гильома против своего ученика-анархиста, который украл у него взрывчатое вещество, в то время как изобретение страшного снаряда не было еще завершено. Из-за этого все может сорваться. Между тем, он извиняет, вернее, объясняет возмущенному Пьеру поступок молодого человека. И вот однажды вечером, боясь умереть, он

МОНМАРТРСКИЙ ХОЛМ—ОДНО ИЗ МЕСТ ДЕЙСТВИЯ РОМАНА "ПАРИЖ" Чертеж Эмиля Золя

открывает брату тайну, так как Пьер должен быть в курсе дела. Взрывчатое вещество, снаряд может взорвать город, уничтожить армию, и тогда война окажется невозможной, неизбежное разоружение, план Гильома опубликовать [31] секрет изобретения, дабы все народы узнали о нем одновременно, и уничтожить, таким образом, возможность войны (любовь к человечеству); но не отдавать его Франции, хотя это было бы патриотично, чтобы одна страна не могла главенствовать над другими.

Я предпочел бы обратное: Гильом мечтает отдать свое изобретение Франции, чтобы путем террора сделать ее победительницей, зачинательницей, как я уже говорил. Молодой анархист слишком поспешил отдать дань своей нищете, своей ненависти; создать из него настоящий тип (и ряд других типов первобытных христиан, подвергавшихся гонениям, и т. д.). Изучить во второй части, создать два-три резюмирующих типа; человек, бросивший бомбу, может быть в самом начале арестован, и у Гильома под влиянием гнева постепенно меняются [32] взгляды; вернее, они укрепляются в нем и внушают ему самому великую идею, полную мрачной поэзии, -- страшный взрыв, во время которого он сам погибает, чтобы поразить террором все нации; в то же время бабушка рассылает секрет изобретения всем правительствам, побуждая их уничтожить армию. Следовательно, роль взрыва-воздействие путем анархистского террора и в то же время предостережение, долженствующее принудить людей к братству. Следовательно, драматическое движение у Гильома идет от простой патриотической мысли к мысли интернациональной и гуманитарной. Но происходит это в уме, который возмущен нищетой, который не верит более в милосердие и взывает к одной лишь справедливости. Он-сторонник эволюции, но считает геологическую катастрофу естественной и необходимой. А в конце Пьер, переживающий эволюцию, также оказывает на него влияние в большой сцене, когда мешает ему произвести покушение и внушает идею о труде, единственном факторе жизни и прогресса. [33] Таким образом, фигура Гильома представлена довольно живо, три фазыпатриотизм, интернационализм, затем поборник труда. Оба брата должны оказывать взаимное влияние и, наконец, сойтись в вопросе о труде. У Пьера—первая фаза отчаянья и неизменная доброта; затем, под влиянием воспоминаний об отце, заражаясь его примером, он приходит к идее о справедливости. Нищета становится так ненавистна ему, что он начинает понимать анархистов; наконец, он успокаивается на идее труда, на религии жизни и плодовитости.

Для Парижа мне нужны группы второстепенных персонажей. Так, наряду с аббатом Розом и Пьером, я покажу ночное убежище, созданное ими, [34] и там—черную нищету. Это будет уголок квартала, где я изображу ужасную нужду. Рабочие и низшая проституция, дом в предместье, густо населенный семьями, терпящими величайшие страдания. Мой анархист пройдет через убежище аббата Роза (чей образ до конца останется ангельским, олицетворяющим тщетную благотворительность). В конце я покажу его побежденным, оплакивающим свое напрасное самопожертвование, захлебнувшимся в море нищеты: «Я больше не могу! Я больше не могу!». Но он трогателен и прекрасен. Бессилие христианства. Быть может, подвергнуть его оскорблениям, как Иисуса.

Затем, как противопоставление отвратительной нищете, Париж денежный и веселящийся. Большой банкет, являющий картину торжествующей буржуазии. Какой-нибудь католический Ротшильд; роскошный особняк,

наполненный множеством произведений искусства. Выезды, драгоценности, [35] кружева. Все, что составляет очарование больших столичных городов. Необходимая роскошь. Необходимый блеск городов, властвующих над миром. Но отнюдь не глупец, а человек, разбогатевший благодаря революции; торжество буржуазии. Я дам ему, пожалуй, жену и детей; группа, долженствующая представить светское общество. Нужен также представитель старого угасающего дворянства. И тут же высшая проституция, наслаждение самое утонченное и дорогостоящее.

Мне также нужна политическая группа. Власть и Палаты; связать дело моего анархиста с какой-нибудь интригой в духе панамы. Например, он хочет взорвать дом, принадлежащий одному банкиру; как и почему. В дело замешана кокотка высшего полета; [36] все это является очень кстати, так как укрепляет министерство, которое должно было пасть, вследствие растраты; это очень хорошо и вполне достаточно. Дело молодого анархиста, который не расстается с книгой вплоть до казни. Гильом любит это хрупкое дитя и как раз в день вынесения смертного приговора, в приступе горестного гнева, хочет взорвать весь Париж. Затем им овладевает спокойствие, и в конце его захватывает работа. С этого момента очень удобно связать все детали вокруг дела, которое надо растянуть на несколько месяцев.

У меня все будет налицо, если я переплету интересы моей группы счастливых людей с делом анархиста; тут же будут и группы политиков, совершивших кражу, и мои [37] несчастные, мои бедняки, типы анархистов, блуждающих в тени. Весь Париж потрясен до основания. Кризис. Хорошо то, что я задумал необыкновенно живое действие—мне хотелось бы, чтобы оно распространилось на все описываемое общество. Этого нетрудно достичь, установив родственные социальные отношения. И не забыть Париж, как воплощение гениальности, ввести какого-нибудь великого писателя, высказывающегося за или против покушения. Мне необходима также пресса, ее роль в данный момент, ибо она говорит о преступлении, и я ее использую также. Отношение народа к покушению—он читает газеты, толкует, судит.

Наконец, чтобы представить науку в целом, я введу химика из Института, бывшего учителя Гильома или, скорее, друга его. Это [38] даст мне официальную науку. Не забыть школы, юношество, которому принадлежит будущее. Дел немало, но все они необходимы; надо сделать сжато и насыщенно.

Книга представляется мне в пяти частях. В первой—покушение и все, что создается вокруг него, в четвертой—развертывание драмы, покушение Гильома и полный переворот с помощью Пьера. В пятой—процесс и казнь анархиста, его конец, женитьба Пьера, и последняя глава, посвященная новому двигателю, вокруг которого собираются все персонажи. Во второй и третьей частях—изложение интриги и завязка действия, развитие персонажей. Мне хочется, чтобы было пять частей, по пяти глав в каждой.

[39] Я думаю представить научную молодежь, современную учащуюся молодежь; для этого у меня имеются три сына Гильома, из них я сделаю три очень интересных типа. Отец послал всех троих в лицей, желая, чтобы они воспитывались в обществе товарищей, как все современные дети. Только первоначальное воспитание и даже образование они получили дома. Я хочу, чтобы они были очень различны: один, пожалуй, самый младший, более хилый, бледный и мечтательный, немного утопичен, но

с непоколебимой энергией (у этого будет роман); второй, старший,—сильный, коренастый, остается с отцом, колосс, не так умен, как братья, помощник отца, верный его ученик, со спокойной совестью, добросовестный в работе, уверенный в себе; третий поступает в Нормальную школу, представитель научной молодежи наших школ. Один из тех, кто мне писал, [40] изобразив со всеми деталями Нормальную школу, научный отдел, работающий в библиотеках и лабораториях, далекий от сумасбродств Латинского квартала и глухих происков духовенства. Я заставлю его притти к отцу, говорить и высказаться. Несомненный противник анархии, тем не менее, очень сходится с Пьером. В будущем—значительное лицо. Все трое тесно сплочены вокруг отца, которого обожают, прекращают все споры и еще теснее сплачиваются вокруг него, как только нужно его защитить, любят его за доброту и справедливость, воспитанные им в духе правды и справедливости. Такая группа очень хороша. Тут же бабушка—[41] мужественная и добрая.

Таким образом, когда Пьер женится на молоденькой девушке, он как бы становится членом семьи. Семья увеличивается сперва благодаря ему, затем появляется новорожденный ребенок. Все это показать последовательно в ряде сцен. Девушка пользуется среди всех них всеобщей любовью и уважением. Все три сына относятся к ней, как братья. У самого младшего любовь на стороне, двое других не думают о ней, зная, что отец ее любит. Урегулировать. Главным образом, урегулировать взаимоотношения девушки и Гильома. Я говорил, что она дочь его покойного друга. Ей 25 лет, ему около 50-ти. Может быть 47, [42] чтобы старшему сыну было 25, среднему 22 и младшему 18. Таким образом, между девушкой и Гильомом разница только в 22 года. Подумать о докторе Паскале, не повторять его (развязка, во всяком случае, совершенно противоположна). Объяснить, в силу каких соображений у них разумно возникает мысль о браке. Я думаю, что не надо примешивать страсть. Гильом хотел выдать девушку замуж на следующий год ее пребывания у него в доме, но она отказалась. Ей хорошо там, она тоже оказывает услуги. Бабушка того же мнения. Мне кажется, что роль бабушки может быть более активной, [43] она сама поддерживает брак. Девушка не видит надобности уходить и пытать счастья в другом месте, коль скоро она никого не любит. Но бабушка и Гильом считают, что женщина должна быть замужней. Гильому может притти в голову самому на ней жениться, так как он очень одинок; его умиляет мысль вновь пережить молодость. Он не женился вторично только ради детей и потому, что бабушка заменила им мать. Он не желал вводить в дом другую женщину, которая могла бы нарушить их радость. Твердо установить это. Самопожертвование отца, ибо он был еще молод, бодр [44] и в принципе считает, что мужчине не следует жить без жены. Надо, однако, сказать, что он приносит свою жертву чрезвычайно просто и не страдает от этого, -- настолько он поглощен своими трудами (некоторое уклонение в сторону работы позволит ему примириться без особых страданий, когда он уступит девушку Пьеру). Довести дело до того, что Гильом чувствует себя все более и более смущенным присутствием девушки и, постепенно проникаясь желанием обладать ею, поддается уговорам бабушки и сыновей, которые сватают за него девушку. С другой стороны, психология девушки, очень растроганной и благодарной, соглашающейся выйти за него замуж в порыве благодарности, которую она принимает за любовь. Дать очень тонкий анализ всех

этих чувств, где много целомудрия, отсутствие подлинной страсти, [45] но настолько прочная связь, что Гильому потребуется известный героизм, чтобы отдать девушку Пьеру, причем это произойдет не без некоторой сердечной боли. Для этого он должен быть убежден, что девушка, сама не сознавая, любит Пьера и будет счастлива и плодовита с ним. Итак, надо, чтобы девушка полюбила Пьера. Забыл сказать, что к тому времени, когда Пьер введен в дом Гильома, женитьба последнего окончательно решена. Свадьба откладывается по какой-нибудь причине, вроде того, что Гильом ожидает результатов какого-нибудь опыта. Связать это с идеей труда. Следовательно, я должен рассказать все, [46] что предшествовало вопросу о свадьбе, назначенной на определенное число. Тут появляется Пьер, и я хочу, чтобы девушка его полюбила (почему, как, благодаря какому стечению обстоятельств). В этом-самое действие романа. Она любит его, и Гильом это замечает, тяжелое объяснение, она из благородства отпирается, говорит, что не любит, начинает рыдать. Будет красиво, если Гильом побудит ее глубже заглянуть в ее собственное сердце. «Не меня вы любите, вы питаете ко мне лишь дружеское чувство, уважение и благодарность. А вот Пьера вы любите настоящей любовью!» (Как это случилось.) Гильом страдает, убедившись, что она не знала о своей любви, что он сам открыл и усилил эту любовь. [47] Он очень страдает, но счастлив своим открытием. Борьба, девушка не хочет взять обратно данное ею слово, вмешательство бабушки и сыновей. Наконец, Гильом требует, чтобы она вышла за Пьера, коль скоро она его любит, и затем он устраивает всю семью. Необходимо обдумать любовь Пьера к молоденькой девушке. Припоминаю только его юношескую любовь к Мари Герсен; это меня не смущает. Мари могла сделаться очень благочестивой. Не надо снижать ее образ, выдав ее замуж. Она продолжает верить в то, что св. дева ее исцелила. Она поклоняется деве. Она может сделаться монахиней или же посвятить жизнь долгу. Ее сестра [48] продолжает давать уроки и содержит безумного старика-отца. Пожалуй, если оставить ее незамужней, лучше всего сделать ее монахиней, посвятившей себя благотворительности. Если же она замужем и у нее есть дети, ее встреча с Пьером может оказаться причиной, побуждающей его самого жениться. Если он встретит ее монахиней, это также может на него повлиять. Можно просто только упомянуть о ней, чтобы сказать, что Пьер думает о ней в мечтах. Оставлю это и обдумаю. Но Пьер поглощен благотворительностью, тщетно пытается найти в ней удовлетворение. Бесполезность благотворительности, большое рассуждение по этому поводу, дающее ответ на некоторые труды, затрагивающие вопрос о благотворительности в Париже. Суровое величие этого священника, утратившего веру [49] и продолжающего, тем не менее, совершать богослужение, хотя он отрицает все самым беспощадным образом. После Лурда Рим окончательно убил в нем веру. Он опустошен, ни один человек в мире не отрицал всего так, как он. В первой части он должен быть великим и скорбным. Затем, в два приема, он бросает сперва богослужение, потом рясу. Идея необходимой справедливости-тот рычаг, который руководит им, когда он видит пример брата; в конце концов, он придет к убеждению, что труд необходим и что существует лишь одна вера-наука во имя справедливости, во имя будущего счастья.

Я начинаю с полного отрицания, опустошенности, полнейшего мрака; нет даже возможного вероотступничества; и в то же время он занимается

благотворительностью, которую считает смехотворной. Итак, [50] с самого начала, когда он впервые видит девушку, в нем должно быть внутреннее противоречие. Я непрочь вернуться к типу Викторины, неверующей и спокойной служанки, изменив его; сделать тип высокого, образованного, прекрасного человека. Девушка—современный тип, прошла курс учения, посещала женский лицей (обработать, это будет очень интересно). У нее такие же знания, как и у всех, имеются дипломы, но в ней нет поэзии наших несведущих, глупеньких юных девиц; тем не менее, это натура спокойная и добрая. Такое образование при солидном уме, прямом характере — обдумать. Быть может, сделать ее велосипедисткой, изучившей дороги, умеющей во-время повернуть и т. д. При этом очень честная и, [51] хотя она все знает, тем не менее, сохранила, благодаря своей прямоте, девственную наивность. Прелестный, благородный тип. Отнюдь не мечтательна и не требует от жизни невозможного. Очень работящая, не может сидеть без дела, охотно занимается хозяйством, даже кухней, чему ее научили; всегда была бедна, но относилась к этому без горечи. Из ничего умеет создать красивое. Всякий пустяк ее забавляет. Всегда весела и довольна. Никогда не думает о завтрашнем дне, о смерти. Надеется, верит в счастье. Очень женственна, очень нежна, главное-никаких крайностей, не синий чулок и не стоит за права женщины. Равноправие считает совершенно естественным явлением, женщина равноправна мужчине всякий раз, когда это возможно; понятно, почему она согласилась выйти замуж за Гильома [52]—она так благоразумна, так практична. Но вот появляется Пьер. Сперва этот необыкновенный человек поражает ее. Она начинает интересоваться им, потому что видит, что он сильно страдает. И когда он открывает ей свое сердце и она видит, как он страдает из-за своего неверия, она недоумевающе смотрит на него: «Да вы сумасшедший!». Таким образом, исходной точкой их взаимоотношений является столкновение, полное расхождение во взглядах, и это очень хорошо. Когда проходит недоумение, она может проникнуться жалостью к нему, хочет его успокоить. Она пытается передать ему частицу своей душевной безмятежности-это первый шаг к сближению между ними; благодаря ей, он перестает совершать богослужение, она открывает ему глаза, удивляясь, зачем он продолжает служить мессы: «Ведь это нечестно» (за это именно и упрекают Пьера). Он, в свою очередь, чувствует, что это нечестно. [53] Его мечта о суровом и одиноком величии рушится.

Он возвращается с нею вместе в жизнь обыкновенных людей.

Она так спокойно относится к смерти, загробной жизни, так спокойно живет без веры, что вызывает в нем удивление; он хочет ее понять. Ее поддерживает идея труда, долга; надо прожить жизнь, и единственная забота—это прожить ее честно и т. д. Относительно благотворительности ее мнение сводится к тому, что благотворительность не исцеляет, но временно облегчает, в ожидании лучшего. И идея справедливости. Воплотить в ней также идею справедливости,—это ее единственный недостаток, как говорит Гильом, смеясь. Сделать ее, благодаря этому, несколько менее [54] совершенной; по временам она разражается ужасным гневом при виде какой-нибудь несправедливости. Тогда она становится упрямой и сварливой. Она со стыдом сознает это. Иногда бывает вследствие этого невыносимой.

Очень интересуется Пьером. Когда они однажды касаются вопроса о ее свадьбе с Гильомом, Пьеру внезапно становится очень больно, он

потрясен. Его внутренняя борьба, он признается самому себе, что любит ее. Не окажется ли он бессильным? И тут фраза, сказанная Лютером. Я уже говорил, что она не сознает своей любви, которая обнаруживается лишь во время объяснения с Гильомом. Пьер хочет исчезнуть, она страдает, и тут в дело вмешивается Гильом. День, когда Пьер снимает рясу, и она [55] видит его в партикулярном платье—эффект. Волосы отросли, тонзуры не видно. Какие чувства она питает к священникам, согласно своему воспитанию. Такие же мужчины, как и все. Когда Пьер говорит с ней о неизгладимых следах, налагаемых священническим саном, она, смеясь,

свиху парадиту споктакием, тось нарижи, тогь самый, что дефилировать поутру въ риз-ний первен си. Магралинд, невуром очугать, са одъсь, охваченный той же эпуорадной лассинит-ства, той же жежуей непуеденданного, необивловеньаго; видивлиет исе тв же лица, тв же улиб-ви; дамы здоровались логкими, дружескими вивыя, дамы ддоровальсь моголов, дружествам виде-жами съзовы, чеженовы большаль другь друга съ-совідством, даже ст. кеста. Вся актратно зивалося, жи, съ пратисомы на бутопьерна, на сименса учето при при при при при при при при при «Globe» ст. двумя зивасомыми сомействами.

*, CM, *Hoboc Brems* N.N. 7773, 7718, 7781, 7783, 7783, 7792, 7797, 7799, 7802, 7803, 7804, 7807, 7804

Ва варгера маленкій массо завиналь саста вани, отой завторой тигри, на сцена обранцузвестуанное греспо. Таки на нацибнике судебний
ской бичеции, да сще въ реза Вененьи, такий
податив, спорта в подативной податородной
стяка. Спольно извидить обранце обранце обранце обранцено
подативной податородного
подативное подативной податородного
подативное извидить обранцено
подативность быть ва представлении
подативность быть образора
подативность быть подативность
подативность быть образора
подативность быть подативность
подативность быть подативность
подативность по

СТРАНИЦА ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО ПРИЛОЖЕНИЯ К "НОВОМУ ВРЕМЕНИ" ОТ 7 ФЕВРАЛЯ 1898 г. С ПЕРЕВОДОМ РОМАНА "ПАРИЖ" И ЗАРИСОВКАМИ ПРОЦЕССА ЗОЛЯ

глядит на него. Почему? Очевидно, вопрос воспитания. Но, помимо этого, ничего не остается. Она, понятно, не соблюдает обрядов и не верит. Но отличается терпимостью и говорит, что когда-нибудь все будут такими же, как она; очень деликатна. Первое причастие приняла ради матери... Мать очень благочестива, отец-атеист предоставил матери воспитать дочь по своему усмотрению, так как дочерью не интересовался. Итак, первоначально она получила религиозное воспитание, но оно не оставило на ней [56] следа. Это заинтересовало Пьера, мать которого была также религиозна; но ее влияние он глубоко впитал. Именно по ее побуждению он отправился в Лурд, затем в Рим. Но теперь преобладает влияние отца, всемогущий разум. Это влияние отца победит окончательно. Женщинамать внесла в его душу разлад, женщина-любовница, а затем жена окон-

чательно спасет его. Они-воспитательницы, а также и освободительницы. Беседы по этому поводу, вернее факты, которые это рельефно показывают. В особенности, мне хочется, чтобы в конце ее не смущала мысль, что она вышла замуж за священника; поэтому надо с самого начала так строить ее образ. Впрочем, Пьера я представлю воскресшим от счастья, [57] с отросшими волосами и бородой, блестящими уверенными глазами, веселым, сильным-портрет радостного человека, в противоположность мрачному и растерянному человеку с отчаянием и страданием в глазах портрет его в начале романа. После испытаний Лурда и Рима Париж также является испытанием. От верований и надежд осталось гладкое место; где найти силы и радость жить? Но на сей раз я делаю вывод. Их можно найти в мужестве, в надежде на справедливость, в законе труда, принятом пока в ожидании лучшего, в жизни, которая есть плодовитость. любовь женщины, жены, детей. Это и будет заключением: в будущемсоциализм, и Париж, само собой разумеется, трудится во имя грядущих веков. [58] Именно ради этого опыта Пьер и должен ознакомиться с различными социалистическими сектами, сейчас же после примирения с братом. Он, естественно, начинает вращаться среди людей, увлекается, ищет, к какой бы вере примкнуть, а в конце, не примкнув ни к одной, видит во всех усилиях века труд нашего XIX века, сильного, самого великого (найти связь между нашими современными социалистами и гуманитаристами 48-го года). И если абсолютной истины нет еще ни в одной школе, то она в зародыше, она бродит, она зачата всеми.

Найти объяснение даже для анархизма, [59] оправдание, как крайнему, роковому принципу. Итак, весь наш век-носитель будущего (сравнить с первыми веками евангелия). И объяснить мерзости современного Парижа, голосование биржевиков, продажный парламент тем, что экономический вопрос-основа всего, а особенно религии. Так что во всем этом-в зародыше целый мир. Закончить видением будущего, всеобъемлющего, ко всему терпимого и, в ожидании грядущих времен, прощающего страдания, и грязь настоящего-нельзя родить ребенка, не запятнав простыней. Все это дано широкими штрихами, в уверенности, что труд прекрасен и ведет к будущему. Спокойное отношение к неизвестному. Доверие к науке, [60] царящей над всем. Последнее слово Пьера, раздувающего горн: «Будем работать, будем ждать и строить жизнь, будем рожать детей, чтобы они продолжали наше дело». Перед лицом огромного Парижа, перед котлом, где варится будущее, столько труда и научных изобретений, такая упорная надежда внутри, бесконечное стремление к спасению мира. Человечество найдет искупление не в Христе, а в труде и в истине. Можно пренебречь тем, что кажется нам отвратительным, ну, а неудачи и грязные пятна неизбежны.

Мне кажется, что Пьер должен отойти от евангелия. Это тяжело, но необходимо. Применение евангелия в будущем очень трудно; разве лишь, если по-новому толковать его. Покорность хороша, но пагубна для меньшого люда. Любовь превосходна, но пренебрежительное отношение к женщине, преувеличенное восхваление девственности, потворство лени недопустимы. Царство божие, но на земле. В этой части проводится мысль, что Пьер отказался от своего «Нового Рима» и не только не верит больше в возможность спасения, благодаря неокатоличеству, центр коего находится в Риме, но даже в раскол, основанный на очищенном евангелии. Нет, с христианством, как с таковым, покончено. Еванге-

лие—не более, как талантливая и трогательная поэма, нравственная книга, социальное и политическое влияние которой было бы пагубно, будь возможным ее применение. Надо все это обдумать, изучить и сделать вывод. Это необходимо. И относительно Пьера нельзя сделать вывода, если не выяснить его отношения к роли евангелия. Тот, кто признает его, ищет тонкостей, приходит, как Толстой, к ненависти к жизни, к непротивлению, к нравственной мании, разрушающей действие.

Если отнять у евангелия несколько нравственных положений, вроде: возлюбите друг друга и пр., от него останется лишь самый неясный социальный кодекс. Париж в собственной грязи, сутолоке, дыме, зарождение [62] мира.

Надо установить, каким будет Гильом в качестве анархиста, мечтающего о покушении, а это не просто...

Согласно композиции романа, покушение может быть совершено лишь после того, как Гильом выдаст девушку за Пьера. Но я хотел бы также, чтобы покушение [69] молодого анархиста, которое я охотно поместил бы в начале романа, оказало большое влияние на мечту Гильома о его собственном покушении. Важно как следует обдумать образ молодого анархиста. Я думаю взять Эмиля Анри или приближающийся к нему тип. Восемнадцать лет, незавершенное образование. Горечь, накопившаяся у молодого поколения. Пожалуй, это лучше, чем Вайян, старый рабочий. Я сделаю тот же тип. Но для моей истории, быть может, лучше подойдет Эмиль Анри. Я хочу, чтобы покушение заняло собою весь том; для этого я припутаю сюда какую-нибудь парламентскую интригу. Совершив покушение, он исчезнет. Его ищут, арестуют, казнят, или же он кончает самоубийством, или же спасается бегством. Для связности повествования хорошо бы сделать его младшим братом девушки, но [70] тогда тревоги и опасения за брата окажутся слишком большой помехой в ее любви, и мне не ясно, как она полюбит Пьера и т. д. Родственные узы стеснят меня, придется более тонко подойти к женитьбе Пьера; проще, если мой молодой анархист будет одинок. Достаточно, если я установлю связь между ним и Гильомом. Юноша будет сыном вдовы, которая живет в одном доме с Гильомом. Вот и связь: Гильом совершенно спокоен, так как вдова честная труженица. Но, пожалуй, лучше взять Вайяна. Пожилой рабочий, жена или любовница и маленькая дочь. Черная нужда. Все это возле Гильома. Ужасная история, которой он потрясен. Гильом их хорошо знает, иногда дает работу мужу. Последний-молчаливый человек, анархист; [71] это позволит мне сделать так, чтобы он украл взрывчатое вещество для преступления. Это хорошо потому, что в основе-нищета. Ужасно нищенская квартира, куда мой анархист приходит после неудачного покушения. Затем, когда его арестуют, Гильом присутствует при агонии жены и маленькой дочки. Это его все более и более волнует. А после казни анархиста жена и умирающая дочь остаются без хлеба; Гильом, уступая гневу, обдумывает свое покушение. Надо также, чтобы его патриотизм покорила идея о победоносной, царящей над всем Франции. Он переживает последовательно гнев, тревогу ввиду того, что анархист обокрал его, и это может помешать ему завершить свое изобретение. Затем симпатия к арестованному и осужденному анархисту, потом мысль [72] о собственном покушении во имя человечества, а не во имя родины.

Теперь, пожалуй, надо урегулировать покушение анархиста—где и против кого. Я не представляю себе, чтобы покушение Вайяна произошло

в Палате. Мой анархист восстает против денег, против капиталистического общества, и поэтому я хочу противопоставить нищенскому дому роскошный дом. Я хочу, чтобы он бросил бомбу в дом банкира, роскошный особняк, который я кратко опишу. Я охотно представил бы его в одном из кварталов веселящегося Парижа, около церкви Магдалины. вечером, незадолго до того, как зажигается газ, когда среди роскоши начинается вечерняя и ночная жизнь веселящегося горола. Анархист жлет на бульваре Мальзерб, затем зажигает или бросает бомбу в тот момент, когда карета банкира возвращается из Булонского леса. Но ни банкира, ни его жены в карете нет. Убита одна из двух лошалей, кучер опасно ранен (он умирает от раны), растерзана девочка-модистка, выхолившая от барыни, которой она принесла из магазина шляпу. У девочки улыбающееся лицо, но живот разрезан надвое. Гильом должен нахолиться тут же, он понял намерение анархиста, пошел за ним следом и, когла тот спасался бегством, храбро подошел, движимый непреололимым чувством человеколюбия, чтобы потушить фитиль. Он опасно ранен. рука наполовину оторвана. Пьер присутствует при покушении—он очутился здесь случайно, прогуливаясь и размышляя о парижской роскоши и наслаждениях, наряду с парижской нищетой и страданиями. Описание Парижа: знакомство с персонажем. И взрыв. Затем Гильом узнает брата: [74] «Уведи меня». Пьер прячет раненого брата. Все это надо крепко скомпановать, построить разумно и интересно.

Богатый и веселый Париж будет представлен только семьей банкира, я сделаю его представителем капитализма и дам ему любовницу, которую он открыто содержит. У жены-любовник, она еще молода и хороша собой. Двое детей-они могли ехать с гувернанткой в карете и остаться невредимыми. Следовало бы, чтобы он оказался в клубе, а жена на свидании с любовником-пошла к нему под каким-нибудь предлогом. Банкир может, пожалуй, быть немолодым, чем объяснилось бы его богатство, у него взрослые дети-сын и дочь; он женился вторично на тридцатилетней женщине, которая ему изменяет-это или что-нибудь еще. Мне хотелось бы [75] сделать нечто очень типичное и краткое. Описание роскоши и безнравственности; но не запутанно, а, наоборот, очень легко. И очень коротенькие сцены. Надо, главным образом, чтобы банкир ворочал миллионами, нажитыми на подозрительных делах с правительством. В прессе появляются именно в тот день разоблачения, бульварная печать злобствует. Это имеет ужасный отклик в Палате. Уличные продавцы создают газетам успех: покупайте—новый скандал, кражи и пр. В одной из газет Пьер читает, что в Палате большое волнение. Один из министров, председатель совета, скомпрометирован в деле с банкиром. Пожалуй, железнолорожная афера. Предполагается падение кабинета. Оппозиция воспользуется случаем, чтобы опрокинуть [76] кабинет. А в конце взрыв бомбы (он-то и спасет кабинет).

Итак, мне представляется первая часть картины в таком виде: психологическое состояние Пьера; вложенное в его уста описание ужасной сцены; банкир, его жена, дети, любовница, любовник жены, заседание Палаты в тот день, разоблачение деятельности банкира (скрывающаяся за ней Панама). Роскошествующий и веселящийся Париж осенним вечером, Содом, когда зажигается газ и наступает ночь с ее весельем и развратом. Окунуть во все это всю первую часть и закончить взорвавшейся среди этого бомбой анархиста. Все—в пяти главах.

Мне кажется, что первая часть может быть очень хороша: политический, финансовый, светский Париж, веселящийся Париж с зажигающимися уличными огнями,—и все [77] заканчивается взрывом, который убивает лошадь и девочку-модистку. Сделать очень блестяще, очень насыщенно и, в особенности, получше противопоставить этому нищету и Пьера, с его анализом уничтожения всего существующего. Надо построить план. А во второй части я обязательно хочу дать трудящийся Париж. У меня имеется Гильом, которого уводит Пьер. Таким образом, вторая часть посвящается Гильому—его признание Пьеру, его труды, лаборатория, его три сына, бабушка. Сыновья дадут мне Ecole погтаle, лаборатории, музеи, заводы, парижское производство, ручной труд Парижа, наряду с трудом интеллектуальным. Итак—завод, заводы [78] рядом с квартирой Гильома, его старший сын—безусловно механик, стал механиком, чтобы помогать отцу. Наверху, на Монмартре,—лабораторная, беспрерывная работа, а внизу блестящий, веселящийся Париж. Этому должна быть посвящена вся вторая часть.

Начальные сцены с Пьером и девушкой, но при этом продолжение истории анархиста, которого ищут, не находят или же находят. Затем далее—третья часть представляется мне, как развитие действия первой, и второй части, где описан Париж, анархиста арестуют, и все, что с этим связано; возвращение к интриге банкира и его жены, ко всей политической авантюре.

Пресса, суд [79] и полиция. Обдумать, не следует ли закончить эту часть одним арестом анархиста, и не спешить, чтобы сохранился интерес. Всю четвертую часть посвятить Гильому—любовная борьба между ним и девушкой, которую он отдает Пьеру в последней главе этой части. Нужно снова вывести на сцену сыновей и бабушку, а также вернуться к нищете. Анализ Пьера. Пьер является без рясы, с отросшими волосами. В конце, когда Гильом отдает девушку Пьеру, тот узнает, что анархист приговорен к смертной казни. Это свяжет обе части. В первой главе пятой и последней части казнь [80] анархиста и резюме всех социалистических теорий.

Следующие две главы для меня не совсем ясны; очевидно, в них будет показано, насколько казнь анархиста с внешней стороны обеспечила общественное спокойствие. Таким образом, в этих двух главах я покончу с политикой и светским обществом. С другой стороны, у меня имеется покушение, задуманное Гильомом; его надо поместить в начале этой части, Гильом озабочен им; я покажу, как Гильом работает над ним потихоньку от всех. Дать кое-что понять, не говоря точно, в чем дело, чтобы вызвать больше интереса.

В первой главе я возвращаюсь к нищете и преступлению для того, чтобы побудить Гильома решиться. Раннее утро в Париже, по улицам которого он проходит с Пьером. Ужасное стенание, проносящееся над городом вместе с пробуждающимся рабочим людом—параллель с Парижем первой части, когда зажигаются огни веселящегося, наслаждающегося Парижа.

[81] Все это должно повлиять на Гильома и Пьера. Обе последующие главы, повторяю, будут такими же волнующими, и в них можно закончить второстепенные интриги. Показать также, как мысль о покушении постепенно созревает у Гильома. Затем, в четвертой главе—только покушение; как можно лучше развить действие. Наконец, в последней главе—заключительной, год спустя после рождения ребенка, — Париж, возвращаю-

щийся с работы, будущее принадлежит труду. Воздержаться в первых четырех главах пятой части от философских заключений, чтобы иметь как можно больше фактов, несколько замечаний в пятой и последней главах. Все это, по-моему, очень хорошо. [82] Второстепенные интриги надо обдумать.

Я хочу, чтобы они были очень типичны, очень колоритны, но кратки. Наиболее яркой должна быть интрига банкира... Сделать его не евреем, а католиком. У него не должно быть огромного и солидного состояния, как у Ротшильдов. Быть может, отметить это в основном-золотой телец, [83] не очень давнее и не очень большое состояние. Его мог нажить отец банкира, а сам банкир увеличил его. Положение не столь солидное, сколь блестящее. Сделать его, главным образом, игроком, человеком, разлагающим и загрязняющим все, к чему он ни прикасается. Отец его приехал изза границы, из Германии, сам он родился в Париже, отец и мать немцы, с виду истый парижанин, но атавизм дает себя знать. Его отец чуть ли не бедняк, в царствование Луи-Филиппа занимался темными делами (однако, не еврей). Сын унаследовал от отца порядочное состояние для начала и характер жуира, разлагающего и развращающего все, к чему он ни прикоснется. Он понял, что ему следует делать в республиканском Париже; как соблазнитель, он всегда на-чеку, готовый купить чью-нибудь совесть. Пустил в ход одно дело, которое закончилось удачей, благодаря поддержке депутатов, и заработал на нем около [84] тридцати миллионов. Пустился было снова в аферу, например, с железными дорогами в Африке, но на этот раз был разоблачен; одна из газет опубликовала список, и делу грозит крах. Таким образом, необходимо, чтобы в министерстве было одно-два лица, помогавших ему в первый раз и готовых помочь сейчас. Я намекну на крупную аферу, панаму; затем последует моя афера, как выражение высшей пошлости; она будет последней каплей, переполнившей чашу.

Я начну с разоблачения, появляющегося в утренней газете: банкир обвиняется в подкупе депутатов (в числе их два министра). Я представляю себе довольно ясно тип министра финансов, вроде Рувье¹⁹, пускающегося на всякого рода аферы, хитрого говоруна, умного, по-настоящему значительного человека, который будет защищаться и победит (он использует бомбу); [85] второй министр будет в духе Флоке²⁰—честный человек, не отказывающийся от денег для того, чтобы бороться с врагами республики. Три депутата представляют три типа: один—делец, некрасивый, бедный, озлобленный, всегда готов продаться, другой—провинциал, рубахапарень, вращается среди женщин и поэтому нуждается в деньгах, третий может быть главным редактором продажной газеты. Затем надо показать различные группировки, на которые делится Палата,—правую, центр, в особенности республиканцев и социалистов; о последних Гильом и анархист довольно плохо отзываются. Обдумать. Высказать суждение о парламентской машине.

Возвращаюсь к своему банкиру, разлагающему всех и вся. Первая его афера стоила ему много денег, он подкупил газеты, депутатов, дело удалось, только благодаря взяткам; никто не жаловался, несмотря на циркулировавшие слухи. Зато второе дело, [86] в которое он пустился необдуманно, проваливается—тут жалобы и разоблачения, угрозы выдать имена и шумиха вокруг брошенной бомбы. Конец эпизода покажет, что дело замяли благодаря истории с бомбой. Торжество министра на пуб-

личном заседании (после казни). Только намекнуть на то, что все это возобновится. Чтобы задержать анархиста, пущена в ход вся полиция; это позволяет устроить бегство посредника, подкупившего людей от имени банкира...

Я хотел бы также иметь ученого из Института, старинного друга отца Гильома и Пьера; ему 75 лет, он живет на улице Мазарини, у него все собираются, к нему ходят сыновья Гильома или хотя бы тот, который учится в Нормальной школе. Этот ученый-представитель научного Парижа. Но я не особенно хорошо представляю себе его роль. Я могу привести его к Гильому, [92] но зачем? Разве только констатировать в конце книги изобретение. Гильом будет очень почтителен по отношению к нему. Быть может, лучше сделать этого ученого врачом-хирургом, за которым раненый Гильом посылает Пьера. Нет, я боюсь, что врач меня стеснит. А между тем, это было бы удобно. Мне обязательно нужен официальный представитель науки, член Института, старинный друг отца Гильома. Трудно сделать его революционером; ведь даже такой ученый, как Бертело²¹, друг Ренана, атеист, ведет буржуазный образ жизни. С другой стороны, меня бы стеснил тип ученого, вроде Пастёра, который верит в бога и все время говорит: «Немного науки уводит от бога, много науки приводит к богу». Следовало бы сперва узнать, какой бог имеется в виду.

Лучше был бы тип Бертело (судя по опубликованной им брошюре), но Бертело с характером—он может появиться только, когда Гильом ранен, [93] затем в конце, когда исследовано взрывчатое вещество, как сила. Гильом, его бывший ученик, почитает и слушается своего старого профессора. Старик еще работает в своей лаборатории, он член Института и с философской улыбкой говорит об изречении Пастёра: «"Немного науки уводит от бога, много науки приводит к богу". Я не разделяю этого мнения, но понимаю, что творится в душе у других», и поясняет. Представить в его лице всю науку нашего века и веру в будущее. Он мог также быть профессором сына Гильома, и тот чтит его так же, как отец. Впрочем, это только эпизодическая фигура. У меня нет для него роли. Быть может, в конце его идеи повлияют на решение Гильома.

Мне хотелось бы также показать крупного писателя, чтобы иметь представителя литературного Парижа. Это не совсем подходит, так как я не вижу связи. Он может быть свидетелем происходящего, [94] эпизодической фигурой, появляющейся три-четыре раза и регистрирующей события: он смотрит и описывает, это было бы довольно занимательно, но трудно выполнимо. Дать физический облик, отличный от моего собственного; говорить о писателе будет Пьер, который с ним немного знаком. Он пишет монографии о Париже, беспрестанно изучает его в целом и создает чудесные произведения. Я дам ему близкого друга, великого художника, их постоянно встречают вместе. Художник рисует современную жизнь, но не исключает из своего творчества мечты. Они постоянно бродят вдвоем, не разговаривая друг с другом или же обмениваясь словами, освещающими ситуацию. Представить в их лице литературный и художественный Париж-взгляд писателя и художника, постоянно устремленный на людей и вещи. Оба будут изображены большими тружениками, которые безжалостно запираются по целым дням, несколько одиноки, [95] в стороне от интриг. Я назову писателя человеком толпы; по зрелом размышлении, мне кажется, что, пожалуй, лучше будет оставить только писателя, без художника. Он будет один, одинокий, все видит и всех судит. Тогда надо будет найти другое применение художнику или скульптору. Монмартр—артистический квартал; из окон дома Гильома может быть видно ателье, где работает скульптор. Рядом делают также лепные работы для Сакре-Кёр; неверие скульптора, работающего в церкви; а у себя дома, куда он может повести Пьера, он показывает цветущих женщин, великолепные современные произведения. Искусство будущего; высказывания его о скульптуре в те времена, когда перестанут верить в человеческую красоту или когда религиозная вера умрет. В своем ателье он работает над скульптурой, которую разбил и стал лепить статую справедливости [96]—нечто в этом роде; это даст мне артистический Париж, очаг искусства, котел, в котором кипят идеи будущего.

Пресса будет у меня представлена депутатом, главным редактором большой серьезной утренней газеты, которая берет взятки; затем газетой, занимающейся скандалами, печатающей разоблачения—вечерняя газета. Ее издатель—делец и любитель шумихи. Тираж—это все. Путается с мелкой прессой, принимая участие в деле Лже-Людовика XVII²² и, наконец, сделался специалистом по финансовым вопросам. Донос, ложь. Воспользоваться этим для осуждения современной прессы: преувеличенное репортерство, нервирующее, ослабляющее нацию. Ни одной статьи по существу, одни лишь коротенькие заметки. Все ради тиража и пр. и пр. Надо будет, однако, дать ему более четкую характеристику. Будучи причастен к делу буланжистов, стал крайним монархистом, [97] одним из тех, которые ищут чистокровного Бурбона за пределами Франции. Нет, всего этого недостаточно, надо придумать что-нибудь получше. В конечном счете—негодяй. Впрочем, достаточно депутата, редактора большой газеты. Я добавлю репортера серьезной газеты, который пройдет через все действие от начала до конца, и сделаю из него законченный тип человека, ко всему относящегося наплевательски; это очень хорошо для характеристики прессы современного жанра. Гильом пишет для серьезной газеты научные статьи, подписываясь псевдонимом. Это хорошо, так как устанавливает связь между Гильомом, газетой и редактором-депутатом. Затем это дает мне серьезную сторону журналистики.

Я хотел бы также показать в другой плоскости трудящийся люд, рабочих, занимающихся ручным трудом.

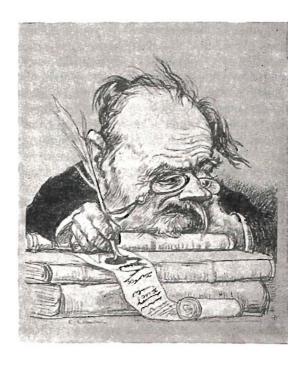
В моем плане есть еще один момент — крайняя нужда и анархист, историю которого я должен привести в порядок, это совершенно необходимо...

Чтобы показать ужасную, полнейшую нищету, у меня будет дом, где укрывается анархист, и его окружение, а для труда имеется фабрика, на которой работают сын Гильома и оба рабочих. Служащего я покажу в каком-нибудь государственном учреждении. За всем этим кишит весь рабочий и нищий Париж.

Крупная торговля и крупная промышленность может быть представлена [100] хозяином фабрики. Чутье верно подсказало ему, он один из первых начал производство велосипедов и зарабатывает целое состояние. Он предполагает также заняться производством автомобилей (позднее). Другой брат его может быть связан с каким-нибудь большим магазином— он один из заправил «Бон-Марше». Я только вскользь о нем упоминаю для полноты картины, чтобы показать как можно больше отраслей парижской деятельности. А затем я возвращаюсь к своему банкиру, которого

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ

Шарж К. Леандра в связи с выходом в свет "Трех городов"

хочу сделать представителем французской буржуазии, получившей от 89-го года все блага...

Я думаю, что среди моих социалистов и анархистов можно изобразить иностранцев, причем они будут [102] связаны с дамой-иностранкой. Она также занимается наукой, само собою разумеется—сторонница интернационализма и передового социализма. Ее помощь соотечественникам. Ее могут обокрасть бродяги, бродяги-анархисты (принципиальное воровство). Это приводит меня к моим социалистам, моим анархистам. Пусть они будут только посетителями, навещающими Гильома. Пьер расспрашивает их, беседует с ними.

Мне нужно, главным образом, лицо, похожее на Геда, иностранец-анархист и затем очень молодой человек, вроде Эмиля Анри; а наряду с ними---нежный мечтатель, последователь Фурье, Сен-Симона и гуманистов 48-го года. Пожалуй, я сделаю Гильома позитивистом, нет, это, кажется, невозможно; но позитивист все же нужен. Впрочем, я создам все необходимые фигуры и, поскольку они лишь статисты, [103] количество их может быть неограниченно. Они выступят, когда будут мне нужны для экспозиции или выводов... Итак, закончить гимном надежды. Итог века. именно итог и подводит моя книга. Полнейшая вера в науку и разум. Ответ [104] тем, кто не признает науки, управляющей миром (по ту сторону морали, тайны, религии). Как прекрасна работа, несмотря на всю кажущуюся мерзость. Да, отмирающий мир, и я показываю, что кончает он грязно. Зато намечается другой мир (закон труда, община, плодовитость), и, несмотря на неизбежные изъяны и невежество, этот мир обещает в будущем величие, мир, братство, больше справедливости и правды. Подводя итог столетию, я должен обязательно использовать приготовления к выставке. Отметить их и показать, как триумфальное завершение века во Франции...

Основное в том, чтобы дать ощущение Парижа-котла, в котором кипит

будущее, и вложить все—и хорошее, и плохое, и самое худшее. Целый мир в стадии брожения, сама жизнь с ее непотребством, творящая будущее. Труд громадный, страшный труд, составляющий жизнь Парижа, ручной труд—фабрики, рабочие, и труд умственный—школы, лаборатории, повседневное, непомерное усилие. А также политика, финансы, наслаждение—все это, даже в отвратительном своем виде, служит будущему, несет цивилизацию и прогресс. Все большие столицы были орудием [108] прогресса, и даже города наслаждения и разврата были очагами цивилизации. Поэтому мне не следует проклинать Париж, выставляя его городом публичных девок, любить которых люди стекаются со всех концов мира. Красота также должна сыграть роль, эта роль будет поручена моей девкеактрисе—она очень красива, отдается ради наслаждения, и в заключительной части ее приветствуют. Итак, весь этот блеск разврата приемлется. На каком разложении построен новый мир; очень смело высказать это и показать, в конце, клич надежды на заре, восходящей над Парижем.

Все это надо использовать, ибо это—жизнь. Если мы возмущаемся от гнева и отвращения, то потому лишь, что прислушиваемся к голосу относительной морали, для которой важны детали, [109] а не целое. Это тесно подчинено временным требованиям, которыми управляет социальный порядок, необходимый на сегодняшний день, неприемлемый завтра. А над всем—идея труда и плодовитости, заключение предвещает будущее...

Группу банкиров надо представить так, чтобы в ней было больше правды. Он очень значительное лицо, особенно благодаря отцу, нажившему состояние (в 89-м году). Сын еще больше увеличил его. Но он не так расчетлив, как отец, любит пожить—этим надо объяснить его связь с актрисой. С другой стороны, я не могу сделать его банальным, так как он является представителем целого класса, я резюмирую в нем весь его класс: выдвинуть его фигуру, сделать ее типичной, грозный человек. Это не голодный, беспокойный Саккар²³, а торжествующий Толстяк²⁴, бьющий наверняка, прямолинейный и самоуверенный, ворочающий миллионами. В доме у него подавляющая роскошь-лакеи, апартаменты, пышные приемы, чудеса искусства; он на короткую ногу [113] с правительством, в большой силе, всеми признан и держит в руках если не всю Францию, то, по меньшей мере, министерство. В некоторые моменты эта фигура должна вырасти еще больше, стать непомерной, олицетворять буржуазию, все захватившую в свои руки, разжиревшую и, главное, не желающую ничего отдать. Рассказать его историю, историю его семьи и попутно царствования Наполеона, Людовика XVIII, Карла X, Луи-Филиппа, республики и Наполеона III.

Единственная его слабость—актриса. Она отчасти обирает его. Ради нее он готов совершить подлый поступок. Потребность утолить свои желания. Деньги—для него пустое. Хуже, когда она требует, чтобы он устроил ее во «Французскую комедию», и запрещает трогать ее до тех пор, пока он этого не выполнит; отсюда его гнев и отчаянное вожделение. Очень хорошо сделать так, будто министерство сопротивляется и он грозит свергнуть его единственно для того, [114] чтобы новое министерство поддержало его просьбу о принятии его любовницы во «Французскую комедию». Даже если министерство останется, министр народного просвещения вылетит единственно за это. В министерстве, поддержанном банкиром, новый министр просвещения, более снисходительный, откроет перед нею двери театра; и дело этой особы легкого поведения должно закончиться

успешно. А банкирша даст мне благотворительность, ради которой Пьер бывает у нее в доме. Вопрос о ее широких затеях-целое исследование о благотворительности. Бессилие, обманчивость парижской благотворительности. Это мне нужно для последующего; этим оправдываются выходы банкирши из дома, объясняется ее присутствие там, где мне нужно. Я сохраню любовную историю ее с аристократом и ненависть к дочери, которая отнимает у матери любовника и женит его на себе. Банкиршу я сделаю почти симпатичной. Оставленная мужем, которому [115] принесла в приданое миллион, она влюбилась в молодого дворянина. Сделать ее влюбленной женщиной, не желающей стареть; у нее уже было два любовника, которых она страстно любила и должна была женить. Нежная, влюбленная, никуда негодная мать. Всегда хотела нравиться, жила лишь для любви, вне дома, когда муж ее оставил; очень красива, только и думает о своей красоте. Этим объясняется ненависть дочери, которую она забросила, оскорбила. У дочери физический недостаток, она слегка горбата, с продолговатым лицом, не слишком некрасива, но очень худа. Ненависть дочери, двадцатипятилетней девушки, чувствующей, что она не возбуждает ни у кого желаний; зла за это на мать, к которой льнут мужчины. Очень умна, озлоблена. Таким образом, драма в том, что дворянин, по существу, добрый малый, проявляет к ней интерес из жалости, видя, что никто ее не любит. Раз я [116] не хочу слишком ее унижать, я должен придумать вместо нужды в деньгах какую-нибудь другую причину, побуждающую его жениться на ней. Его может тронуть и разжалобить любовь этой полукалеки. У нее-то нет недостатка в женихах, она уже отказала четырем или пяти претендентам, привлеченным ее пятимиллионным приданым. «Ей-богу, за пять миллионов они не погнушаются взять невесту из Сен-Лазарской больницы». Но она полюбила молодого дворянина, который по доброте сердечной хорошо к ней отнесся, а кроме того, ей захотелось отбить его у матери, чтобы утолить давнишнюю злобутут нужны тонкий анализ и чувство меры. Таким образом, все зависит от молодого дворянина.

Старинный, но разорившийся род. У матери салон в Сен-Жерменском предместье, где собираются остатки старинной аристократии. Камень преткновения в том, чтобы сделать [117] этих людей очень подлыми либо очень смешными. Придется, конечно, сказать, что громкие имена пользуются еще влиянием во Франции, благодаря деньгам, своей роли (особенно в дипломатическом мире). Сказать, что для моего молодого дворянина был открыт лишь один путь-дипломатия; причины, почему он не пошел по этому пути. Дядя-посланник в Берлине, куда он мог поехать в качестве атташе. Ему это не понравилось. Быть может, какой-нибудь проступок, скандальный карточный проигрыш, уплаченный дядей. Никакого продвижения на военной службе. Чтобы получить повышение, нужна была бы война. Поэтому он вернулся к матери, не найдя подходящей должности-везде принят с распростертыми объятиями, но ничего не делает. У матери есть еще пятнадцать—двадцать тысяч франков дохода, можно скромно прожить. Она очень благочестива, чопорна, но очаровательная старушка, [118] не очень спесива. Обожает сына, прощает ему все его проказы, предоставляет ему жить, как он хочет, предпочитая видеть его праздным и пугаясь всякий раз, как он хочет чем-нибудь заняться...

Во всех этих историях замешан сын, которого они забавляют; у него, как я уже говорил, будет приключение с авантюристкой, это надо обду-

мать. Тип у меня для него придуман хороший; товарищеские отношения с сестрой; они все поверяют друг другу, пытаются «удивить один другого своим поведением», но неудачно, он любит прихвастнуть своей порочностью и, в особенности, педерастией, «Дуглас». Женщины внушают ему отвращение, и он ходит к авантюристке, чтобы встречаться с одним молодым англичанином, английским лордом. Настоящий отпрыск аристократической семьи и современный эстет, то революционер, то католик, каждую минуту меняет вкусы. Любовное приключение с авантюристкой, увлекшейся им, -- он не поддавался, тогда она напала на него и принудила его [121] уступить. Главное, не позабыть про ограбление особняка, где живет авантюристка, — она принимала у себя очень смешанное общество: анархистов, воспользовавшихся ее отсутствием и обокравших ее, мелких воришек, мелких убийц... Я сделаю ее венкой или [122] русской, очень эксцентричной, очень передовой; она красива, но с неправильными чертами лица, у нее немного мужской склад характера. Она всем интересуется, даже химией; познакомившись с Гильомом, идет к нему в гости; умная, но взбалмошная. Несомненно, богата, но богатство ее неизвестного происхождения. Ей 30 лет, хотя она говорит, что 27, выдает себя за вдову, но полагают, что ее муж жив и ездит по белу свету с молодой княжной, которую он похитил. Легенда по поводу мужа: он прекрасен, как архангел, и неотразим, пламенная страсть, любовь.

У меня имеется группа рабочих, которых я также хочу сделать типичными. Итак, мой анархист будет Вайяном, обездоленным бедняком, рабочим, который постепенно озлобляется, но еще гуманен. У него жена, которую он бросил, любовница и дочь от нее, или [123], пожалуй, жена бросила его с маленьким ребенком, которого воспитывает любовница. У этой женщины он оставляет ребенка (обдумать, при каких обстоятельствах). Затем возвращение из Америки, он разыскивает эту женщину, в свою очередь, брошенную мужем, очень бедную. И естественно, найдя у нее свою дочь, увидев, что она одна, он становится ее мужем в силу обстоятельств. Характер женщины—добрая, мягкая, придумать характер девочки. Мне трудно окончательно установить эти характеры, не прочитав еще раз дело Вайяна. Во всяком случае, большая нужда: в первой главе нищета этой четы настолько велика, что два дня нет даже хлеба. Вокруг них такая же нужда, [124] безуспешная попытка занять кусок хлеба. Затем—вся группа...

Далее: у любовницы моего Вайяна два брата. Старший уже старик, женат, имеет троих детей, они уехали и трудятся в других местах. Сделать хорошую рабочую семью парижан; сам работает, пьет мало; дела, в общем, шли хорошо, но вот ему стукнуло 45 лет, мысль, что годы идут.

Невозможность скопить что-либо на черный день, надвигающаяся страшная старость. Те же мысли у жены. Если случится болезнь или безработица, наступит черная нужда. Болезни мужа достаточно, чтобы иссякли все их жалкие сбережения. Я описываю семью именно с этого момента; в сорок лет приходится начинать новую жизнь: жена ищет места поденщицы, муж снова принимается за работу. [127] Сопряженные с этим трудности, никаких надежд впереди. Он немного опустился, отяжелел; республиканец по политическим убеждениям, но стал скептиком и только пожимает плечами, ничего не ожидая лично для себя от революции, о которой говорят окружающие: поздно, если это и случится когда-нибудь, его уже не будет в живых. Я могу вывести его на сцену только в связи

с сестрой, которая придет к нему за помощью после покушения Вайяна. Но он так же беден, как сестра, почти ничего не может дать ей взаймы. И его мнение о том, кого он называет своим шурином; сам он не анархист, но если в буржуа бросают бомбы, то пусть буржуа устраиваются как хотят, тем хуже для них, они добились того, чего хотели. А в конце он снова заболеет — я покажу старость рабочего, [128] который не мог ничего скопить и сражен болезнью...

Фигурирующие у меня типы: гедист, сен-симонист, член Парижского муниципального совета; анархист-иностранец; тип Эмиля Анри; позитивист, мелкие убийцы. Прежде чем окончательно установить их, я должен познакомиться с анархистским и социалистическим движением. [132] Это, очевидно, будут второстепенные лица, не участвующие в драматическом действии. Они будут вращаться вокруг Вайяна и Гильома. Я представляю себе, что иностранец-анархист-соотечественник или сосед моей авантюристки и ходит к Гильому беседовать о науке и анархии. Не повторять Суварина, Суварина я трогать не хочу. Он примет участие в действии мимоходом; это эмигрант, человек, не имеющий родины, за которым, безусловно, числится террористический акт где-нибудь в Испании. Известен полиции, не имеет права передвижения под страхом высылки и, несомненно, выслан в конце. Я имел также в виду какого-нибудь Гамилькара Чиприани²⁵. Значит, старик—«апостол свободы, который провел жизнь в тюрьмах». Также эпизодическая фигура; старого закала, несколько пассивная любовь к свободе, всегда кончавшаяся для него заключением в тюрьме, и он несколько удивленно и грустно смотрит на анархистов, [133] этих новых пришельцев, чуждый им. Я покажу его во Франции, между двух тюрем; он выпущен на свободу и снова попадает в изгнание, действительно выслан в конце. Он знаком с Гильомом, приходит к нему поговорить, когда тот лежит раненый у Пьера, там перед ним проходят другие типы, даже иностранец-анархист; этот никогда не бывал в тюрьме, но в конце он также вынужден покинуть Францию. Мой Эмиль Анри может быть знакомым Гильома и его сыновей. Итак, на Монмартре, по соседству. У него мать, очень бедная, но не совсем лишенная средств, она имеет маленькую ренту. Весь тип целиком, но не играет активной роли. Не сходится во взглядах с сыновьями Гильома.

Типичный представитель сбившейся с пути, нетерпеливой молодежи, растущей в тени, придерживающейся крайних убеждений. Он один знает, [134] чего добивается, и рассуждает в качестве образованного человека. Дитя буржуазии. Я не представляю себе, чтобы он мог бросить бомбу, хотя мне бы этого, пожалуй, хотелось. Гильом не совершит покушения, это сделает в последнюю минуту Эмиль Анри. И с той поры эта фигура становится интересной; я покажу его не более двух-трех раз, молча и упорно обдумывающим свою идею. А в конце он мстит за Вайяна, бросая бомбу в кафе, причем я даю понять, что его осудят и казнят, как того. Его несчастная мать. Слова Гильома, когда он использовал взрывчатое вещество для механических целей и узнал о покушении моего Эмиля Анри: «Это еще не кончено». Его печаль, быть может, сожаление. И оптимизм Пьера в отношении Парижа, бомбардируемого требованиями политических прав со стороны четвертого сословия. Коллективист, бывший член [135] Коммуны, ставший членом Муниципального совета, позитивист—все они могут быть немыми персонажами. Пожалуй, их следовало бы исключить. Мне непременно нужен коллективист, я могу сделать им

депутата, вроде Геда, я даже использую тип самого Геда; но, пожалуй, помещу его в Палату, не связывая с Гильомом. Это теоретик, он заинтересовывает Пьера, но неприемлем для Гильома. В качестве муниципального советника я предпочитаю человека уже в летах, бывшего члена Коммуны, сен-симониста в прошлом, гуманитариста старой школы-Фурье и других. Он-друг Гильома, бывает у него, навещает его, когда тот ранен. Но он склоняется к реакции, его братья считают, что он недостаточно привержен делу революции, идеалист в душе, и это на самом деле так: коллективисты его презирают, анархисты ненавидят; старый хрыч. Гильом-позитивист, но идеалистическая сторона у него отсутствует, он вполне допускает возможность вулканического потрясения. Отнюдь не классический, ортодоксальный позитивист, просто-сторонник эволюции. Затем мне нужен анархист, [136] связанный с полицией, до известной степени предатель моего Вайяна; Гильом его боится-это просто вор, замысливший вместе с другими тремя бандитами обокрасть богатую авантюристкуанархия ради кражи. О них я только упомяну вскользь, а покажу того, кто связан с полицией. Он яростный фанатик публичных собраний, никогда не попадается, умеет всегда увернуться от ареста. Я покажу его только однажды, а в конце он окажется причастным к краже. О нем ходит слух, будто он служит в полиции; на этот раз, однако, его арестовывают, но, в конце концов, освобождают. Мелкие воры и мелкие убийцы нужны, чтобы показать, в чем теория анархии: воровать, отбирать то, что принадлежит собственнику, в пользу общины.

Я окончательно установил типы дворянина и его матери, но мне хотелось бы присоединить к ней генерала или полковника. Не знаю, какую дать ему роль. Он мог бы быть начальником [137] старшего сына Гильома и сына рабочего. Сожалеет о старой армии, более замкнутой, когда не все служили. Солдаты нужны, чтобы защищать землю, каста, но всеобщая воинская повинность через некоторое время приведет армию к гибели; противник новых армий, это-конец войне через более или менее продолжительный промежуток времени. Военное сословие гибнет, на военной службе нечего больше делать. Понемногу ее оставляют так же, как духовную службу. Итак, он родственник дворянина, тот вводит его к банкиру, где он и высказывает свои теории. В конце он будет свидетелем на свадьбе племянника; таким образом, я свяжу его с женитьбой. Но мне хотелось бы еще раз вывести его-у Гильома или в другом месте, связав с сыном Гильома или сыном рабочего. Славный старик, достаточно светский. Громкое имя, связать с ним роль армии в Париже, пожалуй, хорошо бы поместить смотр. [138] Блестящая армия в Париже, а также армия, охраняющая Париж от насилий революционеров...

Но политическая интрига представляется мне пока неясной. Я изображу дело с железными дорогами, банкира, подкупившего некоторых членов Палаты, чтобы те голосовали за него. Он действует через посредника-англичанина, например, который [139] скрывается за границу. Между тем, газета, занимающаяся скандалами, выдает тайну, и возникает угроза опубликования списка взяточников. В сущности, обыкновенное дело, какие случались в любом парламенте, но оно приняло более серьезный оборот, благодаря тем или иным обстоятельствам; не следует делать его особенно ужасным, так как тогда мой банкир будет скомпрометирован, а это совершенно нежелательно. Он должен сказать: «О, я не боюсь, я сделал то, что все делают». Но, по существу, у него возникли опасения. Он

купил голоса различными способами. Много денег дал прессе под предлогом рекламы. В один прекрасный вечер дело разоблачается, и вот министр оказывается под угрозой. Разоблачающая газета определенно указывает на главу кабинета, бывшего министром торговли в момент вотирования в пользу железных дорог. Он, действительно, получил деньги, но для республики (?). Указаны также главный редактор большой газеты, депутат, депутат-делец и депутат, разоряющийся ради женщин. Их имена циркулируют. Носятся слухи о всяких пакостях. [140] Вот тут-то и вносит запрос депутат-гедист. Но обсуждаться он будет позднее, в заседании, которое я подготовлю в конце III книги. Председатель кабинета использует в свое оправдание бомбу, арест анархиста и закончит, пожалуй, отставкой всего кабинета с ним самим во главе; это даст мне министерский кризис, а в заключение-этот же председатель совета министров восторжествует и вернется к власти, причем он просто возьмет другой портфель-министра юстиции, оставаясь во главе кабинета. Это позволит мне упомянуть в связи с делом имя президента республики и показать типичную картину обмана. Но, чтобы кабинет был опрокинут, нужен противник, и вот тут-то я и хотел бы показать, что под всякими министерскими кризисами чаще всего кроется вопрос о той или иной личности. [141] Все дело в том, кто окажется у власти, кто будет царить, распределять ордена, должности и пр. Таким образом, различие взглядов между группой, находящейся у власти, и группой, стремящейся к власти, очень невелико. Я могу взять тип Констана 26 -- самоуверенного, новоиспеченного республиканца, весьма солидного и не слишком разборчивого в средствах; он пользуется кассой банкира для борьбы с врагами республики и своими противниками, которые обливают его грязью. Сочетание Флоке с Констаном. Его не обвинят прямо в воровстве. Он богат, любит роскошь. Но возможно,

"ФИНАЛ ДЕЛА ДРЕЙФУСА"
Враждебная Золя и дрейфусарам карикатура
Рисунок А. А. Лабудзь
"Стрекоза" 1898 г., № 8

что один из министров откровенно клал себе денежки в карман. Против него выступает какой-нибудь Буржуа²⁷, радикал, стремящийся подняться на вершину власти, требуя смертной казни, реформ, хотя, достигнув ее, он оказывается совершенно бессильным. Он не должен слишком отличаться от своего соперника. Итак, в первой книге вся эта парламентская публика находится под угрозой разоблачения (после панамы, возобновление панамы). Сплетни, угрозы министерству, [142] предвидят уже его падение, группа, представляющая его, в большой тревоге, между тем как группа, жаждущая его заместить, радуется, алчная, готовая взять приступом власть. Требование запроса снимается, почему откладывается и обсуждение. Буржуа поднимает вопрос относительно интерпелляции. Затем, когда я покажу все эти постыдные явления, а также возвращение к панаме, -- все завершит бомба. Если бы не бомба, министерство, несомненно, должно было бы пасть. Все это нужно, чтобы показать, что Париж, республика находились в руках у различных парламентских групп, раздиравших их; политическая борьба сверху, а истинная подкладкаустремление вожделений к богатству и власти. В третьей книге-министерство пользуется бомбой, чтобы сохранить власть, но я хотел бы привести его к отставке и показать министерский кризис, [143] это послужило бы содержанием моих двух последних книг. После ареста анархиста глава кабинета может, конечно, указать с трибуны, что он вновь является спасителем республики. За него большинство, но очень слабое. Тут он может подать в отставку, и тогда наступает кризис. Бессилие буржуазии что-либо предпринять и обращение к бывшему премьеру с просьбой сформировать новый кабинет; прежний кабинет возвращается целиком, пожертвовав невиновным министром (финансы), который подвергся обвинениям, и передав портфель министра внутренних дел другой своей кандидатуре. Это может произойти после второй бомбы моего Эмиля Анри и служить объяснением нового ужаса, объявшего Париж, и быстрого разрешения министерского кризиса.

Чтобы министерский кризис был более драматизирован, я должен [144] обыкновенного министра сделать значительным персонажем, лицом, которое станет во главе парламентской интриги. Именно ему будет поручено после отставки министерства сформировать новый кабинет из остатков прежнего; он же окажется премьер-министром и получит портфель министра финансов. Это несколько изменит положение вещей. Итак, разоблачение аферы с железной дорогой-угроза кабинету. Обвинение по адресу двух министров-главы кабинета, типа Флоке, который брал взятки, чтобы субсидировать газеты, защищающие республику-романтичен, красноречив; затем-министра финансов, запутавшегося в деньгах, причем непонятно, что собственно он сделал; намекнуть, что он брал взятки, но окружить его тайной, сложными махинациями, он не сознается. Два типа—романтический, [145] глуповатый, но честный Флоке; и Рувье—честолюбец, любящий деньгу, при этом человек твердый, в котором нуждаются. Сочетание Рувье и Констана. Вот как развертывается в данном случае история: железнодорожная афера при другом министерстве, когда Флоке был министром внутренних дел и председателем совета, а Рувье имел вновь портфель министра общественных работ. Как бы то ни было, они оба скомпрометированы; им угрожают запросом. Взрыв бомбы отсрочивает запрос, ходят слухи, будто бомба их спасла, но анархиста не сразу арестовывают, и появляются новые разоблачения. Кабинет снова переживает

тяжелые минуты. Буржуа, стремясь к власти, требует [146] назначить день для запроса, но тут арестовывают анархиста, и кабинет опять укрепляется. Заседание, где Флоке защищается с большим красноречием, и падение министерства, получившего меньшинство в два-три голоса. Рувье взбешен признаниями Флоке. «Какой дурак, разве в этом сознаются?». Разъяренный Рувье чувствует, что положение его неустойчиво, и с апломбом лжет, но, понимая, что падение кабинета неизбежно, он скрыто подстраивает так, чтобы голосование было против него, сам оставаясь в тени. Наступает кризис. Буржуа готов уже воспользоваться наследством, тем более, что президент республики вызвал его к себе, но Рувье-Констан вставляет ему палки в колеса, старается затянуть кризис, предполагая, что никогда не ограничиваются одним-единственным покушением, и предвидя отмщение после казни; затянувшийся кризис и покущение моего Эмиля Анри; Рувье поручено сформировать, вернее обновить, [147] кабинет, ему удается сделать это в 24 часа, причем он берет себе портфель министра финансов, к которому давно уже подбирается, и становится премьером — конечная цель его честолюбия. Меня стесняют только даты, так как приходится сделать кризис слишком продолжительным. Это надо продумать, разве только устроить так, чтобы у власти было министерство Буржуа, которое падет в день покушения Эмиля Анри по милости моего Рувье, причем он сам окажется заместителем Буржуа. Это только еще лучше подчеркнет постоянную смену министров, покажет, что все кабинеты похожи один на другой и чередуются между собою. Вечное балансирование.

Но основные типы остаются. Глава кабинета Флоке, честный и романтичный. Спас республику, благодаря субсидированию газет, недалекий, очень смелый, говорит правду в ущерб самому себе. Старинная дружба с Гамбеттой. Жертва во всей этой истории. Министр Рувье-Констан, [148] деятельная, интересная фигура. Новый человек, однако, не молод, нечто среднее между Флоке и Буржуа. Талантлив, практичен, слегка испорченная репутация. Тип Рувье в несколько измененном виде. Энергичный человек, на которого Палата может положиться в опасный момент. Неразборчив в средствах, но ловок, неспособен попасться на удочку. Короче говоря, Буржуа новейшей формации. Принадлежит к молодому поколению, жаждущему власти, радикал, мечтающий захватить и удержать в своих руках республику; разумный, живой, обладает большими знаниями, непрочь попытаться ввести давно обещанные реформы. Олицетворение всяких Буржуа, Пуанкаре, Лейгов²⁸, будущее. Пройдоха, способен осуществлять—очень честолюбив, хочет сделать карьеру быстро, пока еще молод, понимает, что республика нуждается в новых

В числе депутатов у меня имеется депутат—главный редактор большой утренней газеты.

Я возьму тип Эбрара²⁹, изменив его облик. [149] Делец, главным образом спекулирующий на своей газете, несомненно, брал взятки, но жуир, имеет собственный особняк, живет с женщинами, афиширует свою связь с певичкой, дружен с банкиром. Я возьму портрет Берарди. Другой депутат, пожилой, нуждается, провинциал, домашняя жизнь—ад, молодая жена проживает весь его заработок, сын от первого брака делает долги. Короче говоря—нужда. Затем молодой депутат, не отличается щепетильностью, кутила, весельчак, приятный собеседник, игра, жен-

щины, истый парижанин и т. д. Наконец, воинствующий социалист Гед, принимающий участие в спорах; но не имеет ничего общего с группой Гильома. Вот какую я дам ему роль, когда окончательно продумаю социалистов. Бесполезное действие в интересах других.

[150] Редактор разоблачающей газеты — тип Дрюмона³⁰, продумать. Человек, доведенный до крайности, по уши в долгах, страдает манией гласности, неудавшийся журналист, опубликовал две-три неудачных книги; ведет кампанию шантажа против больших кредитных учреждений Парижа. Репортер из тех, кому на все наплевать, приятный малый, олицетворяет мелкую прессу, посредник банкира; я показываю его на всех собраниях; другой исчез, о нем только говорят.

У меня есть судебный следователь, парижанин, любезный, сметливый человек, бывает у банкира, председатель суда, представитель старой Франции, друг матери дворянина и завсегдатай ее салона, прокурор по политическим делам, которого я сделаю политиком, консервативным республиканцем. [151] Впрочем, у них чисто эпизодические роли, дающие пищу суждениям, чтобы Пьер мог делать выводы и судить обо всем Париже.

То же относится к полицейскому комиссару, начальнику охранки и сыщику, который арестует анархиста: это все проходящие фигуры...

Не забывать, что «Париж»—продолжение «Рима» и «Лурда», он должен служить заключительной частью. Итак, вернуться к идеям первых двух томов...

[190] Я хочу, чтобы после «Рима» в «Париже» чувствовалась непрерывная деятельность ватиканских священников. Политика Льва XIII заключается в том, чтобы завладеть Французской республикой; я должен вернуться к словам, которые Мари говорит Пьеру во время их последней встречи. Нужно, чтобы кардинал Бержеро умер: у него было расовое и сословное предубеждение против иезуитов: «О, если вы подразумеваете под словом иезуиты мудрых пастырей, пытающихся человечным способом привлечь современное общество к церкви», и т. д. Он с ожесточением преследует иезуитов, которые стоят за Францию, за богатство, силу и смелость. Великая католическая нация держится стойко. Напрасно республика не помогает святому отцу в деле примирения. Папа в будущем; в этом именно и заключается для Франции весь вопрос и т. д. «Будьте молодцом, Пьер, не портите себе жизнь». Нет, нет, он не забудет того, что видел во время своего странствования. Он хорошо знает дружбу всех народов в лоне их святой матери-церкви, диктатуру Августа, хозяина мира. Таким образом, мне необходимо вернуться к этому с первой же главы. [191] Надо показать, что Пьер прекрасно сознает победу священников, иезуитов, людей из Ватикана, над Парижем, и это сознание усугубляет его отчаянье. Знаменитое новое веяние, о котором говорят, волна мистицизма, угроза возврата к старине. Недостаток истинного милосердия, пример которого подает аббат Роз, преследуемый, впавший в немилость. Но мне неясно, какой из персонажей может олицетворять в Париже политику Льва XIII. Қардинал Бержеро умер; печаль Пьера: это был единственный добрый, светлый ум. Теперь в епископстве остались одни ослы, сектанты или политики. Мне нужен священник, который олицетворит новое веяние, попытку завоевать республику. [192] Какой-нибудь французский прелат, стоящий во главе епархии, нечто вроде персепольского епископа у неверных. Очень деятельный, большой приверженец папы, светский человек, дипломатичен и сдержан, до некоторой степени

миссионер. Монсиньор Марта, итальянец по происхождению. Читал проповеди в Сакре-Кёр. Играет большую роль в епископстве, занимает место аббата Роз в Сакре-Кёр. В таком случае, я упомяну о нем в первой главе. Я выведу его в пятой главе первой книги—в церкви Магдалины, он прочтет проповедь о новом веянии. В четвертой главе второй книги речь о нем поведут Пьер и Франсуа. Я покажу его в третьей главе третьей книги у Монферрана; он явится для заключения какой-нибудь сделки; затем в сцене, когда Пьер и аббат Роз расстаются, в третьей главе четвертой книги, на бракосочетании в церкви Магдалины, где он торжествует вместе с буржуазией, во второй главе пятой книги и в последней главе романа.

V. ДВЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖЕЙ ИЗ «ЛУРДА» И «РИМА»

Мы приводим из рукописной рубрики «персонажи», в качестве примера, характеристики двух главных действующих лиц—Мари де Герсен из романа «Лурд» и Бенедетты Брандини из романа «Рим». Нужно иметь в виду, что в этих характеристиках повторяются или сведены воедино отдельные черты этих образов, намеченные в соответствующих «набросках». Они даны в развитом виде в последнем рукописном варианте. Однако, и здесь, сравнительно с романом, Золя оставляет место для дальнейших исканий: «разработать» (об отце), «разработать тип старшей сестры». Физический портрет обеих героинь, биографические данные о них в преломлении фабулы романа, их душевная драма—все это дано в достаточной мере осложненно. Так что заключать о психологическом примитивизме автора, как это делают некоторые критики, в результате знакомства с рукописями творческой лаборатории Золя уже нельзя. В приведенных характеристиках нет, однако, важной для Золя черты—социальных обликов героинь. Но в данном случае мы имеем дело с исключением: среди действующих лиц романов Золя образов интимно-психологических неизмеримо меньше, чем типов социальных.

Текст характеристики Мари де Герсен («Лурд»):

[20] МАРИ ДЕ ГЕРСЕН-23 ГОДА

Блондинка, изумительные волосы, которые остались густыми и красивыми даже во время болезни. От десяти до пятнадцати лет она была здоровой, сильной девочкой, очень живой, полной жизненной энергии. Итак, веселая, сияющая, с круглым личиком, свежими щечками, голубыми глазами и смеющимся ртом. Точеный носик, открытый лоб, крайне подвижное лицо. Кожа ослепительной белизны. Вся-блеск, сияние: глазазвезды, рот-цветок, молочной белизны кожа, золотые волосы, сама лучезарность. Я уже сказал, что у нее сохранились прекрасные золотые волосы; [21] тяжелые и густые, они спускаются ниже колен, Мари могла бы вся завернуться в них. Тело же ее все словно съежилось, она как бы вновь стала девочкой, рот побледнел, глаза стали светлыми и какими-то пустыми, лицо вытянулось. Все такая же беленькая, она как бы всю свою жизнерадостность вобрала в себя. Чувствуется, что, даже измученная болезнью, она сумела сохранить много мужества и жизнерадостности. Очень трогательная именно потому, что ей, столь живой, столь веселой и энергичной, столь полной жизни, приходится годами сохранять полную неподвижность. Что касается болезни, нужно ее еще придумать. Мне хочется, чтобы у нее были поражены какие-нибудь внутренние половые органы.

Болезнь яичников или матки. У нее никогда не было регул. И если бы мне это удалось, чудо [22] как раз и будет состоять в том, что вдруг появится кровь. Но с какой осторожностью и деликатностью все это должно быть сказано! Лучше всего, чтобы болезнь возникла в результате какогонибудь несчастного случая. Пока семья располагала некоторыми средствами, Мари возили по всяким водам. Потом отчаялись в ее выздоровлении. Взять весь материал из истории чудесного исцеления мадмуазель Фонтенон де Ласёр. В конце концов, Мари положили в шину и для передвижения приспособили тележку на колесиках. Теперь ее история. Г-н де Герсен, уроженец Анжу, выходец из мелкой дворянской семьи, располагал маленьким состоянием. В Нейльи у него был небольшой собственный домик, соседний с домиком Фроманов. По профессии Герсен был архитектором; он был большим фантазером и набожным католиком. В результате спекуляций во время постройки рабочих городков с церквами и школами, он потерял все состояние. С точки зрения искусства Герсен был небольшой величиной; много дилетантства, недостаток знаний [23] (архитектор-экспериментатор и выдумщик, постоянно парит в небесах). Однако, по временам у него были проблески таланта. Когдато он даже написал стихи в честь богоматери. Влюблен в природу, что мне позволяет ссылаться на Гаварни. У него вполне установившийся взгляд на архитектуру, он критикует церковь в Розэре и базилику. Словом, интересный человек, убежденный католик, что не мешает ему, при случае, сбиваться с прямого пути. Разработать. Итак, это тип отца, дела которого хорошо итти не могут. Даты-следующие. Когда Мари было десять лет, семья благоденствовала. Как раз в это время развернулся ее идиллический роман с шестнадцатилетним Пьером. Она заболевает тринадцати лет, в период переходного возраста. Пьер вновь встречает девушку, когда ей уже восемнадцать лет, --именно под влиянием ее болезни он решается стать священником. Следовательно, вот уже пять лет подряд ее возят по всяким водам, советуются со всеми светилами врачебного мира. Она обречена, наука бессильна помочь ей. [24] Как раз в это время отец теряет все свое состояние. Проходит еще шесть лет, в течение которых Герсены скатываются все ниже и ниже. Они принуждены оставить свой дом и поселиться в скромной и бедной квартирке. Я сделаю г-жу Герсен чрезвычайно благочестивой, практичной женщиной. Суровая, благородная фигура. Пока она была жива, дела еще кой-как шли. Она воспитала своих двух дочерей в строго религиозных правилах. В строгости держала и мужа; именно религия особенно сближала г-жу и г-на Герсен. Г-жа Герсен умирает первая от воспаления легких, простудившись, ухаживая за дочерью. Пьер вновь встречает Мари, когда она носит траур по матери. Ей восемнадцать лет, она неизлечимо больна, обречена на полную неподвижность. Мать скончалась на водах, куда она повезла дочь лечиться от молниеносного [25] воспаления легких. Однажды на прогулке их застиг дождь, и мать простудилась, так как сняла свое пальто, чтобы прикрыть Мари. Итак, после смерти матери семья испытывает все более острую нужду. Старшая сестра Бланш, которая как раз успешно сдала последние экзамены, кое-как своим трудом кормит отца и сестру. Тяжелая нищета. Разработать тип старшей сестры, которая буквально показывает чудеса трудолюбия, чтобы прокормить семью. Уроки французского и музыки, постоянная езда на трамваях и омнибусах из одного конца города в другой. Итак, Пьер вновь видит Мари. Она АВТОГРАФ ХАРАКТЕРИСТИКИ БЕНЕДЕТТЫ ИЗ РУКОПИСЕЙ К РОМАНУ ЗОЛЯ "РИМ"

Библиотека Межан в Экс-Прованском, Франция

Penedetta, contessiona P.Brandini. ans . - Dom at nie en 69 - a porden su more, il gra hix-hust more, et vinet a finise son soul; mongrate ougure en noire. Est readenne pares de du terrete dequis on an , is you fait y - les formes letis en coure de Louis trainent depuis on an , pour le divorce. Est pertet ance som mure, Lander, for land dix duits with un an , et a person Ta mon morte de chagnin d'avant 15 mind murie to fell, ; as goi fait you the a étà marier à 23 ans, il y a dus · aus avec me pour blande ming tris mate, the issortine. Figure on peur peur made immobile, prefords et migsterioux. Un severire trure it exquis, & I'me somethin wie with grand it buit. I son our engurations le common munt de l'Drient Tris jonne, très Hanche this colone, avec ses granx Conducts. Les momennents leurs tot rai-

осталась такой же религиозной, болезнь даже усилила ее набожность. Анализ всего этого. Ей пришло в голову отправиться в Лурд, так как она уверена, что там поправится. Пьер советуется с известным врачом. Тот говорит ему [26]: «Если она так уверена в выздоровлении, она излечится». Каким образом Пьер решается отвезти больную в Лурд. Он священник церкви в Нейльи, очень скромный, ведет уединенную жизнь. Слывет умным человеком, и архиепископство не раз делало ему всякие предложения, желая привлечь его к работе. Но Пьер от всего отказывался. Быть может, после одного из таких предложений он сожалеет об упадке в нем веры; будь он верующим, он мог бы принять это предложение и принести пользу. Все его попытки возродить в себе веру в Лурд. Именно потому, что он не верит, он решает остаться скромным, никому неизвестным священником, но честным человеком (да и к чему быть мужчиной, если Мари не может быть женщиной). Как воспринимает Пьер мысль о возможности излечения Мари. Пьер мечтает о великом милосердии. Последнее дать в самом конце вместе с идеей о религии человеческого страдания. Итак, Лурд — это попытка священника вернуть себе веру, [27] слепую веру XII столетия. Однако, Пьера ожидает провал. Он стремится горячо верить и не может. Нужно, чтобы Мари догадалась о внутренней драме Пьера. Она единственная в мире знает о том, что Пьер не верит. Откуда ей это известно? Придумать что-нибудь. В Лурде Мари горячо молится за обращение Пьера, но ее мольбы тщетны. Мари верит в чудо, которое будто бы ее исцелило, и Пьер возненавидел бы себя, если бы стал ее разубеждать в этом. Пусть она останется такой же верующей, как была. Даже выздоровевшая, она никогда не будет его женой, никогда не выйдет замуж за священника, забывшего свои клятвы. А ведь теперь она стала женщиной, может выйти замуж. Клятва остаться девственницей, которую она шепчет ему на ухо в поезде на обратном пути, под стук колес.

Текст характеристики Бенедетты («Рим»):

[148] Бенедетта, графиня Брандини, 25 лет, т. е. родилась в 69-м году. Потеряла мать полтора года назад, срок траура уже истек, но она попрежнему ходит вся в черном. Вот уже с год, как Бенедетта живет у тетки; таким образом, дело о разводе из-за формальностей в римском суде тянется уже год. До этого жила со своим мужем Прада и спустя шесть месяцев после свадьбы потеряла мать. Мать умерла через полгода после замужества дочери с горя, что так скверно выдала дочь. Значит, Бенедетта вышла замуж двадцати трех лет, два года назад.

Привлекательная внешность; белая, матовая кожа напоминает слоновую кость. Несколько неподвижное лицо, огромные глаза, соверщенно черные, глубокие, полные тайны. На-редкость очаровательная улыбка. блеск ее неотразим. Не столько загадочна, сколько ленива, мечтательна. В ней есть какой-то налет Востока. Очень юная, очень беленькая, спокойная, несмотря на знойные глаза. Движения медленные и облуманные; [149] походка спокойная, благородная и ритмичная. Вся жизнь сосредоточена в пылающем взоре и в несколько полном, чувственном рте. Вместе с тем, под гладкой белой кожей ощущается напряженность всего существа. Весь облик несколько загадочный; очень сдержанная и замкнутая. Нужно, чтобы за пламенным взором чувствовалась религиозность, доходящая до ханжества. Суеверная, своевольная и тщеславная; девственница. упорно бережет себя для любви, и главное - практичная женщина. не обманывается платоническими мечтами. Способна, несмотря на все свое благоразумие, на безумную страсть; вся-противоречие рассудка и чувства: нужно, чтобы это отражалось на ее лице. В ушах всегда жемчужные серьги; прекрасное жемчужное ожерелье, которое досталось ей от матери, а той подарил ее муж, граф Брандини, это-фамильные драгоценности. На примере Бенедетты показать воспитание девушки в Риме (также на примере Челии). Типичная римлянка; невежественная и суеверная. Итак, [150] отнюдь не синий чулок; никакого стремления к благотворительности. Очень практичная и, вместе с тем, страстная натура. Вся поглощена своим чувством, но очень своеобразно. Чтобы оживить этот тип, смутить Бенедетту в ее невежестве и практичности хотя бы путем чтения книг. Она прочла книгу Пьера и, встревоженная собственными несчастьями, пытается понять ее. Ее удивляет, каким образом можно интересоваться населением Трастевере. Она пытается заинтересоваться этим. И в силу столь неудачно сложившейся жизни, среди скуки и пустоты своих дней в ней просыпается интерес к этим людям. Нужно, чтобы это несколько изменило ее и повлияло на развязку, когда она отдается умирающему любовнику. С той минуты, как Бенедетта читает его книгу, Пьер заинтересовывается ею, старается завоевать эту душу для народа, для истины, для Италии завтрашнего дня, о которой он мечтает. Италия вчерашнего дня-невежественная и праздная-как хороща она в своей сонной красоте! Даже разрыв Бенедетты и Прада как бы воплощает столкновение старой Италии с Римом во главе и современной Северной Италии. Пьер прекрасно понимает это. Он хочет [151] мягко и осторожно сделать эту прекрасную женщину современным человеком. Отсюда их дружба, совместные посещения руин и новых кварталов Рима. Пьер в роли учителя. В какой степени он влюбляется в Бенедетту, в эту прекрасную Италию, столь невежественную и кроткую, чей пламенный, страстный взор скрывает столько тайны. Итак, сделать Бенедетту как бы прототипом Италии, передать всю умирающую грацию этой страны, столь пленительной в своем сонном безмолвии. И в конце ужасная развязка. Атавизм сметает все.

Характеристика, какую Пьер во время совместных прогулок дает Дарио—последнему отпрыску вымирающего рода. Бенедетта и Рим—сердце страны—оба пытаются стряхнуть с себя дрему. Римлянка—невежественная, способная на преданность и страсть. Неудачно выданная замуж, она влюбилась в Дарио и бережет свою девственность для него, с какой-то почти суеверной набожностью [152]. Чрезвычайно практичная по натуре, она стремится к серьезному чувству, к чувственной стороне любви. Именно потому во всех ее действиях очень много благоразумия и рассудительности. Никакой склонности к мечтательности, ее именно интересует реальная сторона брака. Наряду с этим набожное суеверие, обет, данный любимой святой. Бенедетта даже отделяет мадонну от бога.

Ее взгляд на девственность. Она поклялась сохранить девственность для Дарио, и это является движущей силой ее поступков на протяжении всей книги. Почему Бенедетта отвергает Прада и хочет развестись. Религиозное суеверие. Она хочет отдать чудесный дар своей девственности тому, кого она полюбит. Как она блюдет себя со страстью и благоразумием. Но и тут должна быть рука божия, благословение священника, религия. А в конце—показать то дикое величие, с которым Бенедетта встречает смерть; тут уже нет священника,—это крик плоти, победа природы.

VI. АНАЛИТИЧЕСКИЕ «ПЛАНЫ» К «ЛУРДУ», «РИМУ» И «ПАРИЖУ»

Аналитический «план» романа Золя писал обычно после «наброска», и естественно, что здесь общие замыслы и темы писателя преломлялись в фабуле романа и выступали с большей конкретностью. Таким образом, помимо ценности «планов» для характеристики творческого процесса писателя, они дают интересный материал и для определения основных идей романа.

Из публикуемых нами глав аналитических «планов» Золя к романам серии «Три города» мы избрали для более или менее детального разбора рукописный материал одной из глав «Парижа»; остальных «планов» мы коснемся кратко.

«План»—распространенный сценарий. Изложение событий и основные признаки описываемой обстановки чередуются в нем с размышлениями писателя, замечаниями, ссылками на источники и т. п.

Глава первая V книги «Парижа» о казни анархиста Сальва—одна из наиболее социально насыщенных в романе. Социальная тема развивается в этой главе в смешанной форме—публицистически-декларативной (устами Пьера, Гильома или от имени автора) и в ряде жанровых эпизодов. Особенно подчеркивается в аналитическом «плане» контрастность картин: «Описание нищеты» и «Возвращение домой светских кутил, разъезд из клуба»; «Главный упор сделан на рабочий квартал, еще не проснувшийся»; «Особая толпа посетителей казней, светский Париж, мошенники» и т. п. Исходным тезисом для этих изображений служит следующее замечание писателя: «Гильотина в квартале бедноты. Ее не воздвигают в богатом квартале, где она не имела бы никакого значения. Но здесь, в рабочем и бедном квартале, она служит угрозой и развязкой. Нищета, страдание приводят к ней, она держит в повиновении нищих и страждущих, всегда готовых к возмущению».

В какой форме отдельные кадры в аналитическом «плане» получили в дальнейшем законченное выражение, свидетельствует хотя бы роль следующего замечания писателя: «описание гильотины, она низкая». Изображение гильотины в романе выросло в пространное описание (самой гильотины, помощников палача, священника, палача и т. д.), причем одна деталь—«она низкая»—послужила к насыщенному метафорами параллелизму между былым «величественным красным эшафотом» и стоявшей на нем гильотиной, которая «воздымала к небу громадные, словно окровавленные руки», свидетельствуя «о всенародной расправе в эпоху революции», и современным ее состоянием, когда «хищного зверя свалили наземь, и он стал от этого еще более коварным, омерзительным и подлым».

Золя использовал для этого описания технические заметки, в большом количестве имеющиеся среди его рукописных материалов (рубрика «Разные детали»). Вот чем объясняется его ссылка в «плане»: «Придумать... посмотреть заметки... слова в заметках» и т. п. Промежуточной стадии между аналитическими «планами» (не следует забывать, что мы имеем дело со второй редакцией «плана») и текстом романа у Золя не было.

Таким образом, один из основных мотивов романа «Париж»—показать социальный контраст нищеты и богатства, «досужей жизни буржуазии и трудовой жизни рабочего»— в «плане» данной главы настойчиво подчеркивается писателем с характерной для него схематичностью. Сравнительно с другими главами романа, особенно ценны здесь моменты живописно-пластического изображения (рассвет, лунный пейзаж, метельщики, тряпичники и т. д.). Жанровые картины этой главы убедительнее риторических рассуждений.

Несколько иной, публицистический характер приобретают в романе замечания Золя в «плане» о беседе Пьера с Гильомом на Монмартре. Декларации их в романе против католической церкви и религии были написаны на основе и в духе многочисленных высказываний писателя в «набросках» к «Трем городам». Я имею в виду рассуждения Гильома о видениях Алакок—«сердце Иисусовом—низменном и отвратительном материализме, напоминавшем мясную лавку с выставленным в ней ливером, мясом и кровью», или слова Пьера о Сакре-Кёр—«гигантской крепости, воздвигнутой для того, чтобы обстреливать и держать в повиновении город».

«План» IV главы из третьей книги «Парижа» интересен, благодаря объективности, так сказать, констатирующего описания облавы на фоне пейзажа Булонского леса. Краткие заметки в «плане» определяют самый характер этих описаний: «Пасмурный день. Ночью шел дождь, небо осталось серым, предвидится снова ливень. Описать лес в этот пасмурный день в конце марта. Листья едва начинают распускаться» и «Выходит Сальва—жалкий призрак. Охота, загнанный, выбившийся из сил зверь... Исхудалый, землистого цвета, голодный, в лохмотьях, промокший от дождя. Ночь в яме с листьями... Отвратительный ком грязи». Эти заметки используются писателем для пространных декоративных описаний в манере литературного, по аналогии с живописью, импрессионизма.

В большей же части своей «план» этой главы представляет собой полные динамики заметки сценарного характера о бегстве и преследовании Сальва или же насыщенные значительными психологическими чертами заметки о свидании Жерара и Евы в кафе.

Наряду с последней, вполне естественной жизненной сценой, в этой главе «плана» обнажается один их характерных композиционных приемов Золя: искусственное сосредоточение главных действующих лиц в одном из мест действия романа. Здесь, в кафе Булонского леса, встречаются Сальва, Гильом и Пьер Фроман, Жерар и баронесса Ева, Розамунда, Гиацинт и др.

В какой мере каждая глава романа у Золя отличается единой устремленностью, видно хотя бы из «плана» III главы третьего дня к «Лурду». В ней центром является изображение процессии паломников с факелами. Это зрелище, привлекающее «художественной красотой», служит искусной рамкой для картин, в которых религиозный экстаз па-

ломников сочетается с чувственным возбуждением окружающих лиц («навязчивые мелодии церковных песнопений» и «гуляки, развратницы; на улицах слышны подавленные смешки, голоса»). Указание «плана» о «подробном описании всего этого» разработано в романе с обычным стремлением Золя вскрыть живописную сторону явлений. Но картина мерцающих огоньков служит не только для живописных целей писателя, она подчеркивает основную задачу автора — пробудить в читателе недоверие ко всей бытовой обстановке «чудесных» исцелений.

Во II главе четвертого дня «плана» к «Лурду» наблюдается обычный для Золя прием: опорными пунктами в развертывании фабулы романа он делает «удачные эпизоды», привлекающие читателя остротой выдумки. Таков в этой главе эпизод с братом Исидором, вскрывающий горько-ироническое отношение писателя к «чудесам». Именно: больной брат Исидор умирает в «молитвенном экстазе», устремив взгляд на статую богородицы, тогда как окружающие паломники, не замечая его смерти, говорят: «Смотрите, вот этот человек верит, уж он-то исцелится, —больно у него довольный вид».

В этой главе Золя проявляет себя, как мастер коллективных образов. Толпа выступает у него в роли «главного, всеобъемлющего персонажа». При этом явственна здесь обычная для Золя манера изображения коллективного персонажа не как совокупности безликих, безымянных образов, а через посредство отдельных протагонистов толпы, т. е. охарактеризованных в романе действующих лиц. Замечание писателя о необходимости «детального описания», действительно, осуществлено в романе. Краткость подобных заметок в «планах» объясняется тем, что Золя прибегает в процессе работы над текстом романа к привычным для себя приемам, которые часто в «планах» им даже не фиксируются. Примером может служить повторяющаяся в этой главе романа, вроде лейтмотива, тема литании, а в другом случае—контрастная болезненному облику Мари тема «золотых волос».

Глава IX аналитического «плана» к «Риму» дает интересный материал для суждения

АВТОГРАФ ТЕЗИСОВ К ОКОНЧАТЕЛЬНОМУ "ПЛАНУ" РОМАНА ЗОЛЯ "ЛУРД"

Библиотека Межан в Экс-Прованском, Франция о процессе дальнейшей работы Золя над «наброском». В ней основные идеи романа, тезисно выраженные в «наброске», приобретают наглядный пластический характер. Глава бездейственна. Задание Золя определено словами: «Глава статична, неподвижна, подобно Дарио, прикованному к постели». Она заполнена описаниями римских парков, Трастевере, Тибра. Но Золя, как всегда, избегает описаний ради самих описаний. Трастевере наводит Пьера на мысль: «Ни народа, ни аристократии... Развитие промышленности невозможно». И этот вывод Золя хочет связать с описанием пейзажа Тибра, который представляется ему мертвой рекой. Риму, с его прошлой славой, Золя противопоставляет Милан, «оплетенный сетью железных дорог, вокруг которого расстилаются плодородные поля, где кипит коммерческая и промышленная жизнь». Так, Золя тесно связывает католицизм с судьбой Рима, стремится опорочить «вечный» город.

В главе XIV «плана», посвященной аудиенции Пьера у папы, Золя вынужден был опираться лишь на книжные материалы и сведения из вторых рук. Это сказалось в «плане». За исключением описания площади собора св. Петра, сделанного на основе записей «с натуры», во всех других случаях чувствуется недостаток непосредственных впечатлений. Описание облика самого папы—это сочетание психологических наблюдений общего характера с рассуждениями о католицизме и «католическом социализме», известными из «наброска». Они приводят Пьера Фромана к убеждению, что нельзя «возродить христианство, как религию демократии». Для иллюстрации этого тезиса и написана глава.

Текст аналитических «планов» к «Лурду»:

ТРЕТИЙ ДЕНЬ. ГЛАВА III ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ

[358] Процессия с факелами. Она должна служить как бы рамкой для всей главы. Мари, несмотря на ее состояние, удалось добиться разрешения провести всю ночь перед гротом. «Поскольку я в больнице все равно не сплю, мне здесь будет ничуть не хуже, напротив. Ведь августовские ночи так прекрасны!». Благодаря хлопотам г-жи Жонкьер, заведующей приемным покоем, а также барона Сюира, разрешение получено. Наутро в гроте произойдет причащение. Это даст мне концовку четвертой главы. Итак, в девять часов вечера Пьер приходит за Мари. И вот они на улице. Я хочу, чтобы они увидели всю процессию. Огоньки [359] собираются у грота, потом поднимаются кверху, следуя зигзагам дороги. Мари и Пьер, который везет ее тележку, как раз увидали процессию в этот момент. Но Мари захотелось увидеть все до конца, она попросила Пьера вернуться обратно. Пьер подвез ее к убежищу. Таким образом, Мари видела как процессия спускалась по ступенькам лестницы, прошла через весь сад и остановилась на площади Розэр. Подробное описание всего этого. Быть может, Мари и Пьер даже подымутся на Крестовую гору, чтобы увидеть процессию сверху. Господин де Герсен также может быть на Крестовой горе, его поражает поистине художественная красота этого зрелища. Впервые ему случилось увидеть нечто столь прекрасное. Быть может, г-н де Герсен один поднимется на Крестовую гору и потом вернется к дочери. В конце концов, Мари посылает его спать, ведь он должен уехать в три часа утра. Быть может, [360] сама Мари очень мило настаивает на том, чтобы отец поднялся на Крестовую гору и доставил себе удовольствие полюбоваться столь редким зрелищем. Пьер объявляет, что он, по всей вероятности, и вовсе не будет ложиться. Господин де Герсен один возвращается в гостиницу. Мне необходимо ввести еще несколько эпизодов, которые дали бы мне, так сказать, костяк главы; в особенности мне хочется дать эпизод

в убежище с Мари Венсен и маленькой Розой. Мари приехала без гроша денег. Она устроилась в убежище, ребенок спит у нее на коленях. Девочка до сих пор не поправилась, но мать не теряет надежды и горячо молится. Описание убежища, людей, населяющих его. Быть может, лучше не давать здесь детального описания обстановки убежища, а только упомянуть о нем. Люди, которые здесь обедают, закусывают. В этот час (процессия) [361] убежище пусто. Лучше всего подробно сказать о ней позже, ночью, когда весьма смешанное население его заснет. Итак, мать и ребенок расположились на скамейке у входа в убежище. Пьер как раз провозит колясочку Мари мимо скамейки, и обе женщины разговаривают. На каком месте прервалась их беседа, ввиду того что, как только кончилась процессия, госпожа Венсен поспешила войти в убежище, чтобы не потерять своего места. Пока женщины беседуют, Пьер заходит в убежище, все осматривает. Он коснется его в следующей главе. И все-таки глава несколько пустовата. Я могу дать здесь идиллическую сцену между Мари и Пьером во время их ночной прогулки. [362] Во мраке прекрасной ночи Пьер медленно подталкивает вперед колясочку Мари. На секунду они задерживаются в тени аллеи, тянущейся вдоль берега Гава. Мари преисполнена надежды, она уверена, что в эту ночь умилостивит святую деву и та дарует ей исцеление. В Пьере также возродилась надежда. В эту ночь он решает сделать последнюю решительную попытку возродить в себе веру. Эта прекрасная ночь, зрелище необычайной процессии, словно унесли все плохие дни (главы I и II). Дать отрывок, о котором я уже говорил в предыдущей главе. Помимо этого, если мне понадобится, я могу ввести еще несколько эпизодов. Например, в процессии может участвовать госпожа Маз. Отметить тех персонажей, которые будут участвовать в процессии. [363] Тут могут быть Виньероны, Гривотт (она держит в руках свечу, у нее вид помешанной), Софи Конто, в толпе может быть также доктор Шасень; я уже давно не упоминал о нем, и как раз в этой или в следующей главе вполне уместно к нему вернуться. Наконец, я могу дать разговоры в толпе. Люди посетили новые места и делятся впечатлениями. Закрытие ярмарки в этот прекрасный воскресный день. Царит самое непринужденное веселье. Некоторые еще спещат закусить до наступления темноты (не очень подчеркивать момент успокоения в душе Пьера. Пусть он почувствует это состояние полного покоя лишь к концу главы). Закончить тем чувством, которое охватывает меня [364] при виде всех этих возвращающихся на ночлег людей, медленно бредущих по плохо освещенным улицам. Медленно шагают паломники, спрашивая у встречных дорогу. Очень осторожно сказать о гуляках, развратницах; на улицах слышны подавленные смешки, голоса. И Пьер, провожая Мари к гроту, может заметить издали в окне гостиницы свет в комнате г-жи Вольмар и ее любовника. Он узнает ее силуэт. Собрать персонажей из всех глав и посмотреть, какие из них могут участвовать в этой главе. Упомянуть о сестре Мари-Бланш. Какое бы удовольствие ей доставило увидеть все это. Навязчивые мелодии церковных песнопений. Итак, дать непрерывную цепь глав вплоть до чудесного исцеления Мари; и дальше уже не оставлять ее.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ. ГЛАВА II ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ

[423] Итак, в этой главе все действие развертывается перед гротом, причем еще до того, как объявляется об исцелении Мари. Мари просила

Пьера притти за ней не раньше трех часов; таким образом, в продолжение полутора часов Пьер совершенно один. Он бросился на кровать или, лучше, задремал на скамейке. Он не спал всю ночь. Его словно трясет лихорадка, он возбужден. Это лихорадка, которая постепенно охватывает всех паломников. Многие почти совершенно не спят, доходя до состояния страшного возбуждения, галлюцинируют. Это состояние возбуждения все нарастает. Оно постепенно [424] охватит всех моих персонажей и, главным образом, толпу.

Чтобы заполнить главу, я включу в нее два эпизода, касающиеся г-на Сабатье и брата Исидора. Я их дам один за другим. Г-н Сабатье присутствует при смерти Исидора. Он терпеливо ждет, чтобы святая дева избрала его, удостоила взглядом. Вот уже в седьмой раз он приезжает в Лурд; с каким преисполненным терпения видом он читает молитву, перебирая четки. Г-жа Сабатье стоит рядом с мужем, вперив пристальный взор в мраморную статую. Рядом с г-ном Сабатье Исидор со своей сестрой Мартой. Исидор полон молитвенного экстаза, его неподвижный взор также устремлен на статую. И так, не спуская с нее взора, он тихо угасает (так сказал Ферран). Какая легкая смерть! Он умер, [425] но глаза его остались открытыми и попрежнему смотрят на богородицу. Сестра, заметив, что он скончался, хочет закрыть ему глаза, но они упорно открываются. Исидор попрежнему смотрит на богородицу, на лице его выражение глубокого экстаза, на устах улыбка, исполненная бесконечного блаженства. Так как кругом собралась огромная толпа народа и тела унести все равно нельзя было, Марта никому не стала говорить о том, что брат ее умер; не сказали этого и другие присутствовавшие при его смерти. Умерший так и остался лежать с широко открытыми глазами, словно весь отдавшись горячей мольбе. Вид его трогает всех проходящих мимо людей. Кто-то говорит: «Смотрите, вот этот человек верит, уж он-то исцелится, больно у него довольный вид». Оба эти эпизода, безусловно, удачны, но они не заполнят мне главы. [426] В качестве больных я могу показать только еще, пожалуй, Виньеронов и Дьёлафей. Первые всецело отдались молитве, каждый эгоистически вымаливает для себя какую-нибудь милость, вторые, несмотря на окружающую их роскошь, несмотря на то, что они с легкостью могли бы пожертвовать миллионом, не могут, однако, изыскать средства, чтобы смягчить святую деву. Г-жа Дьёлафей, такая молоденькая, с глубоким взором огромных глаз, наконец, г-жа Маз, которая молится об обращении на истинный путь своего мужа. Итак, всю эту главу я могу посвятить описанию моих второстепенных персонажей перед гротом (до сих пор я мог не давать этого описания). Я хочу лишь упомянуть о них в других частях, [427] чтобы подробно описать их только в сцене перед гротом. Мари здесь не будет, и, таким образом, у меня останутся лишь мои второстепенные персонажи. Я распределю все касающиеся их эпизоды таким образом, чтобы они как следует заполнили мне главу.

Главным образом, использовать второстепенные персонажи, чтобы показать нарастающее возбуждение. Первое описание толпы, которое мне понадобится в двух последующих главах. Толпу показать сравнительно спокойной, еще только на грани возбуждения. В дальнейшем дать постепенное нарастание возбуждения. Итак, толпа выступит в роли главного, всеобъемлющего персонажа. Тридцать тысяч паломников; давка; санитары с трудом сдерживают этот поток людей [428]. Больные рядами уложены перед гротом. Детальное описание. Каждый больной участвует в определенном эпизоде. Проповеди священников, литании-все, что зажигает толпу. Все это только наметить и развить в последней главе. Вернуться к служащим больницы и священникам. Вновь показать отца Фуркада и отца Массиаса, последнего, быть может, на кафедре. Мимоходом показать отца Даржелеса. Вообще же лучше, чтобы святые лурдские отцы оставались на заднем плане. Наконец, если мне понадобится Пьер, использовать его исключительно в зале исследований, куда отправляют к доктору Бонами якобы исцелившихся больных. [429] Здесь как раз удобно напомнить о зале исследований. История с дамой, которая потребовала, чтобы ее исследовали, так как она уверена, что излечилась. Она действительно выздоровела. Отчаяние доктора Бонами. Таким образом, еще раз вернуться в залу исследований. Эту главу я смогу дать только в том случае, если я приберегу для нее все эпизоды, в которых участвуют больные. Мне бы не хотелось выводить в ней Пьера. Коленопреклоненные богачи Дьёлафей; погруженные в молитву муж и сестра. Муж обожает жену. Обдумать персонажей. Если я еще раз возвращаюсь к залу исследований, то это для того, чтобы показать торжество доктора Бонами в случае с Элизой Туке. Заметные шрамы на ее лице, о которых шла речь во второй главе второй части, показывают, что болезнь Элизы отнюдь не нервного происхождения. [430] Сказать об этом. Только эпизод с Элизой может несколько оживить вторичное описание зала исследований. Рабуан возвращается. Аббат Жюден молит о чуде для госпожи Дьёлафей, он ею живо интересуется. Не забывать также об аббате Дегермуазе. Обдумать его характеристику. В спорах о чудесах он не касается церкви, не требует, чтобы в эти чудеса верили. Предоставить отцу Массиасу выкрикивать литании (его характеристика). Массиас учился в семинарии вместе с Пьером, они — полная противоположность друг другу. Отец Массиас сыграл некоторую роль в исцелении Мари. В четырехчасовой процессии он шел вместе с Мари и Пьером позади балдахина.

Текст аналитических «планов» к «Риму»:

С 1 ПО 31 ОКТЯБРЯ. ГЛАВА ІХ

вторая редакция

[1] Итак, Пьер пытается забыться. Он все ближе и ближе сходится с Бенедеттой. Безмолвная Серафина над своим Морано. Кардинал Бокканера никогда не показывается. Пьер каждый день видит Бенедетту, которая поверяет ему свои тайны. Бенедетта знает, что Дарио развлекается на стороне. Она слегка подшучивает над этим: раз она не отдается ему, вполне понятно, что он хочет рассеяться. Он ведь свободен, не связан духовным званием. Она рассказывает Пьеру о Зониетте. Все детали любовной связи в Риме—Корсо, Пинчо, театр, квартал Макао, сплетни. Веселящийся Рим. Затем описание охоты на лисицу, чтобы дать несколько ярких мазков. И закончить все это личностью Бенедетты с ее пониманием девственности. Ее суеверное поклонение мадонне в одной из римских церквей. Пьер служит мессу как раз в том приходе, где находится эта церковь. У Серафины и Бенедетты один исповедник—[2] иезуит. Быть может, оставить все эти подробности для другой главы, которую я посвя-

щаю религии и распространению суеверий в Риме. Мне нужно подойти к покушению на Дарио: его пырнули ножом, когда он однажды вечером возвращался во дворец. Какой-то мужчина, притаившийся в углу, в дверях, всадил ему нож в спину, позади плеча. Дарио узнал убийцу, но не пожелал назвать его имя. Приглашен доктор, который лечит всю семью, на чью скромность можно положиться. Бенедетта бурно проявляет свое горе. Думая, что Дарио уже мертв, она бросается на тело раненого. Вся ее страсть вырывается наружу; страсть и сожаление о том, что она не отдалась любимому человеку. Пьер ее не узнает. Все это для того, чтобы сделать правдоподобной ее гибель в конце романа. Покушение на Дарио дать в самом начале главы. Пьер принимает участие во всей истории. Затем последующие дни. Пьер может узнавать о здоровье Дарио [3] через Викторину и дона Виджилио, которым также известна вся история. Особенно Викторине: в вечер покушения именно она поднимается бегом по лестнице, чтобы позвать свою хозяйку. Руки у нее окровавлены. Итак, по утрам Пьер уходит гулять; вечером он встречается с Бенедеттой у постели Дарио. Последний не хочет говорить о покушении, и Бенедетта не настаивает, не желая, чтобы Дарио знал, что это Тото (?) мстил за Пьерину. Однако, в начале главы, там, где рассказывается о развлечениях, сказать о Пьерине; как раз над этим увлечением Дарио и подшучивают.

Приходят ли навестить больного кардинал Бокканера, Серафина и другие члены семьи? Покушение тщательно скрывают: всем говорят, что это несчастный случай, серьезное растяжение связок.

Я уже сказал, что Пьер с утра один уходит гулять, поскольку спутник его прикован к постели. [4] Прогулки по римским паркам (скверам, бульварам), посещение виллы Боргезе, виллы Маттеи и Памфиле, откуда открывается такой чудесный вид на собор св. Петра. Особенно Пьер любит посещать виллу Фарнезина, столь печальную в своей разрушенности и заброшенности. По вечерам он делится своими впечатлениями с Бенедеттой и Дарио, лежащим в постели. Бенедетта и Дарио, в свою очередь, вспоминают об очаровательном римском парке на вилле Монтефиори, где они полюбили друг друга. Я могу в этой главе дать описание всех прогулок Пьера-от Коэлиона до Мальтийской часовни. Описание всех тех мест, которые бы я сам посетил, включая Аква Ачетоза и другие пригороды Рима. Какой-то меланхолической прелестью веет от этих рассказов Пьера у постели выздоравливающего. Он почти всегда выходит один [5] и каждый день открывает все новые и новые для себя места. Наконец, в заключение прогулка в Трастевере, там Пьер встретил Нарцисса Габера, который повез его затем во дворец Фарнезе. Итак, этот кусок у меня есть, но без народа (использовать моих рабочих) и без аристократии (только Дарио и другие). Вымирающая нация. Все это окрашено большой жалостью. Трастевере Пьер посетил, подобно тому, как он навещал бедные кварталы в Париже, преисполненный братских чувств. Что он там видел. Все прилегающие кварталы, в которых я в свое время побывал. Нет, здесь Пьер должен быть один. Пусть он встретит только Нарцисса. И тут теория о том, что Рим осквернили (la Roma sporca). Развалины, покрытые мхом, нечистоты у подножия памятников; упомянуть о набережных, которые я оставляю для другой главы. Пьер защищает все сделанное. Но это не мешает ему, когда Нарцисс приводит его во дворец Фарнезе, сделать вывод: ни народа, [6] ни аристократии (ни источника живой силы, ни

наших сбережений. Последнее только наметить и развить в конце). Дворцы сдаются в наем, все дворяне более или менее разорены; нет живых капиталов. Состояния поделены между наследниками, а развитие промышленности невозможно, так как в силу их неумелости все их предприятия терпят крах. Мертвые, неподвижные капиталы, которые иссякают сами собой. И в этот вечер, вернувшись домой, Пьер видит разоренного Дарио, мертвый дворец, кардинала, —последний иногда, словно какая-то непреклонная тень, встречается на его пути, а большей частью об его существовании возвещает лишь стук колес его кареты, которая привозит и увозит его в определенные часы. Все это лишь подтверждает суровый приговор Пьера. И снова все смягчается братской жалостью. Закончить главу можно, пожалуй, посещением Нани, пришедшего навестить выздоравливающего Дарио. Нани говорит Пьеру, что пора действовать, [7] и вводит его в дома Сангвинетти, Форнаро и отца Данжели. Все это может также произойти на одном из еженедельных вечеров у Серафины. Нужно, чтобы вся глава как бы намеренно прерывала ход драмы. Она статична, неподвижна, подобно Дарио, прикованному к постели. Болезнь может тянуться три недели. Не нужно, чтобы рана была серьезна. Дарио сделал движение, что уменьшило силу удара, нож лишь скользнул no лопатке. Между тем, дело о разводе идет успешно. Бенедетта то и дело весело повторяет: «Выздоравливай, скоро мы будем принадлежать друг другу». И однажды, быть может, ее исследует еще один врач, чье решение может сыграть большую роль. Обо всем этом она спокойно рассказывает в присутствии Пьера. Все это-пока Дарио выздоравливает. Таким образом, всю следующую главу я смогу [8] посвятить исключительно Пьеру. Дон Виджилио и Викторина проходят через всю главу, или, скорей, я дам их в начале и в конце ее. Не забывать о том, что расторжение брака стоит денег. На этот раз Бенедетта раздобыла нужную сумму.

Ничего относительно развода не оставлять для другой главы,—она будет посвящена только хлопотам Пьера по поводу своей книги. В этой главе я дам описание набережных Тибра; Пьер часто там гуляет. Вид на дворец Бокканера со стороны реки, наполовину провалившийся в землю балкон. Напротив, на высоком берегу, старая часть Трастевере. Незаконченная набережная. Мертвая река,—на ее поверхности не видно и лодки,—столь же разоренная, как и окружающие ее развалины. Дать весь отрывок. Сколько здесь, по существу, богатств, если бы осушить реку! Одним словом, все размышления, которые вызывает у Пьера пейзаж. Хорошо бы, если бы это следовало непосредственно [9] за выводом: «Ни народа, ни аристократии».

И опять Рим, мертвая река, безмолвие смерти, нависшее над городом. Какая странная современная столица! Обдумать, поместить ли тут отрывок целиком или дать выводы в конце вместе с Орландо. Мне кажется, что здесь нужно все лишь наметить и вернуться к этому в конце, причем окрасить все это надеждой. Рим, выбор Рима—гиря на ногах Италии. Нельзя было не делать Рима, с его историей и прошлой славой, столицей. Но именно эта прошлая слава и подавляет всю Италию; и не только в силу уничтожающего сравнения: времена изменились, крупная современная столица должна быть центром, подобно Милану, оплетенному сетью железных дорог, вокруг которого расстилаются плодородные поля, где кипит коммерческая и промышленная жизнь; а здесь—смерть, нечем прокормить народ. Мертвый Тибр.

Можно ли сделать Тибр судоходным, [10] очистив от песков устье, а землю плодородной путем облесения? Все это очень сжато и, вместе с тем, полно. Я оставляю описание набережной ночью для следующих глав. Огни отражаются в мертвой воде. Пьер, отчаявшийся и измученный, бродит по набережным.

Нужно, чтобы в ходе главы Пьер или, пожалуй, Бенедетта узнали истинную причину покушения на Дарио; удар в спину, который нанес Тото; что его к этому побудило. В конце главы Пьер в парке, около саркофага.

4 ДЕКАБРЯ. ГЛАВА XIV

вторая РЕДАКЦИЯ

[1] Аудиенция у папы. Пьера приняли вечером, в 8—9 часов; пожалуй, лучше в девять. Не забывать о том, в каком состоянии должен быть Пьер: Дарио и Бенедетта скончались около пяти часов. Пьер остался около усопших, тела которых нельзя было разъединить (отложить это для следующей главы, затруднения). Совершенно подавленный, он поднялся к себе. Викторина подала ему обед. Пьер даже не помнит, съел ли он что-либо. Его размышления. Затем он идет на аудиенцию. У Нани было назначено свидание с папой, но мне не хотелось бы, чтобы Нани присутствовал на аудиенции. Он остается в стороне. Паролем для входа во дворец должно служить имя какого-нибудь лакея (только не Кюистра, найти что-нибудь в этом роде). Пьер тихонько произносит пароль перед караулом швейцарцев [2] у бронзовых дверей; он пересекает двор св. Дамаса и снова повторяет пароль жандарму, стоящему внизу лестницы, и, наконец, еще раз произносит его в большом зале Клементины. Здесь только идут за названным лицом. Последний ведет Пьера через пустые залы в апартаменты папы. Так получится неплохо: на протяжении всей главы у меня будут лишь Пьер и папа, без посредников.

Итак, Пьер на площади св. Петра. Время еще не подошло к девяти часам, и Пьер поджидает на площади. Площадь вечером. Этот отрывок у меня есть. Пьер предается размышлениям. Смерть Дарио и Бенедетты в связи с его книгой. Эта смерть преисполняет его еще большей жалостью, еще большей отзывчивостью ко всем человеческим страданиям. Пьер близок к слезам. Быть может, он расплачется в присутствии папы: такой порыв чувствительности был бы, пожалуй, неплох.

Затем бронзовая дверь и швейцарцы [3], лестница во дворе св. Дамаса, двор и вестибюль, опять лестница, наконец, апартаменты папы. И всюду торжественное безмолвие и пустота. Пьера ведут через анфиладу комнат,— дать описание,—полных молчания, безлюдных, тонущих во мраке. Лакей весь в черном не произносит ни одного звука, объясняется знаками. Быть может, он скажет лишь одно слово: «Пойдемте», или несколько других итальянских слов.

Наконец, опочивальня папы. Папа сидит за столом, в руках у него может быть стакан с сахарной водой, которую он медленно помешивает ложечкой. Пьер хочет поцеловать папскую туфлю, но папа тут же его поднимает. Портрет папы, его одежда, поношенная и не совсем свежая. Необходимо все это оживить. Первое впечатление самое обыденное, и только потом поднять все это. Папа, однако, не сразу усаживает Пьера на скамеечку. Беседа [4] построена строго логично. Папа заговорит

первым. Пьер очень взволнован, он понимает, какое решающее значение имеет для него этот разговор. Сначала папа отеческим тоном задает Пьеру несколько вопросов—о нем лично, его возрасте, духовной карьере (службе); расспрашивает о Франции и Париже. Затем говорит о книге Пьера, по крайней мере, половину ее он прочел. Сначала останавливается на тех местах книги, за которые обвиняют автора, а затем переходит к другим. Спор будет касаться светской власти папы и святых отцов в Лурде, причем ведется он крайне осторожно, так как не надо забывать, что папа охотно говорит, но мало слушает. Нужно сказать, правда, что здесь случай особый. Папа защищает светскую власть церкви, от которой он не в силах отказаться, затем он говорит о Лурде, о догматах: долг повелевает защитить их, он никогда от них не отступится. И тут нужно, чтобы слова папы захватили Пьера, он [5] увлечен, говорит, что все это лишь мечта: новое христианство, которое трудилось бы на благо общества; возрождение первоначальной церкви, религии бедняков и страдальцев. Пьер разражается слезами. Растроганный его слезами, папа, хотевший было прервать его, дает ему говорить. Речь Пьера. Пьер еще весь потрясен смертью Бенедетты и Дарио. Необходимо, чтобы это проявилось. Однако, после этой вспышки наступает разочарование. Пьер удивлен своей откровенностью, а папа снова начинает защищать догмы и светскую власть церкви. Каким образом слова папы приводят Пьера окончательно в себя. Наступает реакция: Пьер вспоминает о Риме, который он наблюдает вот уже два месяца, о населении Ватикана, о всех его действиях и [6] только тут понимает все безумие своей мечты: за этой бронзовой дверью все еще царит XV век. Тяжкое бремя традиций, подобно цепи, сковывает папу по рукам и ногам. Он может быть лишь первосвященником, цезарем. потомком Августа. Все это его связывает и держит. Все его уступки делаются лишь для формы или преследуют политические цели. По сути, католицизм-попрежнему неприступная крепость, его нужно брать таким. какой он есть, он не станет склоняться перед мелочами. И, таким образом, привести к тому, что Пьер отрекается от своей книги. На другой день папа должен утвердить включение книги Пьера в Индекс запрещенных книг. Пьер заранее подчиняется решению. Латинская формула: «Laudabiliter reprobavit...». Какая ирония: ведь Пьер уступает лишь потому, что он понял всю бесполезность своей мечты. Стоит ли показать здесь страх папы перед схизмой. [7] Пожалуй, стоит, это даст возможность охарактеризовать всю политику папы; рассказать о конгрессе всех религиозных течений, к которому он примкнул, о веротерпимости его в Америке, борьбе за объединение всех сект на Востоке и в Англии. Папа уже унифицировал обряды-повсюду предписывается римская обрядность. Его задача - объединить все силы церкви для грядущей борьбы; охарактеризовать церковную пропаганду. Затруднения папы; суммы, пожертвованные школам. Неустанная, тянущаяся веками борьба за всемирное владычество церкви. Папа иначе действовать не может, и Пьер это прекрасно понимает. Вот почему он отрекается от своей книги. Итак, дать историю Льва XIII в этом освещении. Необходимость светской власти церкви; потомок Августа; завоевание мира. Все остальное [8] - ложь. Социализм, заигрывание с Францией-все это лишь дипломатия, путь к

Папа-социалист и император-социалист ведут борьбу за народ, за великого немого. Это меня наводит на мысль о том, что папа должен пред-

варительно беседовать с де Ла Шу относительно замкнутых корпораций. Его соображения на этот счет.

В общем дать все то, что мог бы сказать папа, и охарактеризовать его самого. Итальянский священник, первосвященник, бывший нунций31. Умный (хотя Дэзу уверяет, что нет). Он видел свет только, пока занимал должность нунция в Брюсселе. С тех пор, вот уже восемнадцать лет, как он живет взаперти, оторванный от людей, представление о них ему дают лишь окружающие. Отсюда столь извращенные понятия и представления. Как может он судить о современном обществе. Им, главным образом, руководит интуиция, ему кажется, [9] что церкви грозит опасность (отпадение, схизма), и все это в голове политика (человека более рассудочного, чем чувствительного). Но прежде всего он служитель богапапа. Нужно, чтобы он говорил именно с этой точки зрения. Его отношение к Франции. Сначала он как будто хотел опереться на Германию, но после посещения императором Берна он склоняется к Франции. Тщеславный, обожает лесть, единственная его забота-оставить после себя память, как о великом папе. Чутко прислушивается к прессе, читает газеты («Трибуна», «Фигаро», «Дебаты») и придает некоторым статьям значение, которого они не заслуживают. Последнее проистекает оттого, что в глубине своей тюрьмы он плохо осведомлен, утерял ясное представление о современном обществе. Около стакана с сахарной водой может лежать газета. Папа оторвался от чтения, когда пришел Пьер; описание праздника, бывшего накануне [10], или же сообщение о смерти Дарио и Бенедетты. В газетах уже может быть объявление о смерти. Он заговорит об этом, упомянет также о кардинале Бокканера, камерлинге³², который должен три раза стукнуть его молотком (вспоминает, как он сам три раза ударил молотком по голове усопшего Пия ІХ33). В газетах пишут также об его здоровье: он поправился, чувствует себя лучше. Сказать об этом. Однако, в его возрасте, при каждом недомогании ему приходит на ум кардинал-камерлинг. И мысль о конклаве³⁴: папа назначил Бокканера камерлингом, чтобы отстранить его, подобно тому, как Пий IX в свое время назначил камерлингом его самого. Правда, это ничего не изменило, но, с другой стороны, маловероятно, чтобы два раза подряд камерлинга избирали папой. Мне хочется, чтобы папа на мгновение поднялся и подошел к окну. Выйдет это или нет; [11] мне бы хотелось, во всяком случае, дать описание Рима сверху. Не забывать о том, что шторы обычно бывают спущены. Таким образом, окно может оказаться открытым только по недосмотру. Если Пьеру придется некоторое время ожидать в потайной передней, он может подойти к окну и увидеть Рим ночью. Но вот аудиенция пришла к концу. Пьер, совершенно разбитый, уходит пятясь, спиной к двери. И вот он снова на площади св. Петра. Бьет десять часов. Размышления Пьера на безлюдной площади; площадь погружена во мрак, тишину прерывает лишь плеск воды в фонтанах; на фоне звездного неба вздымается темная громада собора. Мечта Пьера вырвана с корнем, все кончено, еще одно верование похоронено. Все это лишь наметить, так как я вернусь к этому в последней главе. Пьер приехал в Рим, чтобы проделать свой опыт, [12] но его постигла неудача. Вот этот опыт-может ли возродиться христианство, как религия демократии. Вера, к которой стремится современное общество, надеясь найти в ней успокоение. В ней ли лекарство от всех наших стремлений и тревог? Нужно, чтобы эта проблема совершенно четко была поставлена уже в первой главе.

*АНАПП, ОТОЖТАЧИ ФАЧТОТВИ ВКОЕ АНАМОЧ ИТИНИ ЙОТВП "ЖИЧАП,"

Библиотека Межан в Экс-Прованском, Франция Livre imagnitude

Jesustion it l'ouverhijt, par impatt jour front
fuillemen a voule a succer di oper. Pour cour que à pour propriée
hatthe les troute la mierre de sons avert pur produce et
mattre les troute la mierre de sons avert put de on al leutre
chapet y Seni le travail foir que d'aquelle of que à va un travail
(About a l'anome mon) Guillemen avertont donne su tet l'at
tent et l'alie du travail des fische.

Tente la prome de la travail de la banquière aver l'a
mund us su mira y finit toute la matrigue le rolle que
mund us su mira y finit toute la matrigue le rolle que
le travail la prome du monie et son sabon, le respection ches
le banqui bri, et le soin about le l'active à la comesser
le banqui bri, et le soin about le l'active à la comesser
le banqui bri, et le soin about le l'active à la comesser
le l'anne de l'ant le la misser monde du finit le graffice.

Le misser et l'ant le la misser monde du finit le graffice.

L'a misser de l'ant fille traille. Et le forman preparament
fille in l'anne charit, les guilletins, que l'anne preparament
l'a misser du allant pouiller. L'inter sour dout le fire
son attent d'a allant pouiller. L'inter sour dout la fire
la grand mort l'anne soppliquement sour l'apperent
la purrie superville, et la grand avert levant a l'active
partier pour sour Voir si lue fils du l'a travail profitant
partier pour sour Voir si lue fils du l'active sur sur sour l'active
content l'anne allant l'august. L'inter sour sur sour l'agressi illent juigne de allait l'august. L'inter sour sur sur l'agressi l'active filse qui allait l'august. L'inter sour sur sur l'agressi l'active filse qui allait l'august. L'inter sour sur sur l'agressi

Текст двух аналитических «планов» к «Парижсу»:

КНИГА ТРЕТЬЯ. ГЛАВА IV

ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ

[294] Послеобеденный час того же дня. Пьер и Гильом отправляются в Булонский лес. Гильом увлечен мыслью о большой прогулке, ему не терпится быть на воле, на открытом воздухе; к тому же, опасности нет никакой, так как о нем никто не думает. Дело Бартеса. Гильом возмушен тем, что его вновь изгнали. 48 часов отсрочки, а Пьер не решается сказать об этом старику, удалившемуся к себе, живущему, точно в пустыне. Они уведомят Морена; Морен отвозит Бартеса до границы, но лишь в следующей главе. Они с грустью говорят об этом в краткой беседе. Пасмурный день. Ночью шел дождь, небо осталось серым, предвидится снова ливень. Описать лес в этот пасмурный день в конце марта. Листья едва начинают распускаться. Братья вошли в лес через ворота Нейльи (узкие, крытые), прошли по Мадридской дороге к воротам Майо, затем вышли на Лоншанскую аллею (акации) (народ, масляница), там они спустились немного [295] к озерам и уселись в чаще у ручья, который течет от ворот Майо в бассейн Каскада. И тут они видят Сальва—грязного до неузнаваемости; он переходит ручей, а за ним следом сторожа и полицейские. Мондезир, Гасконь, Дюпо. Несколько негодяев. Облава в лесу. Два часа. Кадр светского Парижа.

Вернуться к Сальва, все о Сальва: пальто, фуражка. Бросился в лес, ночью. Переждали дождь и утром возобновили облаву. Полицейские, сторожа (хорошо знакомые с лесом). Но они никого не находят. Как

Сальва бежал вдоль укреплений, прошел ворота Дофина и возле самого жандармского управления зарылся в яму, наполненную листьями, выставив наружу одну лишь голову; он даже слышал шум, доносящийся оттуда, по другую сторону вала. Итак, до полудня его не нашли. Голод заставил его выйти, [296] и сперва, никем не замеченный, он переходит лужайку Мюэтты в надежде убежать через Булонские ворота -- он знает там какую-то лазейку. Но он встречает препятствие на авеню Сен-Клу и тогда бросается в чащу, натыкается на полицейских с авеню королевы Маргариты, устремляется к выходу через Мадридские ворота, вдоль берега, избегая открытых пространств ипподрома и тренировочного круга; попадает в гущу акаций, и здесь-то его замечают Пьер и Гильом в тот момент, когда он переходит ручей. Он продолжает путь, вспомнив об острове, круто поворачивает в конце озер и прячется в маленьком кафе на том же месте, откуда вышел, описав огромный круг. Четверть третьего. Тут след его затерялся, но теперь он вновь обнаружен. Должно быть, напали на след, возобновив погоню в направлении ворот Майо и укреплений. Они возвращаются. Пьер и Гильом продолжают путь, прогуливаясь вокруг нижних озер. [297] Они спускаются, проходят между нижними и верхними озерами к перекрестку Каскадов. Затем поднимаются вдоль верхнего озера, когда их застигает проливной дождь и им приходит мысль укрыться в кафе, среди деревьев. Они видят в одной из аллей одинокого извозчика и входят в кафе. Описать шале для действия. Внизу—зал, над ним нечто вроде веранды. Наверху-кабинеты, выходящие в коридор. Сзади-службы, конюшня и сарай, небольшой навес и закрытое помещение, где хранятся различные принадлежности. Впереди них Пьер узнал Жерара, входившего в кафе, и удивился, не видя его там. Жерар быстро поднялся в кабинет, где уже находилась Ева. Надо также, чтобы Пьер и Гильом опять увидели возле кафе сторожей, которые возвратились, напав на след. Преследование продолжается. Братья усаживаются, [298] они еще не встревожены. И сцена наверху. Три часа, свидание в кабинете; дать описание. Газовая печь, которая быстро нагревает. Они могли бывать здесь в первую зиму своей любви, в начале весны. Приятные воспоминания Евы. Поэтичная идея расставания в этом маленьком скрытом от глаз шале, где посетители бывают только летом. Пустыня рядом с оживлением, царящим в лесу, в соседней аллее. Экипажи, велосипеды и пр. И сейчас же сцена, тяжелое и ужасное объяснение. Ева с рыданием бросается в объятия Жерара. Она хотела держаться с достоинством, говорить спокойно, объясниться с ним, но не может. Безудержный порыв, страдание плоти. Незлая женщина, но все существо ее истекает кровью. Она рыдает, она так громко вопит, что он заставляет ее молчать, боясь как бы не услыхали. Все это молниеносно, [299] в самом начале. Он сам пришел, вооруженный прекрасными доводами, вынуждавшими его решиться на женитьбу, хотел говорить, убедить ее, но увлекся, взволнован, плачет. Он также неплохой человек. «Нет, нет, ты не можешь на ней жениться, я не хочу, я так страдаю», и мучительный крик: «Поклянись мне, что не женишься на ней никогда, никогда. Она! Моя дочьтвоя жена! О, какая мука для меня!». И молодость девушки, и ревность, которая говорит в этой женщине. Впрочем, она никогда не даст своего согласия. Он сам начинает колебаться, не говорит больше, что решил формально жениться, пытается ее успокоить, клянется, что любит только ее одну, что поддался чувству жалости, что он еще подумает. А когда Ева немного успокаивается, он начинает приводить доводы морального порядка: как же так, он не может жениться [300] на ее дочери, это было бы равносильно смерти, это недостойно его, деньги, имя, свет. Она защищает мужчину, чтобы сохранить его для себя. И тогда ему становится неловко, он соглашается с нею, объявляет, что не женится на Камилле. Тут сцена принимает другой оборот. Ева, разбитая своей победой, несчастная, прекрасно понимает, что так продолжаться не может. Все этоодни лишь слова и слезы. Жизнь идет своим чередом, неизбежное совершится. И вот постепенно она сама начинает приводить доводы в пользу брака. Она не может решать судьбу Жерара. Она не может принести ему никакой пользы, не может быть его прибежищем, не может из эгоизма испортить ему жизнь. Если она привяжется к нему, она погубит его жизнь, так как для него пришло время устроиться. Между тем, брак с Камиллой даст ему деньги и положение, обеспеченную, счастливую жизнь. Привести ее таким образом к героизму, к жертве; [301] почти силой принуждая его жениться на своей дочери, она принесет себя в жертву, женит его. А он долго противится этому. «Подумай и соглашайся». «Нет, я люблю тебя (снова слезы), одну тебя». «Ах, дорогой друг». «Ну, хорошо, не будем порывать, оставим себе время до лета» (нежно). Наконец, сообщить, что брак состоялся, но они некоторое время еще продолжают быть в связи. Хотя теперь это было бы гадко! Урегулировать. Свадьба будет лишь в пятой книжке. Выиграть время для возбуждения интереса или же закончить тут же, это последнее их свидание, они чувствуют, но не хотят в этом сознаться. Они надеются на другие встречи-оба они очень хорошие люди. Не хотят причинять друг другу горя. К концу сцены-ужас, шум, шаги, удары. Боясь холостой квартиры, они избрали это шале. Страх перед Камиллой. Кажется, что-то грозит им. Шале окружено полицией. [302] Внизу Пьер и Гильом заметили возвратившихся полицейских, которые кружат вокруг шале. Мысль об облаве, затем беспокойство за самих себя. В это самое время Розамунда с Гиацинтом подъезжают в открытой коляске, которая останавливается перед кафе. Дождь. Описать их ночь. Она оставила его у себя, победила его ударами хлыста, собирается увезти в Христианию. Он немного опешил от своей удачи, охотно поедет в Норвегию, потому что это шикарно. Фиорды. У него маленькое красное пятнышко у левого глаза. Она хотела поехать с ним на велосипеде, но он не захотел из-за дождя. Велосипед-как неэстетично! Его взгляд на женщину, ребенка, он гадкий человек. Она также. Что они делают, бесплодны. Розамунда узнает Пьера, приближается и тогда угадывает, что другой Гильом. Гиацинт может знать Гильома через сыновей последнего. «О, милостивый государь, я так преклоняюсь перед вами. Вы знаете, ведь я немного занимаюсь [303] химией (теперь поэзией). Я приду к вам». Разговор может коснуться Янсена. Любопытство к космополитическому миру, анархистам; затем вскользь упоминает о своем отъезде в Христианию. Затем шале окружается прибывшей полицией. Жизнь Булонского леса, пасмурный день, великий пост. Портреты-комиссар Дюпо появляется с Гасконем и Мондезиром. Полицейские, сторожа окружают дом. Они убеждены, что Сальва укрывается в доме. Обыскали безуспешно сарай под навесом, конюшню. Комиссар, войдя в зал и бросив взгляд на обедающих, не обращает на них больше внимания. Требует, чтобы открыли весь дом. Один из лакеев: «Дело в том, что наверху дама с господином». «Посмотрим, ладно». Они поднимаются. Шум. И Жерар спускается

с Евой, закрывшей лицо густой вуалеткой; они быстро убегают, [304] Жерар смотрит по сторонам, замечает Гиацинта, боится, как бы тот не проболтался (болтун, все рассказывает сестре). Розамунда: «Скажите, пожалуйста, ведь это г-н де Гиссак. А дама кто?». Гиацинт узнал свою мать, Пьер также. Но Гиацинт отвечает что-то неопределенное. Тут один из сержантов кричит, что поймал человека, плохо обыскали сарай. Наверху, в бочке с сеном. Выходит Сальва-жалкий призрак. Охота, загнанный, выбившийся из сил зверь. Его фуражка, пальто, которое ему одолжил Матис. Исхудалый, землистого цвета, голодный, в лохмотьях, промокший от дождя. Ночь в яме с листьями, вымок от дождя. По щиколотку в канаве, два часа облавы, бешеного бега. Отвратительный ком грязи. Особенно напирать на эту охоту на человека. Первое его слово: «Я голоден». Он не ел двое суток. Желудок его был пуст, еще когда Матис угостил его пивом. С тех пор [305] два дня—ничего, кроме этого стакана пива. Сцена с Дюпо, Гасконем и Мондезиром. Один из полицейских бежит за фиакром. Только Пьер и Гильом узнают Сальва. Остальные-Розамунда, Гиацинт могут думать, что он просто злоумышленник. Арест должен совершиться незаметно, в этом маленьком заброшенном кафе. Никто ничего не заметил. Парижский свет. Обычно полный жизни лес, в большой аллее рядом. Теперь великий пост и пасмурный день-в лесу пусто, благодаря этому облава прошла незамеченной.

Гильом и Пьер потрясены, глубоко опечалены, узнав Сальва; они смотрят, как он с жадностью ест хлеб. Взгляд, брошенный им на Гильома, очень бледный взгляд, преисполненный почтительной нежности и обещающий ненарушимое молчание. Сначала он удивлен, поглощает хлеб. Затем—взгляд благодарной собаки. Никогда он не станет говорить. Его увозит фиакр.

КНИГА ПЯТАЯ. ГЛАВА І вторая редакция

Казнь анархиста на рассвете. Холодно. Гильом захотел привести сюда Пьера. Все, кого я мог бы здесь ввести в действие. Упоминание о парижской нищете (здесь или в другой главе). Затем труд, пробуждающийся Париж выходит на работу (начало «Западни»). Гильом обдумывает покушение. Идея труда у Пьера.

Гильом хочет присутствовать на казни Сальва и берет с собой Пьера, который ночевал на Монмартре. День казни, рассвет. Они уходят из дома около двух часов. Прекрасная ночь. Первый майский день. Полная луна. Залитый лунным светом, перед ними встает Сакре-Кёр, имеющий очень внушительный вид на фоне заснувшего в лунном сиянии Парижа. Ночь, когда восход солнца явится сигналом для смерти человека. Уснувший, истомленный, терпимый ко всему Париж. Вид Парижа, особенно Сакре-Кёр, заметки. О чем говорит Пьер Гильому, когда они останавливаются на холме и глядят на Париж и Сакре-Кёр. Их дальнейший путь. Описание их пути. Психология того и другого, чувства, с какими каждый из них идет смотреть на казнь. Гильом молчалив, он охвачен трепетом, он уже во власти своей навязчивой идеи; Пьер немного встревожен за брата, но полон жалости к Сальва. Солнце еще не взошло, метельщики, тряпичники. Довольно холодная ночь в начале мая. Вновь описание нищеты, объясняющей возмущение, ужас покушения (пожалуй, немного дальше). Здесь же все нищенское и страждущее, что порождает парижская ночь.

Далее я покажу, в виде контраста, ночной веселящийся Париж, который Пьер видел в вечер покушения. Здесь только перечисление; люди, ночующие на улице, на скамьях, покинутые дети, выброшенные на улицу, проститутки, усталые, уснувшие (продолжение или конец «Кабинета ужасов»).

Возвращение домой светских кутил. Разъезд из клубов, подозрительных домов, возвращение украдкой женщины. Для этого надо изобразить богатый квартал. Темные улицы, газовые рожки, появляющийся в окнах свет. Час работы еще не наступил, но приближается.

Не забыть далее, что Пьер посещал по делам благотворительности Шаронский квартал, который ему хорошо знаком. Аббат Роз. Пьер проходит с братом по этому кварталу; воспоминания, связанные с ним, факты. Он может снова встретиться с несколькими бедняками. Несчастный, которому они помогли выбиться, снова впавший в нищету; спасенная ими девочка, вернувшаяся к проституции. Целое семейство, покончившее с жизнью самоубийством. Смехотворная, бесполезная благотворительность. Главный упор сделать на рабочий квартал, еще не проснувшийся. Описываемый в этот момент квартал служит, естественно, рамкой для гильотины.

Они пришли на Рокетскую площадь и направились к углу улицы Мерлина, где винный погребок, к дому, откуда лучше всего видно. Здесь может жить Меж. Пьер знает этот дом, он знает, что только отсюда можно увидеть казнь. Не следует, однако, чтобы он поднимался в квартиру Межа, у которого окна закрыты (придумать). Но тотчас же описание рабочего квартала (посмотреть заметки), где воздвигнута гильотина. Тотчас же квартал, топография и характер. Труд, заводы еще не пробудились. Затем совершенно особая толпа посетителей казней, светский Париж, мошенники; в ожидании закусывают, смеются. Люди на деревьях, на крышах. Ничего не видно, дома в отдалении. Едва виднеется гильотина под низкорослыми платанами. Приглашенные на Малой Рокетской площади (Сильвиана в отчаяньи, что она не в их числе).

Сильвиана с Дютейлем после ужина в отдельном кабинете представят светский Париж. На ужине был Дювильяр и другие; и она, внезапная прихоть явиться сюда. Почему не хотел этого Дювильяр. Ее привел Дютейль. Это позволит мне, помимо свадьбы Камиллы и Жерара, срок которой у меня назначен, упомянуть о дебюте во «Французской комедии», предстоящем в этот самый вечер. Министр Монферран действует, Довернь очень мил. Затем разговор о Сальва, симпатия к нему, заботы о нем Селины, подробности и пр. Давка в винном погребке. Розамунды нет, мне хочется ввести ее в самом конце-она ничего не видела, она в отчаянии. И здесь, или немного дальше, перед казнью, гильотина в квартале бедноты. Ее не воздвигают в богатом квартале, где она не имела бы никакого значения. Но здесь, в рабочем и бедном квартале, она служит угрозой и развязкой. Нищета, страдание приводят к ней, она держит в повиновении нищих и страждущих, всегда готовых к возмущению. Надо, чтобы нож гильотины, с грохотом падающий среди тишины, служил символом. Итак, казнь.

Появляется Массо, в связи с его приходом может произойти разговор Сильвианы и Дютейля. Появление Розамунды; он видит, как она подъехала, ее коляска не может продвинуться вперед. Наконец, Массо помогает Гильому и Пьеру пройти оцепленное солдатами пространство. Он узнал Пьера, улыбается ему, нисколько не удивлен, видя его без рясы. Каким образом он помогает им пройти, выдав их за журналистов знакомому

полицейскому. «А я?»—просит Сильвиана.—«О нет!». И она остается с Дютейлем в погребке. Приглашенные на Малую Рокетскую площадь. Проходя, братья узнают в первом ряду в толпе, рядом с солдатом, Матиса. Меж, закрытые окна.

Пьер и Гильом посреди обширного пустого пространства. Они приближаются, слушают. Описание гильотины—она низкая; барьер, с помощью которого сдерживают несколько лиц: журналистов, любопытных и других. Описание площади в этот предрассветный час. Я хочу дать описание рабочего квартала, заводы просыпаются, над трубами появляется дым. Гильотина в этом квартале нищеты и труда.

Пьер и Гильом ждут. Их чувства и ощущения. У Гильома продолжается гнев, заражающее действие. Массо вошел в тюрьму; выйдя оттуда, он сообщает сведения о Сальва—пробуждение и т. д. Священник. Он говорит также о том, что предшествовало. Селина. Г-жа Теодор. Помилование и т. д. Нищета заставила бросить бомбу и привела этого человека к казни.

И, наконец, утро и смерть Сальва. Его прибытие (м о д и с т к а обязательно), как он умирает, его мечта. Его мужество, мученик, воодушевляющая его вера. Возглас: «Да здравствует анархия!». Он оглядывается кругом—нет ли тут кого-нибудь из товарищей—и последний взгляд бросает на Гильома, узнав его. Решающее значение этого взгляда, что читает в нем Гильом, заражающее действие. Символический стук падающего в молчании ножа. Париж на рассвете, пробуждающийся, чтобы итти на работу, после бедственной ночи; занимающийся трудовой день; параллель к пятой главе первой книги, в которой показан Париж, зажигающийся ночными огнями радости и веселья.

Отсюда, до конца главы, Гильом весь во власти своей идеи, решил действовать, молчалив. Толпа расходится, братья и Массо машинально возвращаются на свои места. Матис все еще остается на своем месте (или стоит на виду сейчас, обменявшись несколькими словами с Межем). Массо, Розамунда, Дютейль, Сильвиана.

Розамунда в отчаянии, она опоздала; или оказалась с Дютейлем и Сильвианой. Она просила, чтобы ее представили, завязать интригу.

Посмотреть заметки о Меже. Гильом и Пьер остались одни. Они могут увидеть Межа, окна которого продолжают оставаться закрытыми. Его слова в заметках. И, может быть, только здесь показать Матиса. Окончить большим описанием Парижа, начинающего трудовой день. Вновь описать квартал, лавки, особенно шумные фабрики с поднимающимся из труб дымом. Толпа разошлась. Братья возвращаются через внешние бульвары; весь Париж, идущий на работу; рабочие и работницы. Подавленный Пьер все яснее сознает идею труда. Труд, несущий воздаяние и спасение, но сейчас несправедливый и тягостный.

Гильом молчалив, задумчив, весь во власти гнева, который приведет его к покушению.

В заключение Монмартр и торжествующий Сакре-Кёр, возвышающийся над залитым солнцем Парижем. И, глядя на него, Гильом решается.

VII. ДВА ЭТЮДА С НАТУРЫ К «ПАРИЖУ» И «ЛУРДУ»

Среди рукописных материалов Золя к роману «Париж» имеется очерк «Виды Парижа»— характерный для писателя-натуралиста этюд «с натуры». Такие художественно-фактографические этюды имеются для всех романов Золя из серии «Ругон-Маккары». Наиболее близок к печатаемому нами этюд к «Странице любви», под тем же названием «Виды

Парижа» (см. «Собрание сочинений Золя», под ред. М. Д. Эйхенгольца, ЗИФ, 1928, «Страница любви», 394—395).

К такой же категории живописных этюдов, хотя и не пейзажного типа, относятся опубликованные нами (ор. cit.) очерки «Ночь на Центральном рынке» («Чрево Парижа»), «Публика» и «Париж вечером» («Творчество»), «Биржа» («Деньги»), «Париж. Отправление поезда 6.30» («Человек-зверь») и др.

Этюды-очерки «с натуры» показательны для художественного метода Золя. Обычно они многообразно используются писателем в характерных для него повторных описаниях. Пуантирование социально-философской темы романа происходит здесь путем включения в фактографическое описание «с натуры» эмоционально-метафорических образов. Точно так же использовал Золя и этюд «Виды Парижа» в начале и в конце романа «Париж», и в отдельных его местах. Опорные описательные образы этюда сохранены в романе (неподвижный, застойный туман в низинах... кровли возвышенных кварталов... и т. п.), причем эмоциональный мотив конца этюда органически сочетается в романе со всем описанием, которому придана социальная контрастность: с одной стороны—«кварталы нищеты и труда», с другой—«кварталы богатства и наслаждения». В результате, наряду с законченным декоративно-живописным этюдом «Виды Парижа», возникает символическая картина, в которой использованы лишь элементы рукописного описания.

По замыслу Золя, Париж, как мы видим, становится в романе социальным символом. Соответственно этому и само изображение города приобретает символический характер. Социальная топография Парижа (северная и восточная часть Парижа—город физического труда, юг, левый берег—труда умственного, центр и запад—средоточие страстей к наживе, сильных мира сего) отражается и в пейзажах. Очерк «Виды Парижа», послуживший материалом для соответствующих пейзажей романа, однако, отличается от последних,—они полны метафор и эмоционально окрашены соответственно теме романа.

asperts de Paris

Par mu april-anidi grise de dianetre. Ciel sticie de miner autore grac legra avec un puls solui que se noir dans cu sortes de monsideres vayui. La ligne reonde immunistre de l'horizon qui se deven, à parte est noyè l'es horizon se però, ce n'est qui mu debarte de brouillors dans laquelle montant de groude, fu vien d'insine. Sur tout la ville de travail à l'est, on surt arms i le souppe de l'assine, Vian le sud, et surtant vors l'ours, la ligne roude de le horizon de setante tra par tri de le ville et miser de setaires. Pour tail le ville et miser echiere.

«ВЖИЧАП ВОДИВ, ФАЧТОТВА ВКОЕ СИ ЖИЧАП, «ЖИЧАП, «ЖИЧАП, «ЖИЧАП)»

Библиотека Межан в Экс-Прованском, Франция Так, при описании солнца над Парижем в романе «богатые городские кварталы утопают в бурой мгле, тогда как доброе семя сыплется густой золотой пылью на левый берег Сены и на восточные, густо населенные кварталы. Очевидно, там именно и должна взойти ожидаемая обильная жатва». Этот мотив повторяется у Золя в ряде концовок, что особенно для него показательно. «Солнце озаряет своими лучами несметную эскадру. Тут целые тысячи вызолоченных кораблей, отплывающих из парижского океана, дабы просветить и умиротворить землю». Заканчивается роман также символической картиной городского пейзажа Парижа, как гармонического целого: «В лучах солнца уже нельзя различить отдельных кварталов, социальные грани которых стирались»... Это картина «одной и той же нивы» и «братской гармонии» передает идеи Золя о социальном сотрудничестве, свойственные ему в эти годы.

Иной характер имеет очерк «Париж. Отправление Белого поезда» («Лурд»), который мы печатаем ниже. Этюд этот, несомненно, сделан в записной книжке писателя на основании непосредственных наблюдений; однако, в отличие от аналогичного этюда «Отправление поезда 6.30» («Человек-зверь»), внимание писателя сосредоточено здесь исключительно на сведениях и деталях технического характера (состав поезда, его устройство, посадка и размещение больных, обслуживающий персонал и т. п.), без какой-либо заботы о живописной стороне явлений. Главная же особенность очерка из «Человека-зверя»—наблюдения живописного характера: огни, дымы, шумы и т. п., вся новая эстетика железнодорожной индустрии.

Аналогичные информационно-технические этюды можно найти и в других романах Золя, хотя бы в том же романе «Человек-зверь», среди рукописных материалов которого имеется запись писателя «Мое путешествие» (на паровозе), или в «Жерминале»—описание спуска в шахту.

Анализ литературных приемов Золя на материале рукописных «планов» и этюдов писателя свидетельствует не только о наличии у него целостной системы художественного изображения, но и о том, что она органически связывается им с темами романов и служит для их раскрытия методами художественного мастерства.

Текст этюда к «Парижу»:

виды парижа

[106—109] Ненастный декабрьский полдень. Изборожденное легкими серыми облаками небо. Слабый солнечный свет, окутанный какой-то мутной дымкой. Круглое очертание необъятного горизонта, едва обозначенное в густом тумане, лишь угадывается. Весь запад погружен во мрак: горизонт исчезает-кругом сплошной туман, сквозь который вздымаются густые заводские дымы. По всей западной рабочей части города чувствуется, таким образом, дыхание заводов. К югу, и особенно к востоку, круглое очертание горизонта выделяется очень слабо, но отчетливо, и эта часть города лучше освещена. Однако, весь город как бы утопает в мелком пепле, в зыбком паре. В низинах этот пар неподвижный, как бы застойный, более белый и более освещенный; между тем как кровли возвышенных кварталов, крыши и, особенно, памятники выделяются, сырые и мрачные, как черный дым. Трините, дальше Опера-особенно заметны. Эйфелева башня, очень высокая, как привидение из черного кружева. Нотр-Дам, затем Пантеон, Сен-Сюльпис, колокольни св. Клотильды—теряются в тумане. Особенно характерны низины, полные стоячего тумана, молочного цвета, тогда как кровли и памятники чернеют на более светлом фоне. Париж поглощен, затерян в этом неведомом тумане: Париж мрачный. траурный, скрывающийся под таинственным покровом, наполовину исчезнувший в мерзостном и постыдном, которое он вмещает.

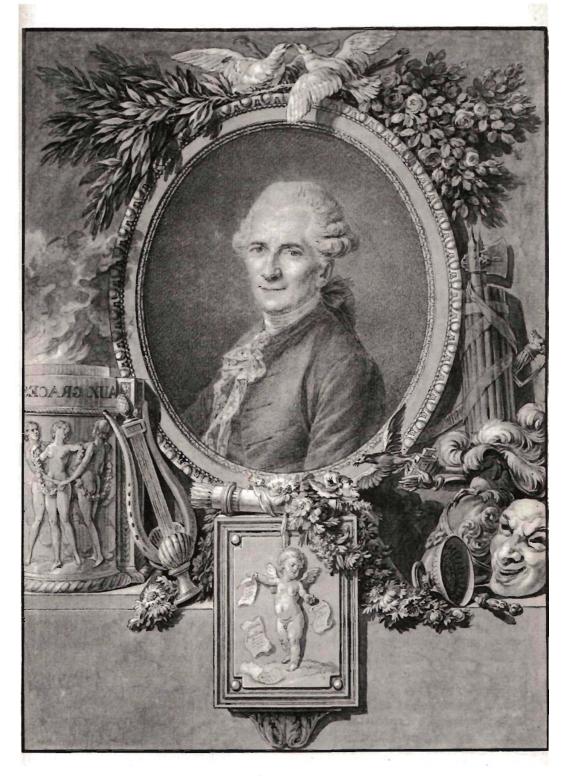
Текст этюда к «Лурду»:

ПАРИЖ. ОТПРАВЛЕНИЕ БЕЛОГО ПОЕЗДА ПОНЕДЕЛЬНИК, 21 АВГУСТА 1893 г.

[180] ОТЪЕЗД ИЗ ПАРИЖА

Белый поезд отправился из Парижа в понедельник, 21 августа, в 10 часов 29 минут. Поезд был очень длинен; он состоял из двух или трех вагонов первого класса, пяти или шести второго, все остальные были третьего класса—всего не меньше пятнадцати вагонов. Число больных составляло 379 человек, а здоровых-от четырехсот до пятисот. Таким образом, всего поезд увозил от восьмисот до девятисот человек. Посередине поезда помещался вагон-столовая, багажного совсем не было: отъезжающие имели право брать с собой только ручной багаж. Паровозы Орлеанской компании были прицеплены к концу поезда. На последнем вагоне, а также еще на двух или трех вагонах, отстоящих друг от друга на одинаковом расстоянии, развевался белый флаг с большим красным крестом, обозначающий цвет поезда. Снаружи на некоторых отделениях были прикреплены дощечки, указывающие, кому оставлены места; крупная цифра показывала число больных, [181] в редких случаях девять или восемь, обычно пять или четыре. Над цифрой было написано имя дамы—сестры милосердия, а над ней еще обычно фамилии двух сестер, сопровождающих больных. На некоторых вагонах перед дверцами отделений, на деревянной подножке, было просто мелом написано имя одной из сестер. Вот и все, что можно сказать о внешнем виде поезда. Внутри в вагоне третьего класса отделения разделялись довольно высокими перегородками, что, впрочем, совершенно не мешало свободной циркуляции воздуха. Потолок штучный, досчатый, окрашенный белой краской, сверкал чистотой. Больной мог сосчитать число дощечек от лампы до дверцы отделения. Каждое отделение освещалось лампой, вставленной в деревянную рамку. Боковые стенки, так же как потолок, штучные, а перегородки между отделениями были досчатые, окрашенные в желтый цвет. На скамейках лежали подушки, обшитые кожею. Однако, сами скамейки были довольно узкие; [182] утомление больных также вызывали перпендикулярно поставленные перегородки. От середины перегородки к потолку шла железная полоса, а над перегородкой имелись крюки, на которые можно было повесить вещи. Там уже висело немало вещей, не только верхнее платье и шляпы, но и дорожные мешки, корзинки, чемоданчики, повязки. Точно так же множество вещей стояло под скамейками, где было много пустого места (тазы, судна, чашки, резиновые трубки). Я видел также оцинкованные кувшины для воды. Итак, заполненное отделение представляло собой причудливую смесь из корзин, чемоданов, саквояжей, коробок, шляпных картонок, дорожных мешков и всевозможных пакетов. В большинстве своем все это было очень бедное, старое, кое-как починенное при помощи веревок. Вещи имели столь же плачевный, столь же страдальческий вид, как и их хозяева. Так как известно, что больных в пути кормить не полагается, [183] их обычно еще нагружают мешками с провизией. Наконец, как размещают самих больных. Тяжело больных, которые не владеют членами, кладут на матрацы, лицом к окну (в третьем классе в дверцы вагонов, так же как и в первом, вделаны стекла). Почти все лежачие больные одеты. Одни лежат вытянувшись во всю длину, другие сидят. Койки некоторых

больных подвешены к потолку на ремнях. Многие держат рядом с собой костыли, другие сидят, опираясь на подушки. Таким образом, даже в заполненных отделениях неравное число больных—их больше или меньше в соответствии с тем количеством мест, которые им должны предоставить. Мужчины, женщины, дети-все помещаются вместе. Внутри отделений больные размещаются по собственному усмотрению; [184] дамы сестры милосердия или сестры лишь заранее заказывают для своих больных одно или несколько отделений. Вот почему на дверцах отделений. в знак того, что они заказаны заранее, висят дощечки, о которых я говорил выше. Эти дощечки остаются на все время путешествия. Священники также оставляют за собой одно отделение. На дощечке в этом случае написаны их имена и число едущих с ними паломников. Наконец, в некоторых отделениях снаружи на стекле наклеена полоса бумаги, на ней написано: «Дирекция». Такие отделения сестры оставляют за собой на обоих концах каждого вагона. Тут они на спиртовках варят кофе и пр. и распределяют все среди больных. Хотя они не обязаны кормить больных, им все же хочется их чем-нибудь побаловать, а уж если дать одному, тут же начинают просить и все остальные. [185] Словом, больница на колесах. Больные, словно дети: сестры следят за ними, слегка бранят и, вместе с тем, балуют. Святые отны также оставляют за собой определенные отделения. Дамысестры милосердия едут также этим поездом, причем одни вместе со своими больными, а другие отдельно. К моменту отхода поезда белые флаги снимаются, их кладут в вагоны, так же как и все предметы, необходимые для переноски больных: ремни, носилки и т. д. Поезд дает свисток и отходит от платформы. При этом здесь не испытываешь того чувства радости и, вместе с тем, волнения, которое охватывает тебя в момент отхода поезда из Лурда. Больных я встретил очень немного. Ребенок на костылях, горбатый, искалеченный, с ужасной головой, свернутой набок. медленно шагал сквозь толпу, опираясь на свои деревяшки; у него был вид гнома. На носилках лежала женщина, огромный живот ее вздымался, как гора. Это была клиентка д-ра Астье, [186] элегантная дама, прекрасно одетая, в хорошем белье. Голова ее была прикрыта кружевом. Как-то удивительно беспомощно выделялись на парусиновых носилках ее затянутые в ботинки ноги; бедра сохраняли полную неподвижность, как у мертвой, а ступни дергались. Какое мучение очутиться вот так на носилках, стоящих на перроне среди глазеющей на вас толпы! Женщина еще ниже спустила кружево на лицо, глаза ее были полузакрыты. С большим трудом втиснули ее в вагон первого класса. Двое мужчин поддерживали голову, врач помогал им, поддерживая больную за ноги. Наконец, ее устроили на диване вагона, ее сопровождала какая-то особа, нечто вроде приживалки-приятельницы. В отделение никого не пускали. Больная страдала какой-то болезнью живота, а кроме того находилась в ужасном нервном состоянии. Ей задурили голову, объяснил мне врач. Но мне сам врач показался, по меньшей мере, странным: он верит в благотворное влияние Лурда [187] на больных нервными болезнями. Говорил он мне и о волчанке: «Вот непонятный для меня случай». У него был пациент, коммивояжер, который делал прекрасные дела, неверующий. Врач наблюдал у него появление волчанки с самой первой стадии. Сначала это было раздражение сальной железы, затем появился один нарыв, и, наконец, все лицо покрылось язвами. Он безуспешно лечил его в течение долгого времени, затем тот побывал во всевозможных лечебных заведениях

ЖЕНТИ-БЕРНАР Рисунок Андре Пюжо, 1760-е гг. Эрмитаж, Ленинград

и, в конце концов, излечился меньше, чем в месяц, в Лурде. Теперь больной иначе, как лурдской богоматерью, не клянется. В чем же тут дело? Разве волчанка — болезнь нервного происхождения? Больной нисколько не был истеричным, неуравновешенным человеком. Что же произошло? Доктор ничего не понимает. Я в своей книге также приведу подобный случай излечения, совершенно непонятный для врачей (медицина не наука, а искусство, развить). Изучить это. Спокойствие сестер, всего этого мирка, который живет чудом, в ожидании чуда: «Подумать только, что женщина с огромным животом оставит все это [188] в Лурде». Они улыбаются, их ничто не поражает, они как бы живут в какой-то атмосфере чудес. И все это у них выходит удивительно просто, естественно. Некоторых больных ведут под руки. Все больные должны быть на вокзале за час до отхода поезда. Посадка происходит весьма организованно, без всякой суеты. Правда, при посадке в зеленый поезд я наблюдал ужасающую давку. Поток паломников беспорядочно, словно стадо баранов, заполнил зал ожидания, все толкались, давили друг друга. Тут было множество женщин, несколько священников, дети. Этот, так сказать, увеселительный поезд имел удивительно плачевный вид; быть может, этому содействовал унылый, изможденный вид людей, наполнявших его. Зеленый поезд заполняется, главным образом, жителями парижских пригородов и других городков департамента. К нему было прицеплено четыре или пять версальских вагонов и несколько вагонов из других городов. Точно так же в белом поезде [189] было несколько вагонов, оставленных, кажется, для пассажиров Амьена и Эвре. Наконец, нужно себе представить жизнь в вагоне во время тех двадцати двух часов, которые длится переезд. Больные усажены. В вагоне едет не меньше двух сестер и в каждом отделении одна дама-сестра милосердия. Дамы эти большей частью немолодые и некрасивые, одеты они в легкие ткани неярких цветов. Поезд отходит; в определенные часы поют хором; затем беседуют. Молятся, перебирая четки; смотрят в окна; отдают поклоны церквам, мимо которых проносится поезд. Ночью просят соблюдать тишину. Кстати, у меня есть точная программа всего этого, включая песнопения и молитвы. Порой в отделениях становится душно, плохо пахнет (раковые и желудочные больные, испражнения и т. д.). Окна не всегда можно открывать. Солнце палит нещадно. Слышатся жалобы. [190] Словом, больница на колесах. Сестры ухаживают за больными, утешают, обнадеживают их и, вместе с тем, поддерживают дисциплину. Больные, дети. Во всем этом, несмотря на бездну страданий, очень много чего-то по-детски наивного. Сколько нищеты и мук! Серые лица, серые одежды, груда жалких лохмотьев и изможденных, искалеченных тел. Одежда сестер из общины успения: черное платье, белый чепец с гладким того же цвета нагрудником, все это туго накрахмалено. На чепец накинута черная вуаль, из-под нее выглядывает лишь белый краешек чепца. За кожаный пояс заткнуто распятие. Зато, когда сестры надевают большие белые передники, закрывающие почти всю юбку, с широким красным крестом, вышитым на груди, и подвязывают белые нарукавники над локтями, [191] они просто ослепительны; сверкающие чистотой и опрятностью, живые, веселые, они словно освещают весь поезд; от них веет целомудрием и непорочностью.

Одежда святых отцов: черная ряса с пелериной и капюшоном. Плащпелерина на спине заострена книзу. Широкая пушистая шляпа (меховая). Почти у всех длинные бороды. Разумеется, когда кто-нибудь умирает

в Лурде, общество не берет на себя перевозки тела, оно доставляет обратно лишь живых. Перевозка тела из Лурда в Париж стоит от трехсот до четырехсот франков. Орлеанская компания берет у отцов убежища успения 40 франков за доставку больного туда и обратно. По крайней мере, такова официальная цифра. [192] Мне кажется, что существуют еще какие-то скидки. При отходе поезда продают маленькую книжонку «Паломничество к лурдской богоматери», а также раздают в вагонах нечто вроде проспекта, содержащего все необходимые сведения во время путешествия. Каждый проспект носит цвет того поезда, в котором его распространяют. Итак, каждый больной располагает проспектом с необходимыми ему по дороге справками. У каждого больного, едущего от общины, на шее, на ленточке цвета поезда, висит карточка. Таким образом, можно сейчас же узнать, из какого поезда больной, даже если он сам забыл это. Заплатив за больного 40 франков, дирекция записывает его фамилию, и он находится в ее ведении во время путешествия и пребывания в Лурде. Так как г-н Сабатье не хотел ехать на правах бедняка, он сам заплатил 40 франков, то-есть, по существу, оплатил свой проезд.

VIII. ФРАНЦУЗСКАЯ И РУССКАЯ КРИТИКА О «ТРЕХ ГОРОДАХ»

Современная Золя французская критика «Трех городов» отличается значительным разнообразием и страстностью. Обзор ее не входит в наши задачи. Мы коснемся лишь некоторых моментов, наиболее ярко подчеркивающих социальную функцию романов Золя.

Роман «Лурд» вызвал ожесточенную критику со стороны католических кругов, а также врачей, имевших то или иное отношение к лурдским «исцелениям». По поводу «Лурда» в короткое время было выпущено большое количество полемических книг и брошюр. Достаточно назвать следующие: аб. Жозеф Крестей, «"Лурд" Золя, критика исторического романа», 1894; аб. Доменек, «Лурд, люди и дела», 1894; монсиньор Рикар, «Подлинная Бернадетта Лурдская», 1894; Феликс Лаказ, «За правду. В Лурде с Золя» (посвящено папе Льву XIII), 1894; Э. Дюплесси, «Золя и Лурд», 1894; Колен, «Что думает о романе Золя Анри Лассер, автор книги "Лурдская богоматерь"»; Можере, «Аббат Золя в Лурде (маскарад романиста)», 1894; д-р Буассари (директор медицинского бюро в Лурде), «Лурд после 1858 года и до наших дней», 1894; д-р Монкок, «Исчерпывающий ответ на "Лурд" Золя», 1894, и др. Все упомянутые церковники, католические и медицинские деятели отнеслись к роману Золя, как к документальному произведению, и стремились опорочить, прежде всего, правдивость изложенных им фактов и событий.

В романе нашли место все руководящие мотивы и мысли «наброска». Золя считал, что видения Бернадетты явились результатом нервного возбуждения, подготовленного религиозным воспитанием и знакомством, хотя бы с голоса, со священными книгами; что «чудеса богоматери» были использованы с корыстными целями лурдским духовенством, а Бернадетта Субиру отстранена от ею же прославленного места «исцелений»; что «исцеления» эти, т. е. выздоровление известной части больных, страдающих от нервных болезней, легко объясняются с медицинской точки зрения. Если иметь все сказанное в виду, становится понятным характер полемики против Золя. Книга монсиньора Рикара в форме нескольких писем к Золя характериа для враждебной писателю литературы. Так, Рикар комментирует письмо членов муниципалитета Бартреса, опровергающих сведения Золя о дстстве Бернадетты (знание священных книг—источник галлюцинаций), чтобы подтвердить реальность ее видений и действительность явлений богоматери; настаивает на наивной непосредственности Бернадетты и отсутствии про-

исков лурдского духовенства с целью удалить ее от места «чудес»—источника их доходов (нужно иметь в виду, что количество паломников в Лурд доходило до двухсот тысяч в год). Золя, воздерживавшийся от опровержения обвинений в искажении правды, все же ответил на письмо муниципалитета Бартреса, чтобы установить заинтересованность лурдских отцов и утилитарность всей кампании против его романа.

Но и высшее духовенство считало опасным «Лурд», и уже в сентябре 1894 г. роман Золя был осужден папской конгрегацией Индекса. Интересно, что это был первый роман Золя, включенный в список «запрещенных книг», от которых римская инквизиция предостерегала всех христиан под угрозой наказаний.

В связи с «Парижем» интересно коснуться высказываний части радикальной современной критики о романе Золя.

Нужно иметь в виду, что «Париж», как роман социальный, выделяется среди широкого потока французской литературы 90-х годов (Рони, «Обязательный. Революционные парижские нравы», 1887, и «Марк Фан», 1889; Ж. Ренар, «Обращение Андре Савенея», 1892; Поль Адан, «Тайна толп», 1893; Жеффруа, «Заключенный», 1898; Рогенан, «Муравейник», 1895; Ж. Клемансо, «Самые сильные», 1898; Эстонье, «Закваска», 1899, и др.). Естественно, поэтому, что в целом «Париж» не мог не встретить сочувственного отклика со стороны социалистической печати и деятелей того времени.

Но характерно, что даже Эжен Фурньер в реформистском «Социалистическом Обозрении» (март 1898 г.) подчеркивал умеренный характер идей Золя в этом романе, его эволюционизм, его «примиренческую теорию». Фурньер указывал, что конечную мысль автора Золя вложил в уста Бертеруа, так что «если правда и справедливость должны восторжествовать сами по себе, то нечего людям и вмешиваться в это дело... Заканчивается книга буржуазными образами Пьера, его жены и ребенка; конец как нельзя лучше характеризует эту теорию примиренчества... Доблестный работник Золя основательно расчистил социальный лес, но за его спиной снова вырос лес, еще более густой и непроходимый». В том же «Социалистическом Обозрении» (апрель 1898 г.) Фурньер в ответ на письмо к нему Золя писал, что «фаталистические теории Золя о механическом вечном прогрессе, устремление человечества к истине и справедливости гибельны».

Против неправильного восприятия у Золя политической деятельности социалистов и роли науки высказался в «Фонаре» (20 марта 1898 г.) Жорес, вообще старавшийся оправдать, смягчить реформистские идеи писателя. «Главная ошибка Золя,—писал он,—в том, что он неверно понимает роль науки. Конечно, мы согласны с ним, что наука—великая освободительная сила; она освобождает человека от социального рабства... Но ошибка Золя в том, что, по его мнению, наука, как таковая, без помощи воинствующей человеческой деятельности революционизирует социальный порядок. Да, создав новые средства производства, машинизацию, химию, наука делает возможными новые социальные формы; но она создает лишь возможности... Нет, для восстановления справедливости мало одного научного прогресса. Наука поможет только росту капитализма, если мы не разрушим его».

Отношение русской критики к «Трем городам» Золя представляет значительный интерес, особенно ввиду громадного успеха предшествующих произведений французского романиста в России. Популярность произведений Золя в России и сотрудничество его в «Вестнике Европы» (1875—1880) сыграли известную роль в признании таланта Золя и на Западе.

Первыми пропагандистами произведений Золя в России были представители либеральной буржуазной литературы—В. В. Чуйко, И. С. Тургенев, П. Д. Боборыкин, А. Н. Плещеев, С. А. Венгеров, А. М. Скабичевский и др. Но к началу 80-х годов благо-

желательное отношение к Золя, как к социальному писателю, со стороны этих кругов несколько изменилось, в связи с односторонне воспринятым романом «Нана» и разочарованием в теории и художественном методе натуралистического романа, приравненного к роману «физиологическому». Успех «Дамского счастья» в качестве романа социального сыграл большую роль в известной реабилитации Золя. Все же либеральная печать не могла забыть некоторых высказываний Золя об аполитичности литературы, а консервативная критика находила его произведения излишне радикальными.

Диференциация русской критики в 90-х годах сказалась на отношении к Золя «толстых» журналов. Помимо враждебных отзывов консервативных и реакционных кругов, наблюдались отрицательные оценки творчества французского писателя и со стороны либеральной буржуазной критики, поскольку она находилась под влиянием возродившегося идеализма.

Критик А. Б. [Богданович] из радикального «Мира Божьего» (июль 1898 г.), где подвизались легальные марксисты, с оговоркой ценит Золя, как «художника-наблюдателя», и отрицательно относится к его общественным идеалам. Хотя лучшими страницами романа «Париж» А. Б. считает «широкую картину современной архибуржуазной Франции», тем не менее, он упрекает Золя в «одностороннем освещении» именно образов буржуа, заключая, что Золя «при всем своем натурализме редко бывает реален». Он указывает на «преувеличения» в фигуре банкира Дювильяра, который «нарисован однотонно и слишком беспощадно и мрачно». Статья противоречива. Признавая виновность современной буржуазии в «унизительных преступлениях», критик все же предлагает соблюдать «историческую перспективу», указывая на «постепенное завоевание, какое делает справедливость в области социальных отношений». Вместе с тем, критик указывает, что сам Золя-чистейший образец буржуазного мыслителя, плоть от плоти той же буржуазии: «Насколько он увлекается, описывая темные стороны современного Парижа, настолько же смутно представляет себе и возможные перемены, которые поведут к водворению лучшего мира». И это, замечает критик, «лишает роман того глубокого общественного значения, какое он мог бы иметь, если бы автор сумел указать путь к столь восторженно приветствуемой им справедливости». Золя заканчивает «полным примирением со всем тем, против чего выступал вначале столь грозно и свирепо».

В народнически-либеральных «Книжках Недели», под редакцией В. Гайдебурова (октябрь 1894 г.), Л. Оболенский в статье «Роман о религии и науке» (о «Лурде») считает, что Золя напрасно берет на себя роль защитника науки, упрекая писателя в «узко-наивном понимании современного душевного кризиса». Критик считает закономерными «поправки к позитивизму» в духе признания «непознаваемого» и ссылается на Г. Спенсера и О. Конта (взгляды их к концу творческой деятельности). В этих словах Л. Оболенского чувствуется влияние возродившегося спиритуализма.

То же следует сказать о статье З. В. [Венгеровой] в либерально-буржуазном «Вестнике Европы». В отзыве о «Риме» (июнь 1896 г.) говорится об «интересной идее показать, как в современном человечестве живы религиозные чувства и как мало оно удовлетворяется существующими формами культа». Критик подчеркивает: «У Золя показано, что современное папство совершенно мертво», но, вместе с тем, писатель обнаружил, в целом, «одностороннее понимание жизни и игнорирование духовной ее стороны».

Либеральные тенденции журнала сказались и в оценке «Парижа» (статья З. В., апрель 1898 г.), где, как отмечает критик, Золя дал «безотрадную картину всеобщего растления нравов, но пришел к жизнерадостной проповеди труда и любви». Особенно подчеркивает критик у Золя искренность его идей, проверенную общественной деятельностью писателя (участием Золя в деле Дрейфуса в 1898 г.), так что «нет ни малейшего повода обвинять Золя в риторичности и напускной сентиментальности».

Для спиритуалистической реакции 90-х годов в России, соответствующей аналогичному движению во Франции, показательна обширная статья одного из идеологов идеализма, мистицизма и символизма, критика А. А. Волынского: «Два последних романа Золя—"Лурд", "Рим"» («Северный Вестник», 1896, № 9).

Волынский был не одинок. Наряду с ним действовали «богоискатели» из буржуазной интеллигенции—Д. Мережковский, Н. Бердяев и др., которые в контр-революционных целях русской буржуазии стремились оживить религию, поднять на нее спрос, выдумать особую «возвышенную» религию, чтобы тем самым по-новому укрепить ее в народе.

А. Волынский указывает в своей статье на огромный интерес этих произведений «одного из самых даровитых» французских писателей. Острие критики Волынского направлено не в сторону антиклерикальных мотивов Золя. Он пишет, что Золя «понял сложную систему сознательных фальсификаций, которой заинтересованные люди окружили это дело ради грубых денежных или узкопрофессиональных интересов католической церковности». Враждебность Волынского проявляется больше в отношении материалистического мировоззрения французского писателя, потому что «твердой рукой убежденного поборника эмпирического знания Золя по-своему разлагает все то, что есть в современном человеке мистического, неразгаданного, таинственного в идейном отношении».

По мнению Волынского, «натуралистическое созерцание жизни» привело Золя к тому, что его романы—собрание «мертвых фактов», при помощи которых он стремится доказать, что «в мире не случилось ничего нового» и что провозглашенное им философское мировоззрение «никем не расшатано». Волынский упрекает Золя за холодное упоение физиологическими деталями, за то, что «никакого другого, немедицинского, психологического анализа религиозных волнений общества вы у Золя не встретите». Золя, пишет критик, «крайне сузил свою художественную задачу», потому что «видит источник религиозного настроения, овладевшего массой, в неудовлетворительности современного политического и социального строя». Благодаря «упорству верного партизана отживающего позитивизма», Золя, как говорит Волынский, «изгнал из религии все метафизическое».

Явно отклоняя читателя от социальных проблем, которые лежат в основе романов Золя, Волынский упрекает его в «грубой физиологии, медицинско-полицейской точности, поверхностно-научном мышлении» и т. п. Вся статья написана в защиту «метафизического мышления», «религиозного чувства», «мистического экстаза», «ощущения божества», «духовной тайны» и т. п.

По мнению Волынского, у Золя не видно людей, а есть лишь «бесформенная груда человеческого мяса», «свиные и собачьи рыла, объятые предчувствием чуда». Лишь иногда, кажется Волынскому, Золя выходит из тесных рамок натуралистических описаний и научно-позитивных рассуждений (это относится к описанию развалин церкви Пейрамаля).

«Рим» интересует Волынского меньше, чем «Лурд». И здесь, анализируя взгляды Пьера Фромана, он выделяет не столько социальные мотивы Золя,—мысль, что в основе религиозного движения лежала социальная неудовлетворенность масс,—сколько борьбу его против светской власти папы. Социальные темы Золя Волынский называет «сухим идолопоклонством перед плохо понятой наукой и буржуазно-гражданственными стремлениями современной Европы». Волынский считает, что Золя «не справился с религиозными вопросами современности», и противопоставляет ему Достоевского, которого он превозносит в своей работе «Книга великого гнева».

Таким образом, основной задачей статьи Волынского было фиксировать внимание читателя на религиозно-спиритуалистическом движении на Западе и в России, для которого романы Золя из серии «Три города» представляли значительную опасность.

В чисто литературном плане, сторонник символистского движения, Волынский выступает против «холодного», «кричащего» натурализма Золя. По мнению Волынского, «грубое изображение в натуралистическом духе Золя предпочитает тонкой, почти неуловимой правде чисто психологических описаний». Вообще Волынский отрицательно относился к литературному реализму и натурализму, защищая, наряду с Мережковским, «внутреннюю жизнь». Свидетельством тому являются его «Литературные очерки» (СПб. 1896), направленные против всякого рода позитивизма в искусстве—против материализма Чернышевского, реалистического утилитаризма Писарева и т. д.

Естественно, что представитель русской эклектико-идеалистической академической науки, профессор Л. Шепелевич, касаясь в своих «Литературных очерках» («Наши современники», 1899) романов Золя, пишет о «Лурде», как о «философски неудовлетворительном изображении современной религиозной реакции на Западе, отвернувшейся от науки и даже презирающей ее».

И в реакционном «Русском Вестнике» (1898, № 5) критик в явно враждебном тоне передает читателям основную идею «Трех городов», говоря о духовном кризисе, который переживает Пьер Фроман: «Он не находит себе удовлетворения до тех пор, пока не решается отрешиться от всех прежних идеальных стремлений и основать свое благополучие исключительно на личном счастии, хотя бы и невысокого разбора». Слова эти относятся к заключительному аккорду биографии Пьера Фромана-его любви к Мари и к пропагандируемой им «религии будущего, основанной исключительно на вере в науку, любовь и труд», как формулирует сам критик. Реакционность критика явственно сказывается в словах его о том, что у Золя масса рабочего люда состоит исключительно из нуждающихся, «тогда как есть же и другие, и в гораздо большем числе, -те, которые кормятся своим трудом и живут в довольствии и сытости». Особенно возмущает критика, что у Золя «нет ни одного положительного типа в среде парламентских деятелей, банковых дельцов, золотой молодежи и дам высшего круга, --это тоже вредит правдивости впечатления». Здесь можно упомянуть и крайне враждебную заметку о «Трех городах» Максима Белинского в «Ежемесячных Сочинениях» (апрель 1900 г.). По мнению критика, в «Париже» Золя «примиряется с кровожадностью общественных убийц» и в результате «возвращает ее [душу] к тому же первобытному животному состоянию, из которого она рвалась, украсив только ее клетку позолотой мещанского счастья» (имеется в виду любовь Пьера к Мари). Вывод критика-«пошлость составляет, должно быть, органический элемент в творчестве Эмиля Золя».

Как и следовало предполагать, в полемике по поводу романа Золя из серии «Три города», особенно в связи с «Лурдом», активное участие приняли русские церковники. Представители православия, само собой разумеется, не столь были задеты романами Золя, как католическое духовенство, на что мы указывали выше. Больше того, они даже стремились антирелигиозные мотивы Золя, в силу специфической их антикатолической окраски, использовать для возвеличения православия. Беспокойство с их стороны вызвали затронутые у Золя общие вопросы христианской религии и церковно-священнической практики. Среди этих критических отзывов можно отметить статью С. Глаголева «Религиозный дальтонизм в изящной литературе» («Богословский Вестник», 1894, № 12), посвященную роману Золя «Лурд». Полемизируя с Золя, Глаголев стремится защитить мысль о том, что «религия не против науки». Наоборот, «совершенствование здесь при помощи науки для блаженства на небе»—вот истинная цель жизни. Под видом защиты науки Глаголев хочет подчинить научные знания религии.

Упомянем также книжку Ф. Белявского «Старая и новая вера («Лурд», «Рим», «Париж» Э. Золя)», СПб. 1900, визированную С.-Петербургским духовным цензурным комитетом.

Как и Глаголев, Белявский стремится доказать, что «католичество—не единственная форма религии в мире, и разочаровани в нем не может вести непосредственно к отри-

цанию всякой религии». Характерно, что Белявский приводит примеры из современной французской литературы, свидетельствующие о пессимистических ее тенденциях на почве «бессилия науки» (творчество Бурже, Бодлэра, Верлэна, Барбе д'Оревильи, Гюисманса и др.), и ссылается, как на положительное явление, на Брюнетьера, идеолога спиритуалистической реакции.

Используя роман Золя для критики католицизма, Белявский приходит к выводу, что «только церковь владеет средством, спасающим человека от власти греха и постыдного бессилия воли». Говоря о церкви, автор подразумевает «церковь православную». Из критических работ Глаголева и Белявского ясно, что стрелы их были направлены против антирелигиозных идей Золя.

Анализ русских критических отзывов о серии романов Золя «Три города» с несомненностью позволяет установить отрицательное или ослабленное восприятие социального радикализма писателя, критической стороны его творчества, по меньшей мере, в романе «Париж». Произошло это, видимо, в связи с идеалистической реакцией 90-х годов в России.

Для самых различных представителей буржуазной критики, от либеральной до реакционной и от эстетствующей до церковнической, характерна враждебная оценка Золя, как выразителя антирелигиозного, естественно-научного, позитивного мировоззрения.

ІХ. ЦАРСКАЯ ЦЕНЗУРА О «ТРЕХ ГОРОДАХ»

Популярностью произведений Золя у русского читателя, начиная с 70-х годов, объясняется то, что романы из серии «Три города»—«Лурд», «Рим», «Париж»—стали переводиться на русский язык непосредственно по выходе их в свет во Франции и печатались в нескольких русских журналах. Это вызывало настороженное отношение к ним царской цензуры.

ОТНОШЕНИЕ МОСКОВСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ ОТ 14 МАРТА 1898 г. С СООБЩЕНИЕМ О ПРОИЗВЕДЕННЫХ ИЗЪЯТИЯХ ИЗ РОМАНА ЗОЛЯ "ПАРИЖ" В ПЕРЕВОДЕ МОСОЛОВОЙ]

Ленинградское отделение Центрального исторического архива (ЛОЦИА)

Естественно, что, помимо социальной остроты некоторых мотивов романа «Париж», весь антирелигиозный характер серии должен был смущать защитников «православия, самодержавия и народности». Это и отразилось в цензурных делах о романах Золя.

Смягчающим, так сказать, обстоятельством было то, что цензура старалась, подобно критикам-церковникам, истолковать антирелигиозность Золя в некоторых случаях, как ограниченный антиклерикализм со специфическим антикатолическим уклоном, что не представлялось опасным для ревнителей православия. Вот почему «Рим»—роман, касавшийся папства, привлек, видимо, меньше внимания. Но «чудеса» христианской церкви, описанные в «Лурде», имея в виду аналогичные явления русской действительности—«чудотворные» мощи и иконы, не могли не вызвать запретительной рьяности цензуры.

24 августа 1894 г. Московский цензурный комитет направил в Главное управление по делам печати доклад о романе «Лурд» в переводе Е. Поливановой³⁵, который был отпечатан «бесцензурно». По сличении его с переводами «Лурда», вышедшими в свет в Петербурге как под предварительной цензурой, так и без цензуры, было обнаружено, что «в петербургских изданиях значительно сокращено все то, что, при общем стремлении Золя подорвать веру в чудеса, представляется особенно нецензурным в издании московском». В качестве примера указывается на «исповедь аббата Пьера, исполненную неверия в христианство и полнейшей веры в то, что анархисты расчищают путь для новой религии, основанной на разуме и науке».

На это отношение последовало сначала телеграфное распоряжение начальника Главного управления по делам печати М. Г. Феоктистова: «Роман «Лурд» следует задержать» (25 августа 1894 г.), а затем (27 августа) более подробное отношение: «Имею честь покорнейше просить ваше превосходительство предложить переводчице этого романа исключить из него те возмутительные места, которые в Петербурге ни один из переводчиков не решился напечатать, и предупредить ее, что без исключения таких мест книга не может быть выпущена в свет».

Нужно иметь в виду, что Феоктистов был тесно связан с обер-прокурором «святейшего» синода К. Победоносцевым.

Действительно, перевод Е. Поливановой, оставляя в стороне художественные качества его, выгодно отличался от других переводов полнотой, если не считать случайных мелких пропусков (напр., стр. 89). Но вследствие вмешательства цензуры, после 580-й страницы книги был вырезан с десяток страниц и конец романа допечатан. Вырезанные страницы некоторыми частями текста соответствуют 535—538 и 540—541 страницам французского текста (éd. Bernouard, 1929). Они касаются «исповеди» Пьера Фромана, направленной против христианства и «чудес».

Любопытно, что в петербургских изданиях, на которые ссылается цензор, по инициативе самих переводчиков или издателей, пропущены приблизительно те же места романа, которые указаны были затем цензурой. Так, в тексте романа «Лурд», печатавшегося в журнале «Наблюдатель» (1894, №№ 7—12), на страницах 388—390, в конце романа, сделаны еще более значительные купюры, чем в переводе Поливановой, в результате требований цензуры. Во многих же случаях дан неточный перевод, «смягчающий» текст. Так, фраза «il fallait tolérer Lourdes, ainsi qu'on tolère le mensonge qui aide à vivre» передана следующим образом: «Не надо вооружаться против Лурда хотя бы потому, что он помогает человеку нести бремя жизни». О «лжи» Лурда пропущено. Такие же изменения и купюры имеются во многих местах книги. Для примера укажем, что в переводе, соответствующем 322—324 страницам французского текста (éd. Вегпоцагd, 1929), мы насчитали около пятидесяти строчек купюр в пяти местах.

Обширные цензурные материалы сохранились о романе Золя «Париж». В докладной записке С.-Петербургского цензурного комитета (20 февраля 1898 г.)³⁶, направленной Главному управлению по делам печати, сообщается суждение о романе «Париж» в пе-

реводе Л. Гея. Цензор Воршев выделяет следующие темы романа Золя: филантропическую деятельность католической иерархии и богатой буржуазии, «которая, в свою очередь, старается разыграть роль благодетельницы нагих и голодных рабочих города Парижа, уделяя последним жалкие крупицы из своих богатств», мысли священника Пьера, который «приходит к заключению, что милосердие, оказываемое клерикализмом и буржуа ради тщеславия и препровождения времени, слишком ничтожно среди возрастающей нищеты» и что милосердие, не принеся пользы, «вызвало сильную реакцию в новом учении анархизма, имеющем целью все разрушить, ничего не созидать», выводы Пьера, который «уразумел закон труда» и «спасение которого совершилось посредством женщины, посредством ребенка» и т. д. Нужно, однако, обратить внимание на то, что цензор некоторые мотивы Золя воспринял совершенно искаженно. Ему кажется, например, что «по мнению автора, для уничтожения сонма недовольных и водворения счастья на земле необходимо не милосердие, а совокупная работа религии с наукой». С другой стороны, цензор дает заключение, не противоречащее мыслям Золя: «Роман может быть терпим в бесцензурной печати и выпущен в свет, так как в окончательных выводах своих вовсе не стоит за анархизм; автор признает все возмутительные действия анархистов за одно печальное недоразумение». Все же цензор предлагал исключить «особенно резкие места, где героями высказываются мысли противу католичества и христианства и излагается вкратце учение анархизма».

Однако, Петербургский цензурный комитет, принимая во внимание немногочисленность указанных цензором «опасных» мест романа и то, что роман печатался во многих периодических и отдельных изданиях, «полагал возможным выпустить роман, не требуя исключений и перепечаток». Видимо, благодаря определенному освещению цензора, комитет нашел, что «полезная, лежащая в основе романа тенденция несочувствия к анархизму сглаживает попадающиеся там и сям шероховатости и неудобства».

Главное управление по делам печати согласилось с мнением С.-Петербургского комитета (5 марта 1898 г.)²⁷. По-иному отнеслась цензура, на этот раз московская, к почти одновременно появившемуся другому переводу романа «Париж», сделанному Мосоловой. Московский цензурный комитет по докладу цензора М. В. Никольского, который, судя по его отзыву о романе Золя «Труд»³⁸, не поддавался излишним страхам, предложил все же сделать в переводе Мосоловой «некоторые исключения», «на что и получил полное согласие [издателя] Г. Митрофанова» (14 марта 1898 г.). Были ли сделаны сокращения эти в действительности (на стр. 14, 15—16, 286—287, 543, 589, 670 и 717), как этого требовала цензура, сказать трудно.

В экземпляре Публичной библиотеки им. Ленина в Москве, который был нами изучен, на переводе Мосоловой имеются карандашные пометки (купюры) неизвестного лица (книга эта имеет штемпель библиотеки К. М. Соловьева), касающиеся именно указанных мест.

Приведем из перевода Мосоловой примеры купюр, которых требовала цензура: «Все католичество, даже все христианство во Франции может быть унесено этим потоком,— ибо евангелие, исключая несколько нравственных правил, не представляет более социального кодекса» (стр. 14—15); «Тайная пропаганда воинствующей веры анархистов уже и раньше поражала его сходством с учением первых христианских сектантов; как те, так и другие отдавались новой надежде, чтобы справедливость была, наконец, возвращена униженным» (стр. 286—287); «Здесь собрались одни счастливцы, одни привилегированные, которые защищают здание, готовое рухнуть, употребляют всю громадную силу, еще находящуюся в их распоряжении, чтобы раздавить жалкую муху, этого бедняка с помутившимся рассудком, попавшего сюда благодаря своей страстной, но туманной мечте о каком-то ином правосудии, высшем, карающем» (речь идет о суде над Сальва, стр. 543); «Я не знаю более гадкой бессмыслицы,—Париж увенчан, его давит этот храм! Какая наглость, какая оплеуха человеческому смыслу после целых веков науки и борьбы!» (слова Вильгельма о храме Сакре-Кёр, стр. 589).

Подобные «опасные места», направленные против христианской религии или буржуазного общества, царская цензура и под влиянием ее сами переводчики стремились изъять и в других изданиях романа «Париж». Так, в переводе романа «Париж», который печатался «Московским Вестником» (1898), пропущены, например, следующие места французского текста: «pour prêcher la religion nouvelle des démocraties, l'Evangile épuré, humain et vivant» (о книге Пьера), а также: «Et cette certitude augmentait son tourment, les jours où la soutane pesait plus lourde à ses épaules, où il finissait par se mépriser de célébrer ainsi le mystère divin de cette messe, qui était devenue pour lui le geste d'une religion morte» (pp. 15—16).

Обращает на себя внимание и то, что французское издание романа Золя подверглось рассмотрению Комитета иностранной цензуры и получило суровый отзыв цензора: «Принимая во внимание, что в романе проводится этрицание религиозных идеалов, глумление над всем современным общественным строем, поругание имущих классов и заигрывание с классом рабочих и даже если не полное оправдание, то извинение анархизма, как справедливой реакции против жестокости капиталистического уклада, а также, что роман испещрен эпизодами безнравственного свойства, г-н Штейн полагал, что по содержанию своему «Рагіз» подлежит запрещению»³⁹. Исключения отдельных мест цензор не допускал, так как роман «по общему своему направлению остался бы неисправимым».

Комитет, «соглашаясь в принципе с мнением цензора», нашел возможным из соображений практического порядка допустить все же роман к обращению, потому что он появился в нескольких переводах, печатался во французской газете, пропущенной почтовой цензурой, и «по недоразумению» допущен был в количестве 48 экземпляров почтовой конторой в Ревеле. Начальник Главного управления по делам печати, М. П. Соловьев, наложил следующую резолюцию: «В оригинале и переводе роман Золя не представляет собой какого-либо исключения из прочих его произведений, допущенных в России, уже обращается в России, и без особенного успеха» (27 февраля 1898 г.).

«Утешительный» аргумент М. П. Соловьева, что Золя «обращается в России без особенного успеха», вряд ли, однако, соответствовал действительности. Об этом свидетельствуют рапорты Иностранной цензуры о романах Золя вообще и, в частности, о романе «Париж» на французском языке и в переводах на другие иностранные языки, хотя книги эти были рассчитаны на относительно ограниченный круг читателей из интеллигенции и буржуазно-аристократических кругов.

Имеются, например, отзывы Иностранной цензуры о немецком переводе романа «Париж» 10, с предложением исключить те места, которые, как указывает рапорт, «исключались во французском оригинале». Резолюция гласила: «Исключить, согласно рапорту». Аналогичный рапорт и резолюция имеются в отношении известного английского перевода Е. А. Vizetelly, London, 1898 г. 1. Интересно, что иностранная цензура долгое время продолжала остерегаться революционизирующего влияния романа Золя «Париж». В 1907 г., после революции 1905 г., в «конституционной» России, допускавшей свободу совести, цензор Гейнц предлагал не исключать более некоторых мест романа, «ввиду того, что отрицательное отношение к христианству в настоящее время приходится допускать в литературе в тех случаях, когда оно не соединяется с грубым кощунством». Но «более сильные резкости, в которых выражена мысль о ненужности и даже вреде христианства», цензор предлагал исключить, именно те, где «христианство называется сette folie malpropre», вера в загробную жизнь—«duperie», христианский бог—палачом («un dieu bourreau») 42.

Еще в 1912 г. цензор Трейман констатирует, что «роман "Paris" —единственный роман Эмиля Золя, поступающий в продажу с исключениями», и предлагает в новом немецком переводе исключить места, «где говорится о бессилии евангелия, потерпевшего крушение, несмотря на то, что существует почти две тысячи лет, ибо Иисус ничего для чело-

вечества не сделал... По мнению автора, евангелие является потерявшим всякое значение кодексом и должно быть заменено учениями социализма и наукой»⁴³.

Даже датский перевод вызвал страх у цензора Мичатека, который предлагал исключить «известное profession de foi автора, направленное против христианства и запрещенное русской цензурой во французском подлиннике».

Правда, председатель комитета, граф А. Муравьев, наложил резолюцию: «Позволить на датском языке», догадавшись, что читатели этой книги могут насчитываться лишь единицами.

Цензурные материалы, таким образом, дополняют отзывы русской критики о романах Золя «Три города». Антирелигиозная тема их, несомненно, казалась правительственным кругам опасной, социальный критицизм «Парижа», несмотря на некоторые успокоительные разъяснения, вызывал тревогу. Близилась революция 1905 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Суварин—одно из действующих лиц романа Золя «Жерминаль», анархист, «русский нигилист»; подготовляет обвал в шахте, чтобы вызвать возмущение рабочих.
- ² Параду—парк с пышной южной растительностью, описанный в романе Золя «Проступок аббата Муре» (прототипом ему послужило одно из поместий близ Экса-Прованского). В этом парке, напоминающем, по определению Золя, рай из книги Бытия, действующие лица романа, аббат Серж и Альбина, познают плотскую любовь, чувственное блаженство.
- ⁸ Имеется в виду речь Золя, председательствовавшего на банкете французской молодежи, организованном «Всеобщим объединением студентов» (18 мая 1893 г.). Напечатана в сборнике «Mélanges. Préfaces et discours. Emile Zola. Les œuvres complètes». Ed. Bernouard, 1929. Подобные «Письма к юношеству» Золя опубликовывал несколько раз: письмо в защиту научного мышления, против романтизма в литературе (сборник статей «Le roman expérimental», 1880); письмо против идеалистической и спиритуалистической реакции (сборник статей «Nouvelle campagne», 1897); письмо в связи с делом Дрейфуса (опубликовано брошюрой в 1897 г., включено в сборник статей «La vérité en marche», 1901).
- 4 Доктор Паскаль—главное действующее лицо одноименного романа Золя; последовательный представитель естественно-научного мировозэрения, наблюдает за влиянием наследственности на членов семьи Ругон-Маккаров, к которой он сам принадлежит.
- ⁶ С h a r c o t Жан-Мартен (1825—1893)—французский врач, член Академии наук; прославился трудами по анатомо-патологии нервной системы и клиническому изучению невроза.
- ⁶ Эбиониты (бедняки)—одна из ранних демократических христианских сект (I в.), близкая к иудаизму; отрицала божественность Христа.
- ⁷ К etteler Вильгельм-Эммануил, барон (1811—1877)—деятель «католического социализма» в Германии, архиепископ Майнцский, представитель феодальной идеологии, сторонник светской власти папы, воинствующего клерикализма, хотя в 1869 г. на Римском соборе выступал против провозглашения догмы о непогрешимости папы. Насаждал школы иезуитов, боролся с либеральной профессурой, но в экономике был сторонником различных реформ, облегчающих положение трудящихся (требовал ограничения труда женщин и детей и т. п.), и на этой почве сблизился с Лассалем. Член рейхстага в 1871 г.
- ⁸ Маппіп g Генри-Эдвард (1808—1892) архиепископ Вестминстерский и кардинал, глава католической церкви в Англии, защитник светской власти папы (соч. «Сæsarism and Ultramontanism»); консерватор и, вместе с тем, деятель «католического социализма»; на этой почве он был связан с лейбористами (Labour Party) и не раз участвовал в качестве примирителя в конфликтах между рабочими и предпринимателями, напр., во время забастовки докеров, настаивая на регулировании рабочего времени и требуя установления минимума заработной платы.
- ⁹ G i b b o n Джемс (1834—?)—американский кардинал, деятель «католического социализма», защищал (совместно с Маннингом) американское рабочее объединение «Рыцарей труда», которое папа предполагал отлучить от церкви (1887). Стремясь привлечь к католицизму трудящиеся массы, побудил папу Льва XIII обнародовать энциклику о положении рабочих.

10 I r e l a n d Джон (1838—?)—американский прелат, архиепископ Сен-Поля (штат Миннезота), сын сапожника. Стремился примирить религию с современным демократическим движением, деятель «католического социализма».

¹¹ И н д е к с (список, указатель) запрещенных книг (Index librorum prohibitorum) издан был впервые папой Павлом IV (1559). С опубликованием Индекса инквизиция предостерегала всех христиан от чтения, хранения и переписывания указанных в нем сочинений под угрозой отлучения от церкви и суровых наказаний. В 1881 г. папа Лев XIII издал Индекс с перечнем запрещенных книг от начала книгопечатания. Кроме предисловия, Индекс состоял из 352 страниц. Индекс Льва XIII, изданный в 1901 г., включал 2 500 названий, относящихся к XVII—XVIII вв., 1 300 названий—к XIX в. и 132—к XX в. Принципы составления Индекса случайны и неопределенны. В Индекс не включены, например, труды Ч. Дарвина, учение которого о происхождении человека враждебно церкви, но имеются сочинения Дюма-отца и сына, Жорж Санд, Э. Сю и Бальзака. Конт и Ренан Индексом запрещены, Литре не упомянут. В целом, борьба с позитивным знанием была одной из задач Индекса. Лишь в 1836 г. из Индекса были вычеркнуты имена великих ученых Коперника, Кеплера, Галилея. В 1882 г. конгрегация (совет) Индекса состояла из 36 кардиналов, 39 консультантов и 5 докладчиков (delatores).

12 De Mun Альбер, граф (1841—1914)—французский политический деятель, легитимист, выдающийся оратор, член Палаты депутатов и Французской академии. Поддерживал организованные в Париже рабочие католические объединения и вскоре после коммуны основал «Œuvre des Cercles catholiques d'ouvriers». Боролся с революционным движением и с либерализмом. Социальные проблемы рассматривал, как моральные,

а не как экономические.

- 13 Л е в XIII (1810—1903)—римский папа в 1878—1903 гг. Стремясь использовать науку в религиозных целях, открыл ученым доступ в секретные архивы Ватикана. Призывал французское католическое духовенство поддерживать существующее государственное управление (республику). Под влиянием революционной пропаганды, а также анархических покушений, возникновения тайных обществ («Черная рука», «Динамит» и др.) и участия сельского духовенства в восстаниях (процесс в Капуе в 1878 г.), обнародовал в 1878 г. энциклику (обращение папы ко всем подчиненным ему церквам) против революционного социализма («diversis ac pene barbaris nominabus Socialistæ. Communistæ, vel Nihilistæ appelantur»). Осудив революционный социализм, как «смертоносную чуму» («lethiferam pestem»), Лев XIII позднее, стремясь привлечь к католицизму рабочих, стал поддерживать «католический социализм» и обнародовал энциклику о положении рабочих под названием «De rerum novarum» (от 15 мая 1891 г.), в которой защищал рабочих от жадности хозяев, указывал на небольшое число необычайно богатых людей и рабство массы пролетариев, но, вместе с тем, считал частную собственность естественным правом, ратовал за сотрудничество классов и корпоративный строй, ссылался на существующее в природе неравенство и требовал реформ, носящих моральный характер.
- 14 Т растевере—кварталы, находящиеся по правую сторону реки Тибра, окраинная часть города Рима, заселенная, главным образом, рабочим людом (конец XIX начало XX вв.).

15 Crispi Франческо (1819—1901)—итальянский государственный деятель, сторонник Тройственного союза, враждебно относившийся к Франции.

16 В илла Медичи—дворец в Риме, в котором с 1803 г. помещается «Французская школа» или «Французская академия», куда направляют на три года французских деятелей искусств (архитекторов, скульпторов, художников-граверов и музыкантов), получивших «Большую римскую премию».

¹⁷ Семинария Сен-Сюльпис (св. Сульпиция) в Париже-богословское учебное заведение, в котором преподавали члены «клира св. Сульпиция». Семинария

была основана в 1641 г.

¹⁸ R е с l и s Элизе (1830—1905)—известный французский ученый-географ, автор «Всемирной географии», анархист; во время Коммуны сражался на стороне инсургентов в качестве солдата национальной гвардии, был приговорен военным судом версальцев к ссылке, но, благодаря вмешательству крупных мировых ученых во главе с Дарвином, Тьер заменил Реклю ссылку изгнанием. Брат его, Онезим, также был ученым-географом.

19 Rouvier Морис (1842—1911)—французский политический деятель, радикал. В 1871 г. был избран в Национальное собрание, член Палаты депутатов, несколько раз был министром, в 1887 г.—председателем совета министров; будучи министром финансов, оказался замешанным в панамской афере, в результате чего вышел в отставку

(1892).

²⁰ F I o q u e r Шарль-Тома (1828—1896)—французский государственный деятель, участник революции 1848 г., талантливый оратор. В 1871 г., как член Национального собрания, пытался участвовать вместе с другими депутатами в посредничестве между Коммуной и версальским правительством. В 1885 г.—председатель совета министров, противник Буланже; в 1889 г. был председателем Палаты депутатов, но, скомпрометированный разоблачениями по панамскому делу, лишился депутатских полномочий.

²¹ Bertelot Марселен (1827—1907)—выдающийся французский химик и политический деятель; с 1881 г.—сенатор-радикал, в 1895—1896 г. был министром иностран-

ных дел в кабинете Буржуа.

²² Л ж е-Л ю д о в и к XVII. После казни Людовика XVI малолетний сын его (род. 1785 г.), герцог Нормандский, был своим дядей, графом Прованским (будущим Людовиком XVIII), провозглашен королем Франции. Заключенный якобинцами в тюрьму, принц умер в 1795 г. Несмотря на очевидность смерти принца, различные авантюристы пытались выдавать себя за Людовика XVII. Можно упомянуть Жана-Мария Герваго (умер, как бродяга, в тюрьме в 1812 г.), Матюрена Брюно (исчез после Июльской революции), герцога Ричмонда—Анри Эбера, который бежал от тюрьмы в Лондон и умер там в 1845 г., наконец, немца Карла-Вильгельма Наундорфа и его сына, оспаривавшего права на французский престол у графа Шамбора. В 1893 г. в Париже даже основано было «Société d'études sur la question de Louis XVII».

²³ Саккар Аристид—герой нескольких романов Золя из серии «Ругон-Маккары». В «Карьере Ругонов»—это стремящийся к власти и наживе, политически беспринципный карьерист; в «Добыче»—мелкий служащий, превратившийся в крупного дельца, спекулирующего на земельных участках в связи с реконструкцией Парижа; в «Деньгах»—финансист-авантюрист, основавший «Всемирный банк» для эксплоатации природных богатств Малой Азии. И в «Добыче» и в «Деньгах» деятельность Саккара

заканчивается крахом.

²⁴ Толстя кам и названы в романе Золя «Чрево Парижа» некоторые действующие лица, представители торжествующей, сытой средней и мелкой буржуазии, поддерживающей империю Наполеона III (Лиза Маккар и ее муж Кеню, Мегюдены и другие торговцы Центрального рынка), в противоположность Тощим—оппозиционе-

рам-республиканцам Флорану и художнику Клоду.

²⁶ С і р г і а п і Гамилькар (1844—1918)—итальянский политический деятель, социалист, член І Интернационала, участник сицилийского и римского походов Гарибальди. После поражения Гарибальди был приговорен к смерти, но бежал из Церковной области во Францию. Во время Коммуны сражался в качестве адъютанта Флуренса и полковника национальной гвардии против версальцев. Был приговорен к смертной казни, сослан в Каледонию. После амнистии 1879 г. вернулся в Европу, был выдан Италии и осужден за революционную деятельность на десять лет. Позднее сблизился с социалистами, сторонниками Жореса, вступил во ІІ Интернационал. В 1897 г. сражался в качестве добровольца в греческой армии против турок, был тяжело ранен.

²⁶ С o n s t a n s Эрнест (1833—1913)—французский политический деятель, радикал,

противник буланжистов.

- ²⁷ В о и г g е о i s Леон-Виктор (1851—1925)—французский политический деятель. В 1888 г. выступал в Палате депутатов против генерала Буланже и примкнул к левым радикалам; товарищ министра внутренних дел в кабинете Флоке (1888—1889), министр внутренних дел (1890), участвовал в качестве министра в других кабинетах. Как министр юстиции, начал энергичное расследование панамского дела, но вскоре вынужден был подать в отставку (1893). В 1895 г. сформировал кабинет из радикалов, в 1899 г. был делегатом Франции на Гаагской мирной конференции.
- ²⁸ Leygues Жорж (1857—?)—французский политический деятель, неоднократно занимал должность министра, председатель совета министров в 1920—1921 гг.

²⁹ Hebrard Адриен (1833—1914)—французский журналист, долголетний редактор «Теmps».

- ⁸⁰ Drumont Эдуард-Адольф (1841—1917)—французский публицист, антисемит, реакционер. Сотрудник «Gaulois» и «Liberté» (орган еврея-банкира Перейры). Играл руководящую роль в антисемитском движении 80—90-х годов. Написал «La France juive» (1886), основал орган «Libre parole». Во время дела Дрейфуса выступал, как яростный его противник, боролся с Э. Золя.
 - ³¹ Нунций—прелат аккредитированный папой при иностранном правительстве.
 ³² Камерлинг—кардинал-управитель делами католической церкви во время

отсутствия папы.

³⁸ Пий IX (1792—1879)—римский папа в 1846—1879 гг. Организовал государственное управление Церковной областью, допустил в министерство светских лиц. Во время революции 1848 г., в связи с заговором против него, бежал в Неаполь. В Риме

же Учредительное собрание провозгласило республику (6 февраля 1849 г.), подавленную французской оккупационной армией, причем глава восстания Гарибальди и глава правительства Мадзини были изгнаны. В 1854 г. провозгласил догму «непорочного зачатия», в 1869 г. созвал в Ватикане собор, провозгласивший догму о непогрешимости папы (18 июля 1870 г.). Во время франко-прусской войны 1870 г. французские оккупационные войска покинули Рим, и тогда итальянский парламент, находившийся во Флоренции, объявил Рим столицей объединенного королевства Италии. Папе был предоставлен в постоянное пользование Ватикан.

³⁴ Конклав-собрание кардиналов для избрания папы.

- ³⁵ Главное управление по делам печати, III отд., 1894 г., д. № 8, лл. 15, 16, 17. Ленинградское отделение Центрального исторического архива (ЛОЦИА).
 - 36 Главн. управл. по делам печати, ІІІ отд., 1898 г., д. № 22, лл. 1—15 (?)
 - 37 Главн. управл. по делам печати, III отд., 1898 г., д. № 22, лл. 10—11.
- ⁸⁸ См. ниже публикацию Л. Полянской и И. Айзенштока («Французские писатели в оценках царской цензуры», стр. 838—842).
 - ⁸⁹ Главн. управл. по делам печати, III отд., 1898 г., д. № 22, лл. 6—7.
- 40 Центральный комитет цензуры иностранной. Рапорты за 1898 г., № 3864. Ленинградское отделение Центрального исторического архива (ЛОЦИА).
 - 41 Центр. к-т ценз. иностр. Рапорты за 1898 г., № 6859.
 - 42 Центр. к-т ценз. иностр. Рапорты за 1907 г., № 2221.
 - 48 Центр. к-т ценз. иностр. Рапорты за 1912 г., № 331.